

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева

Стихотворения 1921–1941

Плач Ярославны
Вопль стародавний,
Плач Ярославны –
Слышите?

С башенной выщечки
Неперерывный
Вопль – неизбывный:
– Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!
Ворон, не сглазь
Глаз моих – пусть
Плачут!
Солнце, мечи
Стрелы в них – пусть
Слепнут!
Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!

* * *

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел – обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец – плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон – вечный.
Белое тело его – ворон клевал.
Белое дело его – ветер сказал.
Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!
Долетай до городской до стенки,
С коёй по миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются коленки,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...
– Ветер, ветер!
– Княгиня, весть!
Князь твой мертвый лежит –
За честь!

* * *

Вопль стародавний,
Плач Ярославны –
Слышите?
Вопль ее – ярый,
Плач ее, плач –
Плавный:
– Кто мне заздравную чару
Из рук – выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!
Дёрном-глиной заткните рот
Алый мой – нонче ж.
Кончен
Белый поход.
5 января 1921

«С Новым Годом, Лебединый стан...»
С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом – по чужим местам –
Воины с котомкой!
С пеной у рта пляшет, не догнав,

Красная погоня!
С Новым Годом – битая – в бегах
Родина с ладонью!
Приклонись к земле – и вся земля
Песнею заздравной.
Это, Игорь, – Русь через моря
Плачет Ярославной.
Томным стоном утомляет грусть:
– Брат мой! – Князь мой! – Сын мой!
– С Новым Годом, молодая Русь
За морем за синим!
Москва, 13 января 1921

Большевик
От Ильмена – до вод Каспийских
Плеча рванулись в ширь.
Бьет по щекам твоим – российский
Румянец-богатырь.
Дремучие – по всей по крепкой
Башке – встают леса.
А руки – лес разносят в щепки,
Лишь за топор взялся!
Два зарева: глаза и щеки.
– Эх, уж и кровь добра! –
Глядите-кось, как руки в боки,
Встал посреди двора!
Весь мир бы разгромил – да проймы
Жмут – не дают дыхнуть!
Широкой доброте разбойной
Смеясь – вверяю грудь!
И земли чуждые пытая,
– Ну, какова мол новь? –
Смеюсь, – все ты же, Русь святая,
Малиновая кровь!
31 января 1921

Роландов рог
Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...
За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких, как он,
Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену
Упал и знал, что – тысячи на смену!
Солдат – полком, бес – легионом горд.
За вором – сброд, а за шутком – всё горб.
Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться,
Под свист глупца и мещанина смех –
Одна из всех – за всех – противу всех! –
Стою и шлю, закаменев от взлёту,
Сей громкий зов в небесные пустоты.
И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!
Март 1921

«Как закон голубиный вымарывая...»
Как закон голубиный вымарывая, –
Руку судорогой не свело, –
А случилось: заморское марево
Русским заревом здесь расцвело.
Два крыла свои – эвот да эвона –
. истрекала любовь...
Что из правого-то, что из левого –
Одинакая пролита кровь...
Два крыла православного складеня –
. промеж ними двумя –
А понять ничего нам не дадено,
Голубиной любви окромя...

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В стружьях, в язвах, в проказе – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.
13 марта 1921

Попутчик
Соратник в чудесах и бедах
Герб, во щитах моих и дедов
. выше туч:
Крыло – стрела – и ключ.
<А ну-ка>
<Презрев корону золотую>
Посмотрим, как тебя толкует
Всю суть собрав на лбу
Наследница гербу.
Как..... из потемок
По женской линии потомок
Крыло – когда возьмут карету
Стрела – властям писать декреты
. подставив грудь
– Ключ: рта не разомкнуть.
Но плавится сургуч и ломок
По женской линии потомок
Тебя <сдерет> сургуч.
– Крыло – стрела – и ключ.
<Март 1921>

Ученик
Сказать – задумалась о чем?

В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.

«Быть мальчиком твоим светлоголовым...»
Быть мальчиком твоим светлоголовым,
– О, через все века! –
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.
Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.
Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.
Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!
(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.
15 апреля 1921

«Есть некий час – как сброшенная клажа...»
Есть некий час...

Тютчев.

Есть некий час – как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно–неотвратим.
Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам – Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.
О этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздымающий из своеволя дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.
И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожденное ярмо.
Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!
15 апреля 1921

«Солнце Вечера – добрее...»
Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует – не греет
Солнце в полдень.
Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи.
Умудренное, не хочет
Бить нам в очи.
Простотой своей – тревожа –
Королевской,
Солнце Вечера – дороже
Песнопевцу!

* * *

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера – не кланяется
Черни.
Низвергаемый с престола
Вспомни – Феба!
Низвергаемый – не долу
Смотрит – в небо!
О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.
16 апреля 1921
«Пало прениже волн...»
Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные – двое.
Тесно – плечо с плечом –
Встали в молчанье.
Два – под одним плащом –
Ходят дыханья.
Завтрашних спящих войн
Вождь – и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.
Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
– Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!
Через все небо – дым
Воинств Господних.

Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.
Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет...
– Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!
Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко – как спелый плод –
Падает: – Сыне!
Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое – в покое.
19 апреля 1921

«Был час чудотворен и полн...»
Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню – бок о бок – на холм,
Я помню – всходили...
Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.
Всё выше, всё выше – высот
Последнее золото.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.
21 апреля 1921

«Все великолепье...»
Все великолепье
Труб – лишь только лепет
Трав – перед Тобой.
Все великолепье
Бурь – лишь только щебет
Птиц – перед Тобой.
Все великолепье
Крыл – лишь только трепет
Век – перед Тобой.
23 апреля 1921

«По холмам – круглым и смуглым...»
По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгущим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – следом и следом.
По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – лгущим и лгущим...
25 апреля 1921

«В сновидящий час мой бессонный, совиный...»
В сновидящий час мой бессонный, совиный
Так я вдруг поняла:
Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина
На всем протяженье ствола.
Продольное сердце, от корня до краю
Стремящее Рост и Любовь.
Древесная–чистая, – вся ключевая,
Древесная – сильная кровь.
Не знающие ни продажи, ни купли –

Не руки – два взмаха в лазорь!
Не лоб – в небеса запрокинутый купол,
Любимец созвездий и зорь.
Из темного чрева, где скрытые руды,
Ввысь – мой тайновидческий путь.
Из недр земных – и до неба: отсюда
Моя двуединая суть.
Две
Два знанья, вкушенные всласть.
К законам земным дорогое пристрастье,
К высотам прекрасная страсть.
Апрель 1921

«Как настигаемый олень...»
Как настигаемый олень
Летит перо.
О
И как хитро!
Их сонмы гонятся за мной, –
Чумная масть!
Все дети матери одной,
Чье имя – страсть.
Олень, олень Золоторог,
Беда близка!
То в свой звонкоголосый рог
Трубит тоска...
По зарослям словесных чащ
Спасайся, Царь!
То своры дых кровокипящ, –
То Ревность-Псарь!
Все громче, громче об ребро
Сердечный стук...
И тихо валится перо
Из смуглых рук...
30 апреля 1921

«На што мне облака и степи...»
На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.
Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.
Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...
Не встанет – любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.
3 мая 1921

«Душа, не знающая меры...»
Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
– Саванароловой сестра –
Душа, достойная костра!

«О первое солнце над первым лбом...»
О первое солнце над первым лбом!
И эти – на солнце прямо –
Дымящие – черным двойным жерлом –
Большие глаза Адама.
О первая ревность, о первый яд
Змеиный – под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!
Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!
10 мая 1921

«Косматая звезда...»
Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приبلуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность –
Волосатая звезда древних!
10 мая 1921

Марина
«Быть голубкой его орлиной...»
Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом –
Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.
Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!
Где верхом – где ползком – где вплавь!
Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берет, – там летом,
Все ветра полонивши в плащ!
Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!
Близнецом – двойником – крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.
Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое – Басманов,
Отстанись. – Уступи любви!
Распахнула платок нагрудный.
– Руки настезь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.
11 мая 1921

«Трем Самозванцам жена...»
Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...
– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!
11 мая 1921

«Сердце, измена...»
– Сердце, измена!
– Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.
Краткая встряска костей о плиты.
– Гришка! – Дмитрий!
Цареубийцы! Псёкровь холопья!
И – повторенным прыжком –
На копыя!
11 мая 1921

«Грудь Ваша благоуханна...»
– Грудь Ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
– Мой молодой господарчик...
– Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: – Жизнью!
В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу – служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.
Перлы рассыпались, – слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.
13 мая 1921

«Как разгораются – каким валежником...»
Как разгораются – каким валежником!
На площадях ночных – святыни кровные!
Пред самозванческим указом Нежности –
Что наши доблести и родословные!
С какой торжественною постепенностью
Спадают выпренные обветшалости!
О наши прадедовы драгоценности
Под самозванческим ударом Жалости!
А проще: лоб склонивши в глубь ладонную,
В сознании низости и неизбежности –
Вниз по отлогому – по неуклонному –
Неумолимому наклону Нежности...
Май 1921

Кн. С.М. Волконскому
Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный – слегка –
Чуть прикасающийся голос.
Какое-то скольжение вдоль –
Ввысь – без малейшего нажима...
О дух неуловимый – столь
язвящий – сколь неязвимый!
Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
– Сиятельный – лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся – весь!
В лад дышащий – с одной вселенной!
Всегда отсутствующий здесь,
Чтоб там присутствовать бессменно.
Май 1921

Разлука
Серее

«Башенный бой...»
Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где –
Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.
Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом,
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.
Точно рукой
Сброшенный в ночь –
Бой.
– Брошенный мой!
Май 1921

«Уроненные так давно...»
Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!
Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий воин молодой
Крыло подстелет.
Май 1921

«Всё круче, всё круче...»
Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.
Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! –
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.
Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной

Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!
июнь 1921

«Смуглой оливой...»
Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.
Каждый им шелест
внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.
Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.
* * *

Думаешь – скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы
Медноголосый
Зов его – в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
– Думаешь – топит?
Дольнее жало
– Верись – вонзилось?
Пуще опалы –
Царская милость!
Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, – незримых!
Каждый им волос
ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.
Бойся не тины, –
Тверди небесной!
Ненасытимо –
Сердце Зевеса!
25 июня 1927

«Тихонько...»
Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая путы:
Ручонки – и ржанию
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.
Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. – В глаза – полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовете:
Меж ними – струистая лестница Леты.
27 июня 1921

«Седой – не увидишь...»
Седой – не увидишь,
Большим – не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.
На всю твою муку,
Раззор – плач:
– Брось руку!

Оставь плащ!
В бесстрастии
Каменноокой камен,
В дверях не помедлю,
Как матери медлят:
(Всею тяжестью крови,
Колен, глаз –
В последний земной
Раз!)
Не кра́душимся перешибленным зверем, –
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери –
Из жизни. – О чем же
Слезам течь,
Раз – камень с твоих
Плеч!
Не камень! – Уже
Широтою орлиною –
Плащ! – и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда – взять
Не смеет дитя
Мать.
28 июня 1921

«Ростком серебряным...»
Ростком серебряным
Рванулся ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес –
Молись!
При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.
Звериной челюсти
Страшной – их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.
Цветами, лаврами
Заманят ввысь.
Чтоб не избрал его
Зевес –
Молись!
Все небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всею грудью грохайся –
Чтоб не сокрыл.
В орлином грохоте
– О клюв! О кровь! –
Ягненок крохотный
Повис – Любовь...
Простоволосая,
Всею грудью – ниц...
Чтоб не вознес его
Зевес –
Молись!
29 июня 1921

«Я знаю, я знаю...»
Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,

Повисшие в зорях.
Я знаю, я знаю,
Кто чаще – хозяин!
Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу
От грозных и розовых уст –
Бога!
30 июня 1921

«Твои ... черты...»
Твои ... черты,
Запечатленные Кануном.
Я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.
Твои ... черты,
Обточенные ветром знойным.
Я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным.
Волос полуденная тень,
Склоненная к моим сединам..
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном..
Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара..
И – радугой – благая весть:
. – не буду старой!
Троицын день 1921

«Последняя прелесть...»
Последняя прелесть,
Последняя тяжесть:
Ребенок, у ног моих
Бьющий в ладоши.
Но с этой последнею
Прелестью – справлюсь,
И эту последнюю тяжесть я –
Сброшу.
.
Всей женскою лестью
Язва вдохновенной,
Как будто не отрок
У ног, а любовник –
О шествиях –
Вдоль изумленной Вселенной
Под ливнем лавровым,
Под ливнем дубовым.
Последняя прелесть,
Последняя тяжесть –
Ребенок, за плащ ухватившийся... – В муке
Рожденный! – Когда-нибудь людям расскажешь,
Что не было равной –
В искусстве Разлуки!
10 июля 1921

«Два зарева! – нет, зеркала...»
М.А. Кузмину

Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга
Обугленных – из льда зеркал,
С плит тротуарных,
Через тысячеверстья зал
Дымят – полярных.
Ужасные! – Пламень и мрак!
Две черных ямы.

Бессонные мальчишки – так –
В больницах: Мама!
Страх и укор, ах и аминь...
Взмах величавый...
Над каменностию простынь –
Две черных славы.
Так знайте же, что реки – вспять,
Что камни – помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных
Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.
2 июля 1921

Вестнику
Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче чем благословенье
С тобой – веление мое!
Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели фортуны –
Ты сердце Цезаря везешь!
Смирят лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!
Обветренные руки стиснув,
Слежу. – Не верь глазам! – Все ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.
Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой – тысяча который? –
К единственному одному.
В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож
– Между рубахою и грудью –
Ты сердце Матери везешь.
3 июля 1921

Георгий
С.Э.

«Ресницы, ресницы...»
Ресницы, ресницы,
Склоненные ниц.
Стыдливостию ресниц
Затменные – солнца в венце стрел!
– Сколь грозен и сколь ясен! –
И плащ его – был – красен,
И конь его – был – бел.
Смущается Всадник,
Гордится конь.
На дохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-окна широкого
Вслед копьё
В пасть красную – дико раздув ноздрю –
Раскосостью огнеокой.
Смущается Всадник,
Снисходит конь.
Идохшего гада
Дрянную кровь
– Янтарную – легким скоком

Минует, – янтарная кровь течет.
Внесенным копытом застыв – с высот
Лебединого поворота.
Безропотен Всадник,
А конь брезглив.
Гремучего гада
Копьем пронзив –
Сколь скромн и сколь томен!
В ветрах – высокó – седлецо твое,
Речной осокой – копьецо твое
Вот-вот запоет в восковых перстах
У розовых уст
Под прикрытием стрел
Ресничных,
Вспоет, вскличет.
– О страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.
Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижет..
Святая иконка – лицо твое,
Закатным лучом – копьецо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьем?
Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею –
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.
Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Все слабже вокруг копьеца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!
– Колеблется – никнет – и вслед копыю
В янтарную лужу – вослед копыю
Скользнувшему.
– Басенный взмах
Стрел..
Плащ красен, конь бел.
9 июля 1921

«О тяжесть удачи...»
О тяжесть удачи!
Обида Победы!
Георгий, ты плачешь,
Ты красною девой
Бледнеешь над делом
Своих двух
Внезапно-чужих
Рук.
Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь гласом
Победным. – Тяжелым смарагдовым маслом
Стекает кровища.
Дракон спит.
На всю свою жизнь
Сыт.
Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской

Союз.
Из седла –
В небеса –
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.
Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь даром
Царевым, – ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг – скуп –
В безжалостный
Рев
Труб.
Трубите! Трубите!
Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный – долу.
Дотрубленный долу
Поник. – Смолк.
И облачный – ввысь! –
Столб.
Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!
Зардевшийся под оплеухою славы –
Бледнеет. – Домой, трубачи! – Спит.
До судной трубы –
Сыт.
11 июля 1921

«Синие версты...»
Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте – Георгия!
Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:
Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте – коня его!
* * *

Зычные мачты
И слободы орлие!
Громокипящего
Славьте – Георгия!
Солнцеподобного
В силе и в кротости.
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:
Башенный рост его,
Посвист копья его,
Молниехвостого
Славьте – коня его!
Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте – Георгия!
Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным – вступившего!
Зычный разгон его,
Посвист копья его,
Преображенного
Славьте – коня его!
* * *

Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного
Юношу – славьте,
Юношу – плачьте...
Вот он, что розан
Райский – на травке:
Розовый рот свой
На две половиночки –
Победоносец,
Победы не вынесший.
11 июля 1921

«Из облаков кивающие перья...»
Из облаков кивающие перья.
Как передать твоё высокомерье,
– Георгий! – Ставленник небесных сил!
Как передать закрепощенный пыл
Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.
Перед любезнейшею из красот
Как передать – с архангельских высот
Седла – копья – содеянного дела
И девственности гневной – эти стрелы
Ресничные – эбеновой масти –
Разящие: – Мы не одной кости!
Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
– Чуть что земли не тронувший едва –
Поклон, – и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
– О, не благодарите! – По приказу.
12 июля 1921

«С архангельской высоты седла...»
С архангельской высоты седла
Евангельские творить дела.
Река сгорает, верста смугла.
– О даль! Даль! Даль!
В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Вось! Вось!
В заоблачье исчезать как снасть!
Двуочие разевать как пасть!
И не опомнившись – мертвым пасть:
О страсть! – Страсть! – Страсть!
12 июля 1921

«А девы – не надо...»
А девы – не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.
Как был до победы:
Сиротский и вдовый.
По вольному следу
Воды родниковой.
От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.
Храни, Голубица,
От града – посева,
Деву – от гада,
Героя – от девы.
13 июля 1921

«О всеми ветрами...»
О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Геоργия – робость,
Геоργия – кротость...
Очей непомерных
– Широких и влажных –
Суровая – детская – смертная важность.
Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.
Не тот – высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Геоργий,
Тишайший Геоργий,
Горчайший – свеча моих бдений – Геоργий,
Кротчайший – с глазами оленя – Геоργий!
(Трепещущей своре
Противший олень).
– Которому пробил
Геоργиев день.
О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!
Ты – все мои бденья
И все сновиденья!
Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты, больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!
Лазурное око мое –
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.
– Так слушай же!..
14 июля 1921

(Не dokonчено за письмом.)

«Не лавром, а терном...»
Не лавром, а терном
На царство венчаный,
В седле – а крылатый!
Вкруг узкого стана
На бархате черном
Мальтийское злато.
Нетленные иглы
Терновые – Богу
И Другу присяга.
Высокий загиб
Лебединый, а с боку
Мальтийская шпага.
Мальтийского Ордена
Рыцарь – Геоργий,
Меж спящими – бдящий.
Мальтийского Ордена
Рыцарь – Геоργий,
На жен не глядящий...
Июль 1921

«Странноприимница высоких душ...»
Странноприимница высоких душ,
.
Тебя пою – пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея.
Земля высокомерная! – Ступню

Отталкивающая как ладонью,
Когда ж опять на грудь твою ступлю
Заносчивой пятою амазоньей –
Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая
Земля, земля Героев и Богов,
Амфитеатр моего Восхода!
Июль 1921

Благая весть
С.Э.

«В сокровищницу...»
В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.
Меж водорослей –
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях – моего!
В заоблачную
Песнопенную высь –
Двумолнием
Осмелеваюсь – и вот
Мне жаворонок
Обронил с высоты –
Что за морем ты,
Не за облаком ты!
15 июля 1921

«Жив и здоров...»
Жив и здоров!
Громче громов –
Как топором –
Радость!
Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!
Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен –
Вырвут?
И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос –
Ужас.
Стало быть, жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут –
Слышишь?
Вывез корабль?
О мой журавль
Младший – во всей
Стае!
Мертв – и воскрес?!
Вздыху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом
По голове, –
Нет, по эфес
Шпагою в грудь –
Радость!
16 июля 1921

«Под горем не горбась...»
Под горем не горбась,

Под камнем – крылатой –
– Орлом! – уцелев,
Земных матерей
и небесных любовниц
Двойную печаль
Взвалив на плеча, –
Горяча мне досталась
Мальтийская сталь!
Но гневное небо
К орлам – благосклонно.
Не сон ли: в волнах
Сонм ангелов конных!
Меж ними – осанна! –
Мой – снегу белей...
Лилейные ризы,
– Конь вывезет! – Гривой
Вспенённые зыби.
– Вал вывезет! – Дыбом
Встающая глыба...
БОГ вынесет...
– Ох! –
17 июля 1921

«Над спящим юнцом – золотые шпоры...»
Над спящим юнцом – золотые шпоры.
Команда: вскачь!
Уже по пятам воровская свора.
Георгий, плачь!
Свободную левою крест нащупал.
Команда: вплавь!
Чтоб всем до единого им под купол
Софийский, – правь!
Пропали! Не вынесут сухожилья!
Конец! – Сдались!
– Двумолнием раскрепощает крылья.
Команда: ввысь!
19 июля 1921

«Во имя расправы...»
Во имя расправы
Крепись, мой Крылатый!
Был час переправы,
А будет – расплаты.
В тот час стопудовый
– Меж бредом и былью –
Гребли тяжело
Корабельные крылья.
Меж Сциллою – да! –
и Харибдой гребли.
О крылья мои,
журавли-корабли!
Тогда по крутому
Эвксинскому берегу
Был топот Побегу,
А будет – Победы.
В тот час непосильный
– Меж дулом и хлябью –
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,
Плеча напирали,
Глаза стерегли.
– О крылья мои,
журавли-корабли!
Птенцов узколищих
Не давши в обиду,
Сказалось –
Орлицыно сердце Тавриды.
На крик длинноклювый

– С ерами и с ятью! –
Проснулась –
Седая Монархиня-мать.
И вот уже купол
Софийский – вдали...
О крылья мои,
журавли-корабли!
Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.
Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.
И нету конца ей,
И нету земли...
– О крылья мои,
журавли-корабли!
20 июля 1921

Возвращение вождя
Конь – хром,
Меч – ржав.
Кто – сей?
Вождь толп.
Шаг – час,
Вздых – век,
Взор – вниз.
Все – там.
Враг. – Друг.
Терн. – Лавр.
Всё – сон...
– Он. – Конь.
Конь – хром.
Меч – ржав.
Плащ – стар.
Стан – прям.
16 июля 1921

«Благоухала целую ночь...»
Благоухала целую ночь
В снах моих – Роза.
Неизреченно-нежная дочь
Эроса – Роза.
Как мне усвоить, расколдовать
Речь твою – Роза?
Неизреченно-нежная мать
Эроса – Роза!
Как ... мне странную сласть
Снов моих – Роза?
Самозабвенно-нежная страсть
Эроса – Роза!
21 июля 1921

«Прямо в эфир...»
Прямо в эфир
Рвется тропа.
– Остановись! –
Юность слепа.
Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
– Остановись! –
В небо ступнешь.
25 августа 1921

«Не в споре, а в мире...»
Не в споре, а в мире –

Согласные сестры.
Одна – меч двуострый
Меж грудью и миром
Восставив: не выйду!
Другая, чтоб не было гостю обиды –
И медом и миром.
<1921>

Отрок
Геликону

«Пустоты отроческих глаз! Провалы...»
Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны – лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.
Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона,
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустот!
Провалы отроческих глаз! – Пролеты!
Душ раскаленных – водопой.
– Оазисы! – Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.
Пью – не напьюсь. Вдох – и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался царь Саул.
25 августа 1921

«Огнепоклонник! Красная масть...»
Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и ворожащий!
Как годовалый – в красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чашу –
Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь!
Огнепоклонник! Страшен твой Бог!
Пляшет твой Бог, насмерть ударив!
Думаешь – глаз? Красный всполох –
Око твое! – Перебег зарев...
А пока жив – прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!
Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью – горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных
Стройную мощь выкрутив в жгут
Мой это бьет – красный лоскут!
27 августа 1921

«Простоволосая Агарь – сижу...»
Простоволосая Агарь – сижу,
В широкоокою печаль – гляжу.
В печное зарево раскрыв глаза,
Пустыни карие – твои глаза.
Забывши Верую, купель, потир –
Справа-налево в них читаю Мир!
Орлы и гады в них, и лунный год, –
Весь грустноглазый твой, чужой народ.
Пески и зори в них, и плащ Вождя...
Как ты в огонь глядишь – я на тебя.
Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.
Босая, темная бреду, в тряпье...
– И уж не помню я, что там – в котле!
28 августа 1921

«Виноградины тщетно в садах ржавели...»
Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! – Смолы тяжёле
Протекает в вас древняя грусть Саула.
Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-Царю не пьется,
Так давно уже землю пытается око.
Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.
30 августа 1921

«Веками, веками...»
Веками, веками
Свергала, взводила.
Горбачусь – из серого камня – Сивилла.
Пустынные очи
Упорствуют в землю.
Уже не пророчу, –
Зубов не разъемлю.
О дряхлом удаве
Презренных сердец –
Лепечет, лепечет о славе юнец.
Свинцовые веки
Смежила – не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные – видят:
В сей нищенской жизни –
Лишь час величавый!
Из серого камня – гляди! – твоя слава.
О дряхлом удаве
Презренных сердец –
Лепечет, лепечет о славе юнец.
2 сентября 1921

«Соревнования короста...»
Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой – Петербург, моя – Москва.
Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.
Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер...
Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесьть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.
12 сентября 1921

Отрывок из стихов к Ахматовой
...Но вал моей гордыни польской
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер.
Следя полночные наезды,
Бдил добровольческий табун,
Пока беседовали звезды
С Единодержицею струн.
12 сентября 1921

Маяковскому
Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!
Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.
18 сентября 1921

«Гордость и робость – родные сестры...»
Гордость и робость – родные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.
«Лоб запрокинув!» – гордость велела.
«Очи потупив!» – робость шепнула.
Так прохожу я – очи потупив –
Лоб запрокинув – Гордость и Робость.
20 сентября 1921

Ханский полон
«Ханский полон...»
Ханский полон
Во сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.
Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!
Оповести
Словом и знаком,
Тех усыпи
Хмелем и маком,
Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнем и канавой будь, –
Чтоб все ветра им в грудь!
Черный бог,
Ворон-бог,
Полночь-бьет-бог.
Щебнем-травой,
Гребнем-откосом.
Над татарвой
– Тьфу! – над раскосой.
Конь мой земли не тронь,
Лоб мой звезды не тронь,
Вздых мой губы не тронь,
Всадник-конь, перст-ладонь.
Конный бог,
Сонный бог,
Ломом в лоб-бог!
Быстрым ногам –
Крепость и смелость!
По слободам
Век чтобы пелось:
Беглых и босых – бог,
Простоволосых – бог,
Взлет, всплеск, всхлест, охлест-бог,
Сам черт на веслах – бог.
Окрик-бог,

Охлест–бог,
Опрометь–бог!
1 октября 1921

«Ни тагана...»
Ни тагана
Нет, ни огня.
На меня, на!
Будет с меня
Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой!
– Где ж, быстрота,
Крест–твой–цепóк?
– Крест–мой–цепóк
Хан под сапог.
Град мой в крови,
Грудь без креста, –
Усынови,
Мать–верста!
– Где ж, сирота,
Кладь–твоя–дом?
– Скарб – под ребром,
Дом – под седлом,
Хан мой – Мамай,
Хлеб мой – тоска.
К старому в рай,
Паперть–верста!
– Что ж, красота,
К Хану строга?
– К Хану строга?
Память долга!
Камнем – мне Хан,
я мой – Москва.
К ангелам в стан,
Скатерть–верста!
2 октября 1921

«Следок твой непытан...»
Следок твой непытан,
Вихор твой – колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.
Нетоптанный путь,
Непутевый огонь. –
Ох, Родина–Русь,
Неподкованный конь!
Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук.
Худое корыто
В хоромах – да крюк.
Корою нажрусь, –
Не диковина нонь!
– Ох, Родина–Русь,
Зачарованный конь!
Не вскочишь – не сядешь!
А сел – не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву – Мамай!
Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
– Эх, Родина–Русь,
Нераскаянный конь!
8 октября, Сергиев день 1921

«Не растеклась еще...»
Не растеклась еще

Кровь Иисусова.
Над безнапраслинкой –
Времячко Бусово.
Черная кровь
Из-под ножа.
Бусом – любовь,
Бусом – божба.
Знать не дошла еще
Кровь Голубина.
Озером – Жаль,
Полям – Обида.
(Уж не тебя ль,
Князь мой нелжив?)
Озером – Жаль,
Деревом – Див.
Тупит глаза
Русь моя руса.
Вороном – Гза,
Гзак тот безусый,
Хан-тот-лазей,
Царь-раскрадынъ,
Рознит князей,
Вдовит княгинь.
– Ослобони меня!
Хану – рабынюшка!
В роще обидонька
Плачет рябинушкой.
Не перечестъ
Той бирюзы.
Девичья честь –
Стрелы борзы!
Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березынькой.
Только и есть –
Два рукава!
Гзакова лестъ –
Плеть скакова!
Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы.
Полный колчан,
Вольный постой.
А по ночам
Мать над дитей:
– Спи, неустан,
Спи, недослух,
Чтоб тебя сам
Хан карнаух!
Хвать – да и в стан!
Каши не даст!
Чтоб тебя сам
Гзак-загребаст!
Так по шатрам,
Через всю Русь:
– Чтоб тебя сам
Бус-удавлюсь!
20 марта 1922

«Семеро, семеро...»
Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоих шкур твоих
Славлю, Змей!
Пустопорожня
Дань земле –

Старая кожа
Лежит на пне.
Старая сброшена, –
Новой жди!
Старую кожу,
Прохожий, жги!
Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!
Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей –
Семижды семь!
16 октября 1921

Хвала Афродите
«Блаженны дочерей твоих, Земля...»
Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Так лавр растет, – жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.
17 октября 1921

«Уже богов – не те уже щедроты...»
Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!
Я ж на песках похолодевших лежу,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.
17 октября 1921

«Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь...»
Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.
Тяжкоразящей стрелой тупую
Освободил меня твой же сын.
– Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!
18 октября 1921

«Сколько их, сколько их ест из рук...»
Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!
Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.
Каждое облако в час дурной –
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном – твой
Лик, Дьяволица!
Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке –
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?
23 октября 1921

«От гнева в печени, мечты во лбу...»
От гнева в печени, мечты во лбу,
Богиня верности, храни рабу.
Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.
Все сладколичие сними с куста,
Косноязычием скрепи уста...
Запечатленнее кости в гробу,
Богиня Верности, храни рабу!
Дабы без устали шумел станок,
Да будет уст ее закон – замок.
Дабы могильного поверх горба:
«Единой Верности была раба!»
На раздорожии, ребром к столбу,
Богиня Верности – распни рабу!
24 октября 1921

«С такую силой в подбородок руку...»
С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –
Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.
24 октября 1921

Молодость
«Молодость моя! Моя чужая...»
Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапжок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
18 ноября 1921

«Скоро уж из ласточек – в колдуньи...»
Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!
Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!
Полосни лазоревую шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – Спляши, ошпарь!
Золотце мое – прощай – янтарь!
Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!
20 ноября 1921

Муза
Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, –
Такая далекая!
Под смуглыми веками –
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла – и забыла.
Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.
Не плачет, не сетует:
Рванул – так и милый!
Рукою обветренной
Дала – и забыла.
Забыла – и рассыпью
Гортанною, клеточком...
– Храни ее, Господи,
Такую далекую!
19 ноября 1921

«Справа, справа – баран круторогий...»
Справа, справа – баран круторогий!
И сильны мои ноги.
Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги!
Слажу, слажу с курчавой сестрою,
С корабельной сосною!
Вся поклажа – брусок со струною,
Ничего – за спиною!
Ни закона, ни, ни дома,
Ни отцовского грома,
Ни товарища нежной истомы, –
Всё сгорело соломой!
Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!
. – в Лету,
Без особой приметы!
19 ноября 1921

«Без самовластия...»
Без самовластия,
С полною кротостью.
Легкий и ласковый
Воздух над пропастью.
Выросший сразу,
– Молнией – в срок –
Как по приказу
Будет цветок.
Змееволосый,
Звездочитый...
Не смертоносный, –
Сам без защиты!
Он ли мне? Я – ему?
Знаю: польщусь,
Знаю: нечаянно
В смерть оступлюсь...
20 ноября 1921

«Так плыли: голова и лира...»
Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!
Крово-серебряный, серебро –
Кровавый след двойной лия,

Вдоль обмирающего Гебра –
Брат нежный мой, сестра моя!
Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: мимо!
А губы ей вослед: увы!
Вдаль-зыблящимся изголовьем
Сдвигаемые как венцом –
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли – серебром?
Так, лестницу нисходящей
Речною – в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще
Чем где-либо – лжет соловей...
Где осиянные останки?
Волна соленая – ответь!
Простоволосой лесбиянки
Быть может вытянула сеть? –
1 декабря 1921

«Не для льстивых этих риз, лживых ряс...»
Не для льстивых этих риз, лживых ряс –
Голосистою на свет родилась!
Не ночные мои сны – наяву!
Шипом-шепотом, как вы, не живу!
От тебя у меня, шепот-тот-шип –
Лира, лира, лебединый загиб!
С лавром, с зорями, с ветрами союз,
Не монашествую я – веселюсь!
И мальчишка – недурён-белокур!
Ну, а накривь уж пошло чересчур, –
От тебя у меня, шепот-тот-шип –
Лира, лира, лебединый загиб!
Доля женская, слышать, тяжела!
А не знаю – на весы не брала!
Не продажный мой товар – даровой!
Ну, а ноготь как пойдет синевой, –
От тебя у меня, клекот-тот-хрип –
Лира, лира, лебединый загиб!
4 декабря 1921

«Грудь женская! Души застывший вздох...»
Грудь женская! Души застывший вздох, –
Суть женская! Волна, всегда врасплох
Застигнутая – и всегда врасплох
Вас застигающая – видит Бог!
Презренных и презрительных утех
Игралище. – Грудь женская! – Доспех
Уступчивый! – Я думаю о тех...
Об одногрудых тех, – подругах тех!..
5 декабря 1921

Подруга
Немолкнущим Ave,

Пасхальной обедней –

Прекрасная слава

Подруги последней.

«Спит, муки твоя – веселье...»
Спит, муки твоя – веселье,
Спит, сердца выстраданный рай.
Над Иверскою колыбелью
– Блаженная! – помедлить дай.
Не суетность меня, не зависть
В дом привела, – не воспрети!

Я дитячко твое восславить
Пришла, как древле – пастухи.
Не тою же ль звездой ведома?
– О сéребро-сусаль-слюда! –
Как вкопанная – глянть – над домом,
Как вкопанная – глянть – звезда!
Не радуюсь и не ревную, –
Гляжу, – и по сердцу пилой:
Что сыну твоему дарую?
Вот плащ мой – вот и посох мой.
6 декабря 1921

«В своих младенческих слезах...»
В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
– Благословенна!
У раздорожного креста
Раскрыл глазочки.
(Ведь тот был тоже сирота, –
Сынок безотчий).
В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в слезах!
– Благословенна.
Твой лоб над спящим над птенцом –
Чист, бестревожен.
Был благовест тебе венцом,
Благовест – ложем.
Твой стан над спящим над птенцом –
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом, –
Радуйся, Дева!
В его заоблачных снегах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в снегах!
– Благословенна.
9 декабря 1921

«Огромного воскрылья взмах...»
Огромного воскрылья взмах,
Хлещущий дых:
– Благословенна ты в женах,
В женах, в живых.
Где вестник? Буйно и бело.
Вихорь? Крыло?
Где вестник? Вьюгой замело –
Весть и крыло.
9 декабря 1921

«Чем заслужить тебе и чем воздать ...»
Чем заслужить тебе и чем воздать –
Присноблаженная! – Младенца Мать!
Над стеклянеущею поволокой
Вновь подтверждающая: – Свет с Востока!
От синих глаз его – до синих звезд
Ты, радугою бросившая мост!
* * *
Не падаю! Не падаю! Плыву!
И – радугою – мост через Неву.
Жизнеподательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына!
В хрип смертных мук его – в худую песнь! –
Ты – первенцево вбросившая: «Есмь!»
10 декабря 1921

«Последняя дружба...»
Последняя дружба

В последнем обвале.
Что нужды, что нужды –
Как здесь называли?
Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встаешь, – безымянной.
На крик его: душно! припавшая: друг!
Последнейшая, не пускавшая рук!
Последнею дружбой –
Так сонмы восславят.
Да та вот, что пить подавала,
Да та вот. –
У врат его царских
Последняя смена.
Уста, с синева
Сцеловавшие пену.
Та, с судороги сцеловавшая пот,
На крик его: руку! сказавшая: вот!
Последняя дружба,
Последнее рядом,
Грудь с грудью...
– В последнюю оторопь взгляда
Рай вбросившая,
Под фатой песнопенной,
Последнею славой
Пройдешь – покровенной.
Ты, заповеди растоптавшая спесь,
На хрип его: Мама! солгавшая: здесь!
11 декабря 1921

Вифлеем

Два стихотворения, случайно не вошедшие в «Стихи к Блоку»

Сыну Блока, – Саше.

«Не с серебром пришла...»
Не с серебром пришла,
Не с янтарем пришла, –
Я не царем пришла,
Я пастухом пришла.
Вот воздух гор моих,
Вот острый взор моих
Двух глаз – и красный пых
Костров и зорь моих.
Где ладан-воск – тот-мех?
Не оберусь прорех!
Хошь и нищее всех –
Зато первее всех!
За верблюдо́м верблю́д
Гляди: на холм-твой-крут,
Гляди: цари идут,
Гляди: лари несут.
О – поз – дали!
6 декабря 1921

«Три царя...»

Три царя,
Три ларя
С ценными дарами.
Первый ларь –
Вся земля
С синими морями.
Ларь второй:
Весь в нем Ной,
Весь, с ковчегом-с-тварью.
Ну, а в том?
Что в третём?

что в третём-то, Царь мой?

Царь даёт,

– Свет мой свят!

Не понять что значит!

Царь – вперед,

Мать – назад,

А младенец плачет.

6 декабря 1921

«Как по тем донским боям...»

С.Э.

Как по тем донским боям, –

В серединку самую,

По заморским городам

Все с тобой мечта моя.

Со стены сниму кивот

За труху бумажную.

Все продажное, а вот

Память не продажная.

Нет сосны такой прямой

Во зеленом ельнике.

Оттого что мы с тобой –

Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб –

Для единой родимся.

Ближе, чем с ладонью хлеб –

Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп

Перстенька червонного!

Ближе, чем с ладонью лоб

В те часы бессонные.

Не возьмет мое вдовство

Ни муки, ни мельника...

Нерушимое родство:

Одноколыбельники.

Знай, в груди моей часы

Как завел – не ржавели.

Знай, на красной на Руси

Все ж самодержавие!

Пусть весь свет идет к концу –

Достою у всенощной!

Чем с другим каким к венцу –

Так с тобою к стеночке.

– Ну-козь, до меня охоч!

Не зевай, брательники!

Так вдвоем и канем в ночь:

Одноколыбельники.

13 декабря 1921

«Так говорю, ибо дарован взгляд...»

Так говорю, ибо дарован взгляд

Мне в игры хоровые:

Нет, пурпурные с головы до пят,

А вовсе не сквозные!

Так – довожу: лба осиянный свод

Надменен до бесчувствия.

И если радугю гнется рот –

То вовсе не от грусти.

Златоволосости хотел? Стыда?

Вихрь – и костер лавровый!

И если нехотя упало: да –

Нет – их второе слово.

Мнил – проволокою поддержан бег?

Нет, глыбы за плечами!

В полуопущенности смуглых век

Стрел больше, чем в колчане!

О, в каждом повороте головы –

Целая преисподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да, – ибо рать Господня.
Медновскипающие табуны –
в благовест мы – как в битву!
Какое дело нам до той слюны,
Названной здесь молитвой?!
Путеводители старух? Сирот?
– Всполохи заревые! –
Так утверждаю, ибо настезь вход
Мне в игры хоровые.
14 декабря 1921

«Необычайная она! Сверх сил...»
Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать –
Благословенна ты! А дальше гладь
Такая ровная... Пстой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий... – Дитя, услышь:
Благословенна ты! – А дальше тишь
Такая...
18 декабря 1921

«Как начнут меня колеса...»
Как начнут меня колеса –
В слякоть, в хлипъ,
Как из глотки безголосой
Хлынет кипь –
Хрип, кончающийся за морем,
что стерт
Мол с лица земли мол...
– Мама?
Думал, – черт!
Да через три ча еще!
23 декабря 1921

«Над синеморскою лоханью...»
Над синеморскою лоханью –
Воинствующий взлет.
Божественное задыханье
Дружб отроческих – вот!
Гадательные диалоги
Воскрылия с плечом.
Объятие, когда руки и ноги
И тело – ни при чем.
Ресни – цами – сброшенный вызов:
Вырвалась! Догоняй!
Из рук любовниковых – ризы
Высвобожденный край.
И пропастью в груди (что нужды
в сем: косное грудь в грудь?)
Архангельской двуострой дружбы
Обморочная круть.
25 декабря 1921

Ахматовой («Кем полосынька твоя...»)
Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!
Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.
Где сподручники твои,
Те сподвижнички?

Белорученька моя,
Чернокнижница!
Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил –
Как удушенный.
Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был – сокол!)
Разом выбыли.
Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!
А из тучи-то (хвала –
Диво дивное!)
Соколиная стрела,
Голубиная...
Знать, в два перышка тебе
Пишут таютка,
Знать, уж в скорости тебе
Выйдет грамотка:
– Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!
29 декабря 1921

«Ломающимся ГОЛОСОМ...»
Ломающимся ГОЛОСОМ
Бредет – как палкой по мосту.
Как водоросли – волосы.
Как водоросли – помыслы.
И в каждом спуске: выплыву,
И в каждом взлете: падаю.
Рука как свиток выпала,
Разверстая и слабая...
декабрь 1921

«До убедительности, до...»
До убедительности, до
Убийственности – просто:
Две птицы вили мне гнездо:
Истина – и Сиротство.
<1921–1922>

Москве
«Первородство – на сиротство...»
Первородство – на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.
Тем как вдаль гляжу на ближних –
Отрекаюсь.
Тем как твой топчу булыжник –
Отрекаюсь.
* * *

Как в семнадцатом-то
Праведница в белом,
Усмехаючись, стояла
Под обстрелом.
Как в осьмнадцатом-то
– А? – следочком ржавым
Все сынов своих искала
По заставам.
Вот за эту-то – штыками
Не спокаюсь! –
За короткую за память

Отрекаюсь.
Драгомилово, Рогожская,
Другие..
Широко ж твоя творилась
Литургия.
А рядочком-то
На площади на главной,
Рванью-клочьями
Утешенные, лавром..
Наметай, метель, опилки,
Снег свой чистый.
Поклонись, глава, могилкам
Бунтовщицким.
(Тоже праведники были,
Были, – не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде..
* * *

Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей –
Пляс да яства.
Вот за тех за всех за братьев
– Не спокаюсь! –
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь.
12 января 1922

«Пуще чем женщина...»
Пуще чем женщина
В час свиданья!
Лавроиссеченный,
Красной рванью
Исполосованный
В кровь –
Снег.
Вот они, тесной стальной когортой,
К самой кремлевской стене приперты,
В ряд
Спят.
Лавр – вместо камня
И Кремль – оградой.
Крестного знамени
Вам не надо.
Как –
Чтить?
Не удостоились «Со святыми»,
Не упокоились со святыми.
Лавр.
Снег.
Как над Исусовым
Телом – стража.
Руки грызу себе, – ибо даже
Снег
Здесь
Гнев. – «Проходи! Над своими разве?!»
Первою в жизни преступной связью
Час
Бьет.
С башни – который? – стою, считаю.
Что ж это здесь за земля такая?
Шаг
Врос.
Не оторвусь! («Отрубите руки!»)
Пуще чем женщине
В час разлуки –
Час
Бьет.

Под чужеземным бунтарским лавром
Тайная страсть моя,
Гнев мой явный –
Спи,
Враг!
13 января 1922

«По-небывалому...»

По-небывалому:
В первый раз!
Не целовала
И не клялась.
По-небывалому:
Дар и милость.
Не отстраняла
И не клонилась.
А у протаянного окна –
Это другая была –
Она.

.
.

Не заклинай меня!
Не клялась.
Если и строила –
Дом тот сломлен.
С этой другою
Родства не помню.

.
.

Не окликай меня, –
Безоглядна.
январь 1922

Новогодняя
С.Э.

Братья! В последний час
Года – за русский
Край наш, живущий – в нас!
Ровно двенадцать раз –
Кружкой о кружку!
За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку!
Товарищи!
Жива еще
Мать – Страсть – Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд – цах Русь!
Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...
– Славно, как сталь об сталь –
Кружкой о кружку!
Братства славный обряд –
За наш братственный град
Прагу – до – хрусту
Грянь, богемская грань!
Грянь,
Кружка о кружку!
Товарищи!
Жива еще
Ступь – стать – сталь.
Товарищи!

Цела еще
В серд – цах – сталь.
Братья! Последний миг!
Уж на опушке
Леса – исчез старик...
Тесно – как клык об клык –
Кружкой о кружку!
Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив – русский
Бог! Кто верует – встань!
Грянь,
Кружка о кружку!
15 января 1922

Новогодняя
(вторая)
С. Э.

Тот – вздохом взлелеянный,
Те – жестоки и смуглы.
Залетного лебедя
Не обижают орлы.
К орлам – не по записи:
Кто залетел – тот и брат!
Вольна наша трапеза,
Дик новогодний обряд.
Гуляй, пока хочется,
В гостях у орла!
Мы – вольные летчики,
Наш знак – два крыла!
Под гулкими сводами
Бои: взгляд о взгляд, сталь об сталь.
То ночь новогодняя
Бьет хрусталем о хрусталь.
Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.
Очами невнятными
Один – в новогоднюю рань...
Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы – вольные летчики,
Наш знак – два крыла!
Соборной лавиною
На лбы – новогодний обвал.
Тоска лебединая,
В очах твоих Дон ночевал.
Тоска лебединая,
Протяжная – к родине – цепь...
Мы знаем единую
Твою, – не донская ли степь?
Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы – вольные летчики,
Наш век – два крыла!
18 января 1922

«Каменногрудый...»
Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб:
Рок.
Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.
Хищен и слеп,

Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.
Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство – мы:
Никаких Высочеств!
Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин – на снег,
И Шенье – на плаху.
19 января 1922

«Не ревновать и не клясть...»
Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.
В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.
Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокою правду.
Рук непреложную рознь
Блюсть, костеня от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.
21 января 1922

«По нагориям...»
По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,
Конь без удержу,
– Полным парусом! –
В завтра путь держу,
В край без праотцев.
Не орлицей звать
И не ласточкой.
Не крестите, –
Не родилась еще!
Суть двужильная.
Чужедальняя.
Вместе с пильнями,
С наковальнями,
Вздых – без одыши,
Лоб – без огляди,
В завтра речь держу
Пóтом огненным.
Пни да рытвины, –
Не взялась еще!
Не судите!
Не родилась еще!
Тень – вожатаем,
Тело – за версту!
Поверх закисей,
Поверх ржавостей,
Поверх старых вер,
Новых навыков,
В завтра, Русь, – поверх
Внуков – к правнукам!
(Мертвых Китежей

Что нам – пастища?)

Возлюбите!

Не родилась еще!

Серпы убраны,

Столы с яствами.

Вместе с судьбами,

Вместе с царствами.

Полукружим,

– Солнцем за море! –

В завтра взор между:

– Есмь! – Адамово.

Дыхом-пыхом – дух!

Одни – поножи.

– Догоняй, лопух!

На седьмом уже!

22 января 1922

«Не похорошела за годы разлуки...»

С.Э.

Не похорошела за годы разлуки!

Не будешь сердиться на грубые руки,

Хватающиеся за хлеб и за соль?

– Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи

Любовь. – Не прогневайся на просторечье

Речей, – не советовала б пренебречь:

То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!

То – выкорчеванный от дружб и приязней

Дух. – В путаницу якорей и надежд

Прозрения непоправимая брешь!

23 января 1922

«Верстами – врозь – разлетаются брови...»

Верстами – врозь – разлетаются брови.

Две достоверности розной любви,

Черные возжи-мои-колеи –

Дальнородожные брови твои!

Ветлами – вслед – поднимаются руки.

Две достоверности верной разлуки,

Кровь без слезы пролитая!

По ветру жизнь! – Брови твои!

Летописи лебединые стрелы,

Две достоверности белого дела,

Радугю – в Божьи бои

Вброшенные – брови твои!

23 января 1922

Посмертный марш

Добровольчество – это добрая воля к смерти...

(Попытка толкования)

И марш вперед уже,

Трубят в поход.

О, как встает она,

О как встает...

Уронив лобной облом

В руку, судорогой сведенную,

– Громче, громче! – Под плеск знамен

Не взойдет уже в залу тронную!

И марш вперед уже,

Трубят в поход.

О, как встает она,

О как встает...

Не она ль это в зеркалах

Расписалась ударом сабельным?

В едком верезге хрусталя

Не ее ль это смех предсвадебный?
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О, как встает она,
О как –
Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток:
– Третьим, третьим вчерась прикуривал!
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как –
А – в просторах – Норд-Ост и шквал.
– Громче, громче промежду ребрами! –
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила вам воля добрая!
И марш вперед уже,
Трубят –
Не чужая! Твоя! Моя!
Всех как есть обнесла за ужином!
– Долгой жизни, Любовь моя!
Изменяю для новой суженой...
И марш –
23 января 1922

«Завораживающая! Крест...»
Завораживающая! Крест
На крест складывающая руки!
Разочарование! Не крест
Ты – а страсть, как смерть и как разлука.
Развораживающий настой,
Сладость обморочного оплыва...
Что настаивающий нам твой
Хрип, обезголосившая дива –
Жизнь! – Без голосу вступает в дом,
В полной памяти дает обеты,
В нежном голосе полумужском –
Безголосицы благая Лета...
Уж немногих я зову на ты,
Уж улыбки забываю важность...
– То вдоль всей голосовой версты
Разочарования протяжность.
29 января 1922

«А и простор у нас татарским стрелам...»
А и простор у нас татарским стрелам!
А и трава у нас густа – бурьян!
Не курским соловьем осоловелым,
Что похотью свою пьян,
Свищу над реченькою румянистой,
Той реченькою–не старей.
Покамест в неширокие полсвиста
Свищу – пытаться богатырей.
Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!
– Алешеньки–то кровь, Ильи! –
Ох и красны ж у нас дымятся реки,
Малиновые полыньи.
В осоловелой оторопи банной –
Хрип княжеский да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разлитой
Той оторопи не покрыть.
Вот и молчок–то мой таков претихий,
Что вывелась моя семья.
Меж соловьев слезистых – соколиха,
А род веду – от Соловья.
9 февраля 1922

«Не приземист – высокоросл...»

Не приземист – высокоросл
Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл
Хоровых не забыла радуг.
Сплю – и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благодарной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.
9 февраля 1922

«Слезы – на лисе моей облезлой...»
Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –
Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!
Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шепоты и топоты татар.
Или мужичонка, на́ круг должный,
За косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...
Сокол – перерезанные путы!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.
10 февраля 1922

Дочь Иаира
1
Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой
Этот просторный покррой
Юным к лицу.

2
В просторах покроя –
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.
Деввица, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.
Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки –
Слез женских послушал
И отчего стону –
Душе вопреки!
Сказал – и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.
Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.
И всё как спросоньница
Немеют конечности.
И в самый базар
С дороги не тронется

Отвесной. – То Вечности
Бессмертный загар.
Привыкнет – и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...
То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.
Рукой его согнута,
Смеется – всё заново!
Всё роза и гроздь!
Но между любовником
И ею – как занавес
Посмертная сквозь.
16-17 февраля 1922

«На пушок девичий, нежный...»
На пушок девичий, нежный –
Смерть серебряным загаром.
Тайная любовь промежду
Рукописью – и пожаром.
Рукопись – пожару хочет,
Девственность – базару хочет,
Мраморность – загару хочет,
Молодость – удару хочет!
Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!
Татарве моей раскосой
В ножки да не поклонюся!
– Русь!!!
16-17 февраля 1922

«На заре – наimedленнейшая кровь...»
На заре – наimedленнейшая кровь,
На заре – наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.
Око зрит – невидимейшую даль,
Сердце зрит – невидимейшую связь...
Ухо пьет – неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет див...
18 февраля 1922

«Переселенцами...»
Переселенцами –
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую
Взвалив на горб –
Ведь и медведи мы!
Ведь и татары мы!
Вшами изъедены
Идем – с пожарами!
Покамест – в долг еще!
А там, из тьмы –
Сонмы и полчища
Таких, как мы.
Полураскосая
Стальная щель.
Дикими космами
От плеч – метель.
– Во имя Господа!
Во имя Разума! –
Ведь и короста мы,
Ведь и проказа мы!
Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех –
Звезда российская:
Противу всех!

Отцеубийцами –
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!
«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,
И дружной папертью,
– Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный!
Ужо тебе!»
22 февраля 1922

Площадь
Ока крылатый откос:
Вброд или вдоль стен?
Знаю и пью робость
В чашечках ко – лен.
Нет голубям зерен,
Нет площадям трав,
Ибо была – морем
Площадь, кремнем став.
Береговой качки
... злей
В башни не верь: мачты
Гиблых кораб – лей...
Грудь, захлебнись камнем...
<1922>

«Сомкнутым строем...»
Сомкнутым строем –
Противу всех.
Дай же спокойно им
Спать во гробех.
Ненависть, – чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!
В бранном их саване –
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.
Враг – пока здоров,
Прав – как упал.
Мертвым – устав
Червь да шакал.
Вместо глазниц –
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!
Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.
22 февраля 1922

Сугробы
Эренбургу

«Небо катило сугробы...»
Небо катило сугробы
Валом в полночную муть.
Как из единой утробы –
Небо – и глыбы – и грудь.
Над пустотой переулка,
По сталактитам пещер
Как раскатилось гулко

Вашего имени Эр!
Под занавескою сонной
Не истолкует Вам Брюс:
Женщины – две – и наклонный
Путь в сновиденную Русь.
Грому небесному тесно!
– Эр! – леопардова пасть.
(Женщины – две – и отвесный
Путь в сновиденную страсть...)
Эр! – необорная крепость!
Эр! – через чрево – вперед!
Эр! – в уплотненную слепость
Недр – осиянный пролет!
Так, между небом и небом,
– Радуйся же, маловер! –
По сновиденным сугробам
Вашего имени Эр.
23 февраля 1922

«Не здесь, где связано...»
Не здесь, где связано,
А там, где велено.
Не здесь, где Лазари
Бредут с постелею,
Горбами вьючными
О щебень дней.
Здесь нету рученьки
Тебе – моей.
Не здесь, где скривлено,
А там, где вправлено,
Не здесь, где с крыльями
Решают – саблями,
Где плоть горластая
На нас: добей!
Здесь нету дарственной
Тебе – моей.
Не здесь, где спрошено,
Там, где отвечено.
Не здесь, где крошева
Промеж – и месива
Смерть – червоточиной,
И ревность-змей.
Здесь нету вотчины
Тебе – моей.
И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьица!
Здесь только проводы,
Здесь слишком спутаны
Концы ремней...
Здесь нету утрени
Тебе – моей.
Не двор с очистками –
Райскими кущами!
Не здесь, где взыскано,
Там, где отпущено,
Где вся расплёскана
Измена дней.
Где даже слов-то нет:
– Тебе – моей...
25 февраля 1922

«Широкое ложе для всех моих рек...»
Широкое ложе для всех моих рек –
Чужой человек.
Прохожий, в которого руки – как в снег
Всею жаркостью век
Виновных, – которому вслед я и вслед,

В гром встречных телег.
Любовник, которого может и нет,
(Вздых прожит – и нет!)
Чужой человек,
Дорогой человек,
Ночлег-человек,
Навек-человек!
– Невемый! – На сале змеином, без свеч,
Хлеб свадебный печь.
В измену! – Руслон расставаний, не встреч
Реке моей бечь.
– В свиданье! – А коли темна моя речь –
Дом каменный с плеч!
Над рвом расставаний, над воркотом встреч –
Реки моей речь...
Простор – человек,
Ниотколь – человек,
Сквозь-пол – человек,
Прошел-человек.
25 февраля 1922

«А уж так: ни о чем...»
А уж так: ни о чем!
Не плечом-не бочком,
Не толчком-локотком, –
Говорком, говорком.
В горле – легкий громок,
Голос встречных дорог,
От судьбы ветерок:
Говорок, говорок.
От крутой орлиной страсти –
Перстенок на пальце.
А замешено то счастье
На змеином сальце.
А не хошь – не бери!
Может, ветер в двери,
Может, встречные три, –
А и сам разбери!
Хошь и крут мой порог –
Потрудись, паренек!
Не с горохом пирог, –
Сахарок-говорок!
Закажи себе на ужин,
Господин хороший,
Закажи себе жемчужин,
Горловых горошин.
Голубиных тех стай
Воркот, розовый рай?
Ай река через край?
Две руки подставляй!
Может, путь-мой-широк
Покатил перстенок
Мимо рук – да в сугроб?
Воркоток-говорок.
Распаял мое запястье
Ветерок февральский.
А замешено то счастье
На змеином сальце...
В ожерелье – сто бус.
Сорок ртов, один кус.
Ох сокол-мой-безус,
Не божусь, не клянусь!
(Может, гость-хромоног
Костылем о порог?
Вдоль хребта холодок –
Рокоток-говорок!)
Как на красной на слободке
Муж жену зарезал.

А моя добыча в глотке –
Не под грудью левой!
От тебя, палача,
Книзу пламен свеча.
Нашей мглы епанча –
Счастье с лева плеча!..
От румяных от щек –
Шаг – до черных до дрозг!
Шелку ярый шнурок:
Ремешок-говорок!
1 марта 1922

«В ворко-клекочущий зоркий круг...»
В ворко-клекочущий зоркий круг –
Голуби встреч и орлы разлук.
Ветвь или меч
Примешь из рук?
В щебете встреч –
Дребезг разлук.
2 марта 1922

«Масляница широка...»
Масляница широка!
Масляницу за бака!
Масляница!
Увальница!
Провожайте
Масляницу!
Масляница-слобода!
Мочальная борода!
Снежок сывороточный,
Бочок вывороченный!
В тыщу девятьсот-от
Семнадцатом – счетом
Забралась, растрепа,
К мужику в окопы.
Восставай, Михалыч!
Твое дело – жалость.
Восставай, Егорыч,
Твое дело – горечь.
Поел, парень, белены,
Пора, парень, за блины!
Масляница!
Бубенница!
Румяная
Труженица!
Над ушком-то гудом:
Пора, брат, за бубен!
А в ладонь-то – зудом:
С кого брать – зарубим.
Товарищество! Товар!
Румяный наш кашевар!
Тисканая!
Глаженая!
Румяная!
Ряженая!
Ротастая –
Твоя купель.
Одна сестра –
На всю артель!
Растерзана,
На круг – рвана!
Кто первый взял –
Тому верна:
На века на вечные:
До первого встречного!
Масляница!
Вафельница!

Румяная
Висельница!
(Блины, вафли,
Сахар, мед!)
Вставай, барин,
Под черед!
Ни пекарен
Вам, ни круп!
Ложись, барин,
Под тулуп!
За наш за труд,
За наш за пот,
Гуляй, Кузьма!
Гуляй, Федот!
Пожрал сенца –
Вались на дичь!
Князьям счета
Строчи, Ильич!
Про наш раззор,
Про горести –
Разборчивей,
Забористой –
На весь забор
Трезвонь, братва!
Така мол нонь
Гармонь пошла.
Висельничек румянист,
Румяный наш гармонист!
Масляница!
Увальница!
Румяная
Кукольница!
Проваливай, преждее!
Мои дрожжи свежие!
Проваливай! Заново!
Мои дрожжи пьяные!
Подправа из белены –
Пора, парень, за блины!
Зубастые,
Разинские,
Без застав поравенствуем!
Поставцы – подковой,
Икра – жемчугова:
С Богородицыных риз.
Садись, парень, не стыдись!
Масляница!
Бусельница!
Провожайте
Масляницу!
Крути, парень, паклю в жгут!
Нынче масляницу жгут.
Гикалу!
Шугалу!
Хапалу!
Чучелу!
6 марта 1922

«Наворковала...»
Наворковала,
Наворожила.
Слева-направо
В путь проводила.
Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж,
Чтоб и у всенощ –
ной – сверх иконок:
Руды-пожары,
Бури-ворожбы –

Поверх державна
Воркота Божья.
Накуковала,
Натосковала.
Чтоб моей славой –
Все тебе скалы.
Чтоб моей силой –
Все тебе реки.
В первый и в третий,
Днесь и навеки...
Чтоб моей левой –
Немощь и помощь.
Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж...
Наобмирала,
Насоловьила.
Без переправы
В рай – насулила,
(Чтоб моей лестью
Все тебе птицы...)
В рай тот невесть чей.
В рай тот персидский...
В сласть и в страданье –
Дай – через руку!
Прощай – в свиданье!
Здравствуй – в разлуку!
10 марта 1922

«А сугробы подаются...»
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приятство,
Воркотов приятство.
Веретен ворчливых царство,
Волков белых – рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,
Белокаменный, уютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки – воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!
Прощай, след незнам, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех снежком покрытый,
По снегам размытый.
Горбуны-горбы-верблюдцы –
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Голытьбе с любовью долг
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!
Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.
День – с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...
В две руки беру – за обе:
Ну – не оторвуся?
В две реки из ям-колдобин –

Дорогие бусы.
Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродам.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...
Не гляди, что слезы льются:
Вода – может статься!
Раз сугробы подаются –
Пора расставаться!
12 марта 1922

«Ранне-утреня...»
Ранне-утреня,
Поздне-вечерня,
Крепко стукана,
Не приручена,
Жарко сватана,
В жены не взята, –
Я дорога твоя
Невозвратна.
Много-питанная,
Чутко-слуханная,
Зорко-слеженная,
Неудержанная!
Уж закачана
Плачем и ливнем!
Даром трачены,
Звонкие гривны!
Даром продана,
Мощь черноземна!
Я хвороба твоя
Неудремна.
(Твоя тайная грусть,
Твоя тайная грызть,
Бесхозяйная Русь,
Окаянная жизнь!)
Вечно – из дому,
Век – мимо дому,
От любезного
В лес – к дороговому!
Берегись, простота светлоруса!
Из-под полоза – птицей урвуся!
Вон за ту вон за даль,
Вон за ту вон за синь,
Вон за ту вон за сквозь,
Грива вкось, крылья врозь.
Эй, хорошие!
Не довелось!
Разворочена,
Простоволоса,
– Лжемариною
В сизые гряды! –
Я княгиня твоя
Безоглядна...
(Не гордыня ли
Неодоленна твоя,
Неомоленна твоя?
Проваленна твоя!)
По целковому
– Аль? – да на брата!
Колесована –
Не распознана;
Не дорога –
Мечта твоя сонна,
Недотрога твоя
Необгонна.
Вон то дерево!
Вон то зарево!

Вон то́ курево!
Вон то́ марево!
17 марта 1922

«Возле любви...»
Возле любви –
Темные смуты:
Ровно бы лютню
Кто ненароком
Краем плаща.
(Ровно бы руки
К вам на плеча).
Как паутиною
Перепутан
Воздух – чуть ступишь...
Как паутиною
Перетянут
Голос – чуть вскричешь...
Возле любви –
Тихие вихри:
(Наш – или темный?)
Возле любви –
Шепот и шелест.
Возле любви –
Шепчут и стелят...
Тушат и светят,
Спущены веки,
Спутаны вежи,
Смуты и смехи...
Гей, постреленыш!
Плеть моя хлестка!
Вся некрещеность!
На перекресток!
Рознь – на порожек!
Гордость – в околыш!
Ревность – под полог!
Щекот и щелок.
Но круговая
– Сверху – порука
Крыл.
<18 марта 1922>

«От меня – к неведомому...»
От меня – к неведомому
Оскользь, молвь негласная.
Издалёка – дремленный,
Издалёка – ласканный...
У фаты завесистой
Лишь концы и затканы!
Отпусти словеснице
Оскользь, слово гладкое!
(Смугловистым ящером
Ишь – в меха еловые!)
Без ладони – лащенный,
За глаза – целованный!
Даль – большая вольница,
Верстовым – как рученькой!
Велика раскольница
Даль, хужей – прилучница!
Сквозь замочну скважину
В грудь – очьми оленьими.
Через версты – глаженный,
Ковыли – лелеянный!
За турецким за морем
Дом с цветными стеклами.
От меня – к незнакомому
Выскох – ух! – высоконыйкий!
Сверх волны обманчивой

В грудь – дугою лютою!
Через хляби – нянчаный,
Берега – баюканый...
Таковы известица
К Вам – с Руси соломенной!
Хороша словесница:
Две руки заломлены!
Не клейми невежею
За крыло подрублено!
Через копы – неженный,
Лезвия – голубленный...
Март 1922

«Знакомец! Отколева в наши страны...»
Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя воронья масть.
Покамест костру вороному – пыхать,
Красавице – искра в глаз!
– Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.
Москва, 18 марта 1922

«Без повороту и без возврату...»
Без повороту и без возврату,
Часом и веком.
Это сестра провожает брата
В темную реку.
Без передыху и без пощады
.
Это сестра оскользнулась взглядом
В братнюю руку.
«По Безымянной
В самую низь.
Плиты стеклянны:
Не оскользлись.
Синее зелье
Всвищет сквозь щели.
Над колыбелью –
Нищие пели:
Первый – о славе,
Средний – о здравье,
Третий – так с краю
оставил:
Жемчугом сыпать
Вслед – коли вскличут»...
Братняя притопь.
Сестрина причеть.
28 марта 1922

«Божественно и безоглядно...»
Божественно и безоглядно
Растет прибой
Не губы, жмущиеся жадно
К руке чужой –
Нет, раковины в час отлива
Тишайший труд.
Божественно и терпеливо:
Так море – пьют.
<1922>

«Есть час на те слова...»
Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Выстукивает жизнь.
Быть может – от плеча,

Протиснутого лбом.
Быть может – от луча,
Невидимого днем.
В напрасную струну
Прах – взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.
Жарких самоуправств
Час – и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.
11 июня 1922

«Лютая юдоль...»
Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.
Лвогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так – о камень лбом –
Кто тебя любил?
Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута
С моими дикостями – и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...
Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.
Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.
12 июня 1922

Земные приметы
«Так, в скудном труженичестве дней...»
Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.
Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.
Все древности, кроме: дай и мой,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим Фомой.
Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует лвогрудый ков
Немудрствующих концов!
Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав –
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.
Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.
15 июня 1922

«Ищи себе доверчивых подруг...»
Ищи себе доверчивых подруг,

Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – и знаю ремесло.
От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!
18 июня 1922

(Балкон)

Ах, с откровенного отвеса –
Вниз – чтобы в прах и в смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить – доколь?
Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!
Стиснутое в руке комочком –
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: – Иордань.
Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв – выдышаться в смерть!
30 июня 1922

«Руки – и в круг...»
Руки – и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!
Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!
Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.
Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) – дожди
Тысячелетий тебя не мыли...
Тело меж тел,
– Ты, что мне пропадом был двухзвёздным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.
9 июля 1922

«Удостоверишься – по времени...»
Удостоверишься – по времени! –
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.
Нет, руки за голову заломив,
– Глоткою соловьиной! –
Не о сокровищнице – Суламифь:
Горсточке красной глины!
12 июля 1922

«Дабы ты меня не видел...»
Дабы ты меня не видел –
В жизнь – пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.
Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал
В ночь – в премудрости старушье:
Скрытничестве – укреплюсь.
Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.
Дабы ты во мне не слишком
Цвел – по зарослям: по книжкам
Заживо запропашу:
Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.
25 июня 1922

«Вкрадчивостию волос...»
Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной –
Синь полунощную, масть
Воронову. – Вгладь и всласть
Оторопи вдоль – ладонью.
Неженка! – Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв – разлуку –
Лестницы последний скрип...
Так заглаживают шип
Розовый... – Поранишь руку!
Ведомо мне в жизни рук
Многое. – Из светлых дуг
Присталью неотторжимой
Весь противушерстный твой
Строй выслеживаю: смоль,
Стонушую под нажимом.
Жалко мне твоей упор –
ствующей ладони: в лоск
Волосы, – вот-вот уж через
Край – глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение – под череп!
17 июля 1922

«Леты слепотекущий всхлип...»
Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, – еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.
Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей – перетомилась – спрячь
В ивовый сребролетейский плач.
На плечи – серебро-седым плащом
Старческим, серебро-сухим плющом
На плечи – перетомилась – ляг,
Ладанный слеполетейский мрак
Маковый...
– ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур – сед
В памяти, ибо выпив всю –
Сухостями теку.
Тусклостями: уцербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.
Берлин, 31 июля 1922

«Ночные шепота: шелка...»
Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.

Счета
Всех ревностей дневных –
и вспых
Всех древностей – и стиснув челюсти –
и стих
Спор –
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
– Сколь чист! – И вздох.
Не тот. – Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.
Ничто
Тщета.
Конец.
Как нет.
И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.
17 июня 1922

«Помни закон...»
Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом –
в Граде друзей:
в этом пустом,
в этом крутом
Небе мужском
– Сплошь золотом –
в мире, где реки вспять, [1]
на берегу – реки,
в мнимую руку взять
Мнимость другой руки...
Легонькой искры хруст,
Взрыв – и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)
О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд –
в небе мужских божеств,
в небе мужских торжеств!
Так, между отрочеств:
Между равенств,
в свежих широтах
Зорь, в загараньях
Игр – на сухом ветру
Здравствуй, бесстрастье душ!
в небе тарпейских круч,
в небе спартанских дружб!
20 июня 1922

«Когда же, Господин...»
Когда же, Господин,
на жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.
Когда ж в пратишину
Тех перволюбизн
Высокое плечо,
всю вынесшее жизнь.
Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
как с пуховых горбин
в синь горнюю рвалась.
как под упорством уст

Сон – слушала – траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слышу!)
И как меня томил
Лжи – ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...
* * *

Дерева – первый – вздрог,
Голубя – первый – ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

– Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо – какой пробел!
Если бы – не – рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета – сбылись
жизни б...

Не луч, а бич –
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо – какой предел!
День. Ломовых дрог
Ков. – Началась. – Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.
Прячет...

Как из ведра –
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо – какой пробел!
22–23 июня 1922

«По загарам – топор и плуг...»
По загарам – топор и плуг.
Хватит – смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.
Здравствуй – в ветхозаветных тьмах –
Вечной мужественности взмах!
Мхом и медом дымящий плод –
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь –
Сердце – бросив...
– ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!
24 июня 1922

«Здравствуй! Не стрела, не камень...»
Здравствуй! Не стрела, не камень:
я! – Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.
Дай! (На языке двуостром:
Нá! – Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!
Льни! – Сегодня день на шхуне,
– Льни! – на лыжах! – Льни! – льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!
– Мой! – и о каких наградах
Рай – когда в руках, у рта:

Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!
25 июня 1922

«Некоторым – не закон...»
Некоторым – не закон.
В час, когда условный сон
Праведен, почти что свят,
Некоторые не спят:
Всматриваются – и в скры –
тнейшем лепестке: не ты!
Некоторым – не устав:
В час, когда на всех устах
Засуха последних смут –
Некоторые не пьют:
Впытываются – и сти –
снутым кулаком – в пески!
Некоторым, без кривизн –
Дорого дается жизнь.
25 июня 1922

«В пустынной храмине...»
В пустынной храмине
Троилась – ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...
В ночные клёкоты
Вступала – ровнею.
– Я буду крохотной
Твоей жаровнею:
Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!
С груди безжалостной
Богов – пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любая: бóльшая!
С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? – всю тебе!
По-локоть? – вóт она!
За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...
Тщета! – Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,
Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей
К груди...
– Не властвовать!
Без слов и на́ слово –
Любить... Распластаннейшей
В мире – ласточкой!
Берлин, 26 июня 1922

«Ночного гостя не застанешь...»
Ночного гостя не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.
Но если – не сочти, что дразнит
Слух! – любящая – чуть

Отклонится, но если на́взрыд
Ночь и кифарой – грудь...
То мой любовник лавролобий
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.
2 июля 1922

«И скажешь ты...»
И скажешь ты:
Не та ль,
Не ты,
Что сквозь персты:
Листы, цветы –
В пески...
Из устных
Вер – индус,
Что нашу грусть –
В листы,
И груз – в цветы
Всего за только всхруст
Руки
В руке:
Игру.
Индус, а может Златоуст
Вер – без навек,
И без корней
Верб,
И навек – без дней...
(Бедней
Тебя!)
И вот
Об ней,
Об ней одной.
3 июля 1922

«Неподражаемо лжет жизнь...»
Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!
Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...
Бормот – сквозь жимолость – ста жил...
Радуйся же! – Звал!
И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души – что вот уже: лбом в сон.
Ибо – зачем пел?
В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» –
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.
8 июля 1922

«Думалось: будут легки...»
Думалось: будут легки
Дни – и бестрепетна смежность
Рук. – Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.
Не – поздно еще! [2]
В рас – светные щели
(Не поздно!) – еще
Нам птицы не пели.
Будь на – стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже
Друг, если до завтра!

Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!
Мертвые – хоть – спят!
Только моим сна нет –
Снам! Взмахом лопат
Друг – остановимте память!
9 июля 1922

«Листья ли с древа рушатся...»
Листья ли с древа рушатся,
Розовые да чайные?
Нет, с покоренной русости
Ризы ее, шелка́ ее...
Ветви ли в воду клонятся,
К водорослям да к ржавчинам?
Нет, – без души, без помысла
Руки ее упавшие.
Смоли ли в траву пролиты, –
В те ли во ланы кукушечьи?
Нет, – по щекам на коврики
Слезы ее, – ведь скушно же!
Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти –
Зори ее: глаза его!
<1922>

Берлину
Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.
Поздравствовалося – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилоствивились, казармы!
10 июля 1922

«Светло-серебряная цвель...»
Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт – и в щель
Колеблющийся и рассеянный
Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу – не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.
Ибо не ведающим лет
– Спи! – головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!
Спи. – Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.
16 июля 1922

Сивилла
«Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...»
Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но БОГ вошел.
Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!
Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.
Державным деревом в лесу нагом –

Сначала деревом шумел огонь.
Потом, под веками – в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.
И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!
Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот
Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став
Дивному голосу...
– так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.
5 августа 1922

«Каменной глыбой серой...»
Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего.
Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.
Кутают ливни плечи
В плащ, плесневевет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.
Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах –
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах
Битв...
6 августа 1922

Сивилла – младенцу. [3]
К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.
С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.
Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение – паденье в час!
Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение – паденье в кровь,
И в прах,
И в час...
Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рождение в вес!
Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рождение в счет,
И в кровь,
И в пот...
Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо – паденье в твердь.
Но узришь! То, что в мире – век
Смежение – рождение в свет.
Из днесь –
В навек.
Смерть, маленький, не спать, а встать.
Не спать, а вспять.
Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
– Восстанье в день.
17 мая 1923

«Но тесна вдвоем...»

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь,
(Ибо странник – Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух –
Над источником,
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:
– Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.
В горный лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен – Бог
И меж всех ревнив).
Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:
– Берегись слуги,
Дабы в отчий дом
В гордый час трубы
Не предстать рабом.
Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.
Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:
– Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче – той
В нашем сердце – тот).
Говорю, не льстись
На орла, – скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день – Давид!
Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:
– Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!
От вчерашних правд
В доме – смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!
Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:
– Берегись...
8 августа 1922

«Леты подводный свет...»
Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:

Не раскаленность жёрл,
Не распаленность скверн –
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.
Горе горé! Граним,
Плавим и мрем – вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче
Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и свёрл –
Неизвлеченный шип
В горечи певчих горл.
11 августа 1922

Деревья
(Моему чешскому другу,

Анне Антоновне Тесковой)

«В смертных изверясь...»
В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,
– Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! –
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.
Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,
Сняв и отринув
Ключья последней парчи –
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.
Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,
(Ибо вожатый – суров),
Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.
5 сентября 1922

«Когда обидой – опилась...»
Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами –
Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней.
С людскими косностями –
Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!
Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!
Вяз – яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!
Зеленых отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!
8 сентября 1922

«Купальщицами, в легкий круг...»
Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц – и вдруг,
Гривы взметая
В закинутости лбов и рук,
– Свиток развитый! –
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты –
Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!
9 сентября 1922

«Други! Братственный сонм...»
Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! – Элизиум мой!
В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.
Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...
Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Совершенная жизнь:
Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...
17 сентября 1922

«Беглецы? – Вестовые...»
Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?
Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей –
В убеганье дерев!
Лес! Ты нынче – наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес –
Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!
Нет, иное: не хлопя –
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,

Слышу: рокот кровей!
И в разверстой хламиде
Пролетая – кто видел?! –
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!
3 октября 1922

«Не краской, не кистью...»
Не краской, не кистью!
Свет – царство его, ибо сед.
Ложь – красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.
Цвет, попранный светом.
Свет – цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила и суть
Осеннего леса?
Над тихою заводью дней
Как будто завеса
Рванулась – и грозно за ней...
Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук –
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...
Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь –
Свет, смерти блаженнее
И – обрывается связь.
* * *

Осенняя седость.
Ты, Гётевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще – расплелось.
Так светят седины:
Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи –
В последние двери –
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур – последний из слуг!)
...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли – и обрывается связь.
* * *

Так светят пустыни.
И – больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...
8 – 9 октября 1922

«Та, что без видения спала...»
Та, что без видения спала –
Вздрыгнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скалой –
Сонмы просыпающихся тел:
Руки! – Руки! – Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.
Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) – и плети
Старческих, не знающих стыда...
Отроческих – птицы!
Конницею на трубу суда!

Стан по поясицу
Выпростав из гробовых пелен –
Взлет седобородый:
Есмь! – Переселенье! – Легион!
Целые народы
Выходцев! – На милость и на гнев!
Види! – Буди! – Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.
12 октября 1922

«Кто-то едет – к смертной победе...»
Кто-то едет – к смертной победе
У деревьев – жесты трагедий.
Иудеи – жертвенный танец!
У деревьев – трепеты таинств.
Это – заговор против века:
Веса, счета, времени, дробы.
Се – разодранная завеса:
У деревьев – жесты надгробий...
Кто-то едет. Небо – как въезд.
У деревьев – жесты торжеств.
7 мая 1923

«Каким наитием...»
Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?
Какой неистовой
Сивиллы таинствами –
О чем шумите вы,
О чем беспмятствуете?
Что в вашем веяньи?
Но знаю – лечите
Обиду Времени –
Прохладой Вечности.
Но юным гением
Восстав – порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.
Чтоб вновь, как некогда,
Земля – казалась нам.
Чтобы под веками
Свершались замыслы.
Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы под веками
Свершались таинства!
И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...
Листва ли – листьями?
Сивилла ль – выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...
9 мая 1923[4]

«Золото моих волос...»
Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
– Не жалеете! Всё сбылось,
Всё в груди слилось и спелось.
Спелось – как вся даль слилась
В стонущей трубе окраины.
Господи! Душа сбылась:
Умысел твой самый тайный.

* * *

Несгорающую соль
Дум моих – ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?
Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и дымам,
К молодым сединам дел –
Дум моих причти седины.
Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым сединам бед
Лавр пристал – и дуб гражданский.
Между 17 и 23 сентября 1922

Заводские
«Стоят в чернорабочей хмури...»
Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.
В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет.
Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!
Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!
А Бог? – По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.
Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до
Скончания.
– Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:
Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь – ибо зовет
Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.
23 сентября 1922

«Книгу вечности на людских устах...»
Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав –
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав
И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю – дальнюю – дальше всех
Дальних – дольше всех...
Далечайшую...
Говорит: приду!
И еще: в гробу!
Труднодышашую – наших дел судью
И рабу – трубу.
Что над городом утвержденных зверств
Прокаженных детств,

В дымном олове – как позорный шест
Поднята, как перст.
Голос шахт и подвалов,
– Лбов на чахлом стебле! –
Голос сырых и малых,
Злых – и правых во зле:
Всех прокопченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.
Кому – нету отбросов!
Сам – последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим, – Тот!
Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам – с чужого плеча!
Шевельнуться не смеет.
Родился – и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.
Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...
Голос, бьющийся в прахе
Лбом – о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос – свой узнаю!)
Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех – кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть.
У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав –
Ибо все неправны – на камень встав,
В плеске первых трав...
И навстречу, с безвестной
Башни – в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.
26 сентября 1922

«Это пеплы сокровищ...»
Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах – гранит.
Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетою.
Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!
Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!
И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.
27 сентября 1922

«А любовь? Для подпаска...»

А любовь? Для подпaska
В руки бьющего снизу.
Трехсекундная встряска
На горах Парадиза.
Эти ады и раи,
Эти взлеты и бездны –
Только бранные сваи
В легкой сцепке железной.
– Накаталась! – Мгновенья
Зубы стиснув – за годы,
В сновиденном паденье
Сердца – вглубь пищевода.
Юным школьникам – басни!
Мы ж за оду, в которой
Высь – не на смех, а на смерть:
Настоящие горы!
29 сентября 1922

«Спаси Господи, дым...»
Спаси Господи, дым!
– Дым-то, бог с ним! А главное – сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:
С той же лампой-вплоть, –
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце хоть
Для детей! – И каков-то хозяин?
И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов.
И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то в старом – да нами надышан
Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе – спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!
Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир
Я не знаю: но так умирают.
30 сентября 1922

Хвала богатым
И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:
Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: люблю богатых!
За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.
За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.
За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)
И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,

Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!
А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий
Сомневающийся... – не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!
Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на-смерть,
Извиняющийся в болезни,
Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы – да»...
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я – брат был»...
Присягаю: люблю богатых!
30 сентября 1922

Бог
«Лицо без обличия...»
Лицо без обличия.
Строгость. – Прелесть.
Все ризы делившие
В тебе спелись.
Листвою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Все криком кричавшие
В тебе стихли.
Победа над ржавчиной –
Кровью – сталью.
Все навзничь лежавшие
В тебе встали.
1 октября 1922

«Нищих и горлиц...»
Нищих и горлиц
Сирый распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге деревьев?
Рощ, перелесков.
Книги и храмы
Людам отдав – взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:
– Скроем! – Не выдадим!
Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиною
Мчал – и ее простил:
Даже за сына!
Нищие пели:
– Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
– Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!
4 октября 1922

«О, его не привяжете...»
О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...
Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями

Бог – уходит от нас.
О, его не приучите
К пребыванию и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он – седой ледоход.
О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог – ручною бегонией
На окне не цветет!
Все под кровлю сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики –
Все отчаивались.
Ибо бег он – и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы, –
След плаща его лишь!
5 октября 1922

«Так, заживо раздав...»
Так, заживо раздав,
Поровну, без обиды,
Пользующийся – прав.
Шагом Семирамиды,
Спускающейся в пруд
Лестницей трав несмятых,
И знающей, что ждут
Ризы – прекрасней снятых
По выходе из вод...
7 октября 1922

Рассвет на рельсах
Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.
Из сырости – и свай,
Из сырости – и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.
Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...
Из сырости – и стай...
Еще вестями шальими
Лжет вороня сталь –
Еще Москва за шпалами!
Так, под упорством глаз –
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия – в три полотнища!
И – шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пуцу
Вагоны с погорельцами:
С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
и восемь лошадей).
Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости,
Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй, вот она! – Держи!
По линиям, по линиям...
12 октября 1922

«В сиром воздухе загробном...»
В сиром воздухе загробном –
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрогни,
Повороты рельс...
Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром мóроке – две дали...
(Поклонись Москве!)
Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мóроке в две жилы
Истекает жизнь.
28 октября 1922

«Не надо ее окликать...»
Не надо ее окликать:
Ей оклик – что охлест. Ей зов
Твой – раною по рукоять.
До самых органных низов
Встревожена – творческий страх
Вторжения – бойся, с высот
– Все крепости на пропасть! –
Пожалуй – органом вспоет.
А справишься? Сталь и базальт –
Гора, но лавиной в лазурь
На твой серафический альт
Вспоет – полногласием бурь.
И сбудется! – Бойся! – Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца
Органною бурей мщу!
7 февраля 1923

«Нет, правды не оспаривай...»
Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.
Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи –
И сорванный уже.
В самóм истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.
Пой, пой – миры поклонятся!
Но регент: – Голос тот
Над кровною покойницей,
Над Музою поет!
Я в голосах мальчишеских
Знаток... – и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.
Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь, –
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.
Клянусь дарами Божьими:
Своей душой живой! –
Что всех высот дороже мне

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Твой срыв голосовой!
8 февраля 1923

Эмигрант
Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, Думами,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким –
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! из виду!
Солавьиным тремоло на весу –
Некий – избранный.
Боязливейший, ибо взяв на дыб –
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.
Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги – выходец.
9 февраля 1923

Душа
Выше! Выше! Лови – летчицу!
Не спросившись лозы – отческой
Нереидю по – лощется,
Нереидю в ла – зурь!
Лира! Лира! Хвалынь – синяя!
Полыхание крыл – в скинии!
Над мотыгами – и – спинами
Полыхание двух бурь!
Муза! Муза! Да как – смеешь ты?
Только узел фаты – веющей!
Или ветер страниц – шелестом
О страницы – и смыв, взмыл...
И покамест – счета – кипами,
И покамест – сердца – хрипами,
Закипание – до – кипени
Двух вспененных – крепись – крыл.
Так, над вашей игрой – крупной,
(Между трупами – и – куклами!)
Не общупана, не куплена,
Полыхая и пля – ша –
Шестикрылая, ра – душная,
Между мнимыми – ниц! – сущая,
Не задушена вашими тушами
ду – ша!
10 февраля 1923

Скифские
«Из недр и на ветвь – рысями...»
Из недр и на ветвь – рысями!
Из недр и на ветр – свистами!
Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!
Крутого крыла грифова
Последняя зга – Скифия!
Сосед, не спеш! Нечего
Спешить, коли верст – тысячи.
Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там – спишемся!
Великая – и – тихая
Меж мной и тобой – Скифия...
И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами – и – лютнями
Глуша...
Не ушам смертного –

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Единожды в век слышимый)
Эпический бег – Скифии!
11 февраля 1923

Колыбельная («Как по синей по степи...»)
Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да... – Спи,
Синь подушками глуша.
Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь,
Хвалынь-колывань.
Как по льстивой по трости
Росным бисером плеща
Заработают персты...
Шаг – подушками глуша
Лежи – да не двинь,
Дрожи – да не грянь.
Волынь-перелынь,
Хвалынь-завирань.
Как из моря из Каспий –
ского – синего плаща,
Стрела свистнула да... (спи,
Смерть подушками глуша)...
Лови – да не тронь,
Тони – да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.
13 февраля 1923

«От стрел и от чар...»
От стрел и от чар,
От гнезд и от нор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:
Братьев, сестер.
Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...
(Взял меня – хан!)
Чтоб не жил, кто стар,
Чтоб не жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:
(Пламень востер!)
Чтоб не жил – кто стар,
Чтоб не жил – кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел
(Зарев и смол!)
Чтоб не жил – кто стар,
Чтоб нежил – кто юн!
Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!
14 февраля 1923

Лютня
Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царем кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)
Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царем кичась –
Не заиграться б с аггелами!»

Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже еще:
Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это – но хуже, чем в кровь и в прах:
Это – сорваться с голоса!
И сорвалась же! – Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царем играв,
С аггелами – не игрывала!
14 февраля 1923

Азраил
От руки моей не взыгрывал,
На груди моей не всплакивал...
Непреложней и незыблемей
Опрокинутого факела:
Над душой моей в изглавии,
Над страдой моей в изножи
(От руки моей не вздрагивал, –
Не твоей рукой низложена)
Азраил! В ночах без месяца
И без звезд дороги скошены.
В этот час тяжело-весящий
Я тебе не буду ношею..
Азраил? В ночах без выхода
И без звезд: личины сорваны!
В этот час тяжело-дышащий
Я тебе не буду прорвою..
А потом перстом как факелом
Напиши в рассветных серостях
О жене, что назвала тебя
Азраилом вместо – Эроса.
17 февраля 1923

«Оперением зим...»
Оперением зим
Овевающий шаг наш валок –
Херувим
Марий годовалых!
В шестикнижие крыл
Окунающий лик как в воду –
Гавриил –
Жених безбородый!
И над трепетом жил,
И над лепетом уст виновных,
Азраил –
Последний любовник!
17 февраля 1923

Плач цыганки по графу Зубову
Расколюсь – так в стклянь,
Распалюсь – так в пар.
В рокота гитар
Рокочи, гортань!
В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, струна сорвалась!
У – ехал парный мой,
У – ехал в Армию!
Стол – бы фонарные!
Ла – ды гитарные!
И в прах!
И в тряс!
И грянь!
И вдарь!
Ермань-дурмань.

Гортань-Гитарь.
В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, рука сорвалась!
Про трудного
Про чудного
Про Зубова –
Про сударя.
Чем свет – ручку жав
– Зубов-граф, Зубов-граф! –
Из всех – сударь-брав!
Зу – бов граф!
В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, душа сорвалась!
У – пал, ударный мой!
Стол – бы фонарные!
Про – пала Армия!
Ла – ды гитарные!
За всех – грудью пав,
(Не снег – уголь ржав!)
Как в мех – зубы вжав,
Э – эх, Зубов-граф!..
И в прах и в...
19 февраля 1923

Офелия – Гамлету
Гамлетом – перетянутым – натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный – до последнего атома..
(Год тысяча который – издания?)
Наглостью и пустотой – не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди – лежали уже!
Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том – что сорвано
В маленьком цветнике безумия..
Розы?.. Но ведь это же – тссс! – Будущность!
Рвем – и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих –
Розы хотя бы раз? – Убыли ль?
Выполнив (проблагоухав!) тонете..
– Не было! – Но встанем в памяти
В час, когда над ручьевой хроникой
Гамлетом – перетянутым – встанете..
28 февраля 1923

Офелия – в защиту королевы
Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что – единого дня лишь –
Считает последние дни.
Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным – суд
Над страстью. Тяжеле виновная – Федра:
О ней и поныне поют.
И будут! – А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.
Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты –
Ввысь – в опочивальню – и всласть!
Своей королеве встаю на защиту –
я, Ваша бессмертная страсть.
28 февраля 1923

Федра
1. Жалоба

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опалает... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!
Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!
Руки в землю хотят – от плеч!
Зубы щебень хотят – в опилки!
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспалется ум мой пылкий...
Точно в ноздри и губы – пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!
Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это – красною раной вскачь
Запаленная кобылица!
Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме – как в склепе.
Есть Элизиум – для – кляч:
Живодерня! – Палит слепень!
Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза – мен
Лепесткового – клюв Гарпий!
Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со – общник!
Это лава – взамен плит
Под ступнею! – Олимп взропщет?
Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей – мы – лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме – как в склепе!
Ипполит, утоли...
7 марта 1923

2. Послание

Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – весть.
Прихотливому мальчику, чья красота как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.
Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.
Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам – стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.
О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! – Не похоть! Не женского лона – блажь!
То она – обольстительница! То Психеи лесть –
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.
– «Устыдись!» – Но ведь поздно! Ведь это последний всплеск!
Понесли мои кони! С отвесного гребня – в прах –
Я наездница тоже! Итак, с высоты груди,
С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!
(Не своей ли?! – Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В воцаную дощечку – не смуглого ль сердца воск?! –
Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя
Ненасытная Федра...
11 марта 1923

Провода

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Des Herzens Woge schäumte nicht so schön empor empor, und würde Geist, wenn
nicht der alte stumme Fels, das Schicksal, ihr entgegenstande.[5]

«Вереницею певчих свай...»
Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
По аллее
Вздохов – проволокой к столбу –
Телеграфное: лю – ю – блю...
Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!
Это – свай, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...
Вдоль свай
Телеграфное: про – о – щай...
Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про – о – стите...
Это – снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:
Выше, выше – и сли – лись
В Ариаднино: ве – ер – нись,
Обернись!.. даровых больниц
Заунывное: не выйду!
Это – проводами стальных
Проводов – голоса Аида
Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа – аль...
Пожалейте! (в сем хоре – сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей –
Дуновение Эвридики:
Через насыпи – и – рвы
Эвридикино: у – у – вы,
Не у –
17 марта 1923

«Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...»
Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!
«Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах – змеи»...
Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее!
Терзание! ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших!
Какия чаянья – когда насквозь
Тобой пропитанный – весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне – собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей – Стиксом!
Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты – Разрыв,
Не Ариадна я и не...
– Утрата!
О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого – незрячей!)
Я проводам вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись – плачу.
18 марта 1923

(Пути)

Всё перебрав и всё отбросив,
(В особенности – семафор!)
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор
На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...
– Без стыда! –
Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.
Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть –
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...
Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу –
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.
Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи – из снасти в снасть –
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...
Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.
19 марта 1923

«Самовластная слобода...»
Самовластная слобода!
Телеграфные провода!
Вожделений – моих – выпранных,
Крик – из чрева и на ветр!
Это сердце мое, искрою
Магнетической – рвет метр.
– «Метр и меру?» Но чет – верное
Измерение мстит! – Мчись
Над метрическими – мертвыми –
Лжесвидетельствами – свист!
Тсс... А ежели вдруг (всюду же
Провода и столбы?) лоб
Заломивши поймешь: трудные
Словеса сии – лишь вопль
Соловьиный, с пути сбившийся:
– Без любимого мир пуст! –
В Лиру рук твоих влю – бившийся,
И в Леилу твоих уст!
20 марта 1923

«Не чернокнижница! В белой книге...»
Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был – тебя настигну,
Выстрадаю – и верну назад.
Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу – и верну со дна!
Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы – как душу добудет Бог:
Через дыхание – в час твой хрипый,
Через архангельского суда
Изгороди! – Все уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!
Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
– Сдайся! – Стрела, описавши круг...

– Сдайся! – Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:
Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вокруг уст – слюда...)
Как прозорливица – Самуила
Выморочу – и вернусь одна:
Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я и добуду
Душу – как губы добудет уст –
Упокоительница...
25 марта 1923

«Час, когда вверху цари...»
Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы):
Горы начинают ведать.
Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук)
Души начинают видеть.
25 марта 1923

«В час, когда мой милый брат...»
В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы – больше глаз.
В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!)
Были взмахи – больше рук.
Точно руки – вслед – от плеч!
Точно губы вслед – заклость!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.
В час, когда мой милый гость...
– Господи, взгляни на нас! –
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...
26 марта 1923

«Терпеливо, как щебень бьют...»
Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют –
Буду ждать тебя (пальцы в жгут –
Так монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.
Буду ждать тебя (в землю – взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.
Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
– Смена царства и въезд вельможе.
И домой:
В неземной –
Да мой.
27 марта 1923

«Весна наводит сон. Уснем...»

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: всё
Разрозненности сводит сон.
Авось увидимся во сне.
Всевидящий, он знает, чью
Ладонь – и в чью, кого – и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повею
Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!) О, печаль
Плачущих без плеча!
О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца
Служить – безвыездно – навек,
И жить – пожизненно – без нег!
О заживо – чуть встав! чем свет! –
В архив, в Элизиум калек.
О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы – рабы – рабы – рабы.
5 апреля 1923

«С другими – в розовые груди...»
С другими – в розовые груди
Грудей... В гадательные дробы
Недель...
А я тебе пребуду
Сокровищницею подобий
По случаю – в песках, на щебнях
Подобранных, – в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.
Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...
Знай, что чудо
Недр – под полон, живое чадо:
Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей...
– Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!
11 апреля 1923

«Голубиная купель...»
Голубиная купель,
Небо: тридевять земель.
Мне, за тем гулявшей за морем,
Тесно в одиночной камере
Рук твоих,
Губ твоих,
Человек – и труб твоих,
Город!
– Город!
Это сорок
Сороков во мне поют.
Это сорок
– Бить, так в порох! –
Кузнецов во мне куют!
Мне, решать привыкшей в мраморе,
Тесно в одиночной камере
Демократии и Амора.
21 марта 1923

Эвридика – Орфею

Для тех, отженивших последние ключья
Покрова (ни уст, ни ланит!..))
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?
Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим – свидание нож.
Уплочено же – всеми розами крови
За этот просторный покров
Бессмертья...
До самых летеиских верховий
Любивший – мне нужен покой
Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем – призрак ты, сущий, а явь –
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
– «Ты это забудь и оставь!»
Ведь не растревожишь же! Не повлекусь!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.
Уплочено же – вспомни мои крики! –
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.
23 марта 1923

Поэты

«Поэт – издали заводит речь...»
Поэт – издали заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.
Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет –
Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверху лбом –
Отчаетесь! Поэтов затменья
Не предугаданы календарем.
Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто канта наголову бьет,
Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет
Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!
8 апреля 1923

«Есть в мире лишние, добавочные...»
Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоём.
(Нечислящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма – дом).
Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие – навоз,
Гвоздь – вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!
Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы – когда б:

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!
22 апреля 1923

«Что же мне делать, слепцу и пасынку...»
Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям –
Страсти! где насморком
Назван – плач!
Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! – как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим – как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.
Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!
22 апреля 1923

Ариадна
«Оставленной быть – это втравленной быть...»
Оставленной быть – это втравленной быть
В грудь – синяя татуировка матросов!
Оставленной быть – это явленной быть
Семи океанам... Не валом ли быть
Девятым, что с палубы сносит?
Уступленной быть – это купленной быть
Задорого: ночи и ночи и ночи
Умоисступленья! О, в трубы трубить –
Уступленной быть! – Это длиться и слыть
Как губы и трубы пророчеств.
14 апреля 1923

«О всеми голосами раковин...»
– О всеми голосами раковин
Ты пел ей...
– Травкой каждую.
– Она томилась лаской Вакховой.
– Летейских маков жаждала...
– Но как бы те моря ни солоны,
Тот мчался...
– Стены падали.
– И кудри вырывала полными
Горстями...
– В пену падали...
21 апреля 1923

Прага
Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом – и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу.
Я расскажу тебе, как спал он,
Не выпался – и тянет стан,
Где между водорослью и опалом
День деворадуется по мостам.
Где мимо спящих богородиц
И рыцарей, дыблящих бровь,
Шажком торопится народец
Потомков – переживших кровь.
Где честь, последними мечами
Воззвав, – не медлила в ряду.
О городе, где всё очами

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Глядит – последнего в роду.
21 апреля 1923

Поэма заставы
А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.
А покамест еще в тенётах
Не увязла – людских кривизн,
Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь!
Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.
День без числа.
Вербачиха зачухла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!
Потных и плотных,
Потных и тощих:
– Ну да на площадь?! –
Как на полотнах –
Как на полотнах
Только – и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.
Ад? – Да,
Но и сад – для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.
«Рай – с драками?
Без – раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»
– Зря плакали:
У всякого –
Свой.
* * *
Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!
Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!
Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!
Здесь платят! Здесь Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости как над мертвым
Поют над собой.
* * *
Здесь матери, дитя заспав...
– Мосты, пески, кресты застав! –
Здесь младшую купцу пропив...
Отцы...
– Кусты, кресты крапив...
– Пусти.
– Прости.
23 апреля 1923

Слова и смыслы

1

Ты обо мне не думай никогда!
(На – вязчива!)
Ты обо мне подумай: провода:
Даль – длящие.
Ты на меня не жалуйся, что жаль...
Всех слаще мол...
Лишь об одном пожалуйста: педаль:
Боль – длящая.

2

Ла – донь в ладонь:
– За – чем рожден?
– Не – жаль: изволь:
Длитель – даль – и боль.

3

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Отрывающаяся – доколь?
Даль и боль, это та же юдоль.
23 апреля 1923

Педаль

Сколь пронзительная, столь же
Сглаживающая даль.
Дольше – дольше – дольше – дольше!
Это – правая педаль.
После жизненных радуший
В смерть – заведомо не жаль.
Глуше – глуше – глуше – глуше:
Это – левая педаль.
Памяти гудящий Китеж –
Правая! Летейских вод
Левую бери: глушитель
Длителя перепоеет.
От участковых, от касто –
вых – уставшая (заметь!)
Жизнь не хочет жить... но часто
Смерть не хочет умереть!
Требуется! Из всех безмясых
Клавишей, разбитых в ряд.
(Левую педалью гасят,
Правую педалью длят...)
Лязгает! Как змей из фальши
Клавишей, разбитых в гуд...
Дальше, дальше, дальше, дальше
Правую педалью лгут!
24 апреля 1923

Ладонь

ладони! (Справочник
Юнцам и девам).
Целуют правую,
Читают в левой.
В полночный заговор
Вступивший – ведай:
Являют правую,
Скрывают левой.
Сивилла – левая:
Вдали от славы.
Быть неким Сцеволой
Довольно – правой.
А всё же в ненависти
Час разверстый
Мы миру левую
Даем – от сердца!
А все же, праведным
Объевшись гневом,

Рукою правою
Мы жили – левой!
27 апреля 1923

«Крутогорьями глаголь...»
Крутогорьями глаголь,
Колокольнями трезвонь:
Место дольнее – юдоль,
Место дольнее – ладонь.
Всеми вольными в лазорь
Колокольнями злословь:
Место дольнее – ладонь,
Место дольнее – любовь.
29 апреля 1923

Облака

1
Перерытые – как битвой
Взрыхленные небеса.
Рытвинами – небеса.
Битвенные небеса.
Перелетами – как хлестом
Хлестанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей – табуны!

2
Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчющиеся небеса?
Стой! Иродиады с чубом –
Блул... Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса!

3
Нет! Вставший вал!
Пал – и пророк оправдан!
Раз – дался вал:
Целое море – на два!
Бо – род и грив
Шествие морем Чермным!
Нет! – се – Юдифь –
Голову Олоферна!
1 мая 1923

Так вслушиваются...

1
Так вслушиваются (в исток
Вслушивается – устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь – до потери чувства!
Так в воздухе, который синь –
Жажда, которой dna нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.
Так вчувствовывается в кровь
Отрок – доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2
Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь – до потери чувства!
Так в ткань вработываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так вплясываются... (Велик
Бог – посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тишь.
Так жалом тронутая кровь
Жалуется – без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.
3 мая 1923

Ручьи
«Прорицаниями рокоча...»
Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Pіссісата'ми... Разрывом бус!
Паганиниевскими «добьюсь!»
Опрокинутыми...
Нот, планет –
Ливнем!
– Вывезет!!!
– Конец... На нёт...
Недосказанностями тишизи
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.
4 мая 1923

«Монистом, расколотым...»
Монистом, расколотым
На тысячу блях –
Как Дзингара в золоте
Деревня в ручьях.
Монистами – вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.
Монистами-сбруями...
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней...)
Монистами-бусами...
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет...)
По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах –
Как Дзингара в краденом –
Деревня в ручьях.
Споем-ка на радостях!
Черны, горячи
Сторонкою крадучись
Цыганят ручьи.
6 мая 1923

Окно
Атлантским и сладостным
Дыханьем весны –
Огромною бабочкой
Мой занавес – и –
Вдовой индусскою
В жерло златоустое,
Наядою сонною
В моря законные...
5 мая 1923

Хвала времени
Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло – и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.
В летописях и в лобзаньях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!
Стрелками часов, морщин
Рытвинами – и Америк
Новшествами... – Пуст кувшин! –
Время, ты меня обмеришь!
Время, ты меня предашь!
Блудною женой – обнову
Выронишь... – «Хоть час да наш!»
– Поездá с тобой иного
Следования!.. –
Ибо мимо родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.
10 мая 1923

Сестра
Мало ада и мало рая:
За тебя уже умирают.
Вслед за братом, увы, в костер –
Разве принято? Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом..
С братом?..
– «Был мой и есть! Пусть сгнил!»
– Это местничество могил!!!
11 мая 1923

Ночь («Час обнажающихся верховий...»)
Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь – как в очи.
Это – разверстые шлюзы крови!
Это – разверстые шлюзы ночи!
Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, – наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир – как в очи!)
Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.
Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, – сплошной душою!..
(Час, когда в души идешь – как в руки!)
12 мая 1923

Прокрасться..
А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах..
Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.
А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха

На урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...
14 мая 1923

Диалог Гамлета с совестью
– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
– Гамлет!
На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
– Но я ее любил
Как сорок тысяч...
– Меньше,
Все ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
– Но я ее –
(недоуменно)
– любил??
5 июня 1923

Мореплаватель
Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!
Слишком долго причалить тщусь, –
Голова устала от чувств:
Гимнов – лавров – героев – гидр, –
Голова устала от игр!
Положите меж трав и хвой, –
Голова устала от войн...
12 июня 1923

Расщелина
Чем окончился этот случай,
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.
Так, ничем уже не волнуем,
– Только дерево ветви зыблет –
Как в расщелину ледяную –
В грудь, что так о тебя расшиблась!
Из сокровищницы подобий
Вот тебе – наугад – гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь, – во мне как в глубокой ране
Спишь, – тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень – панцирь – печать – и пояс...
Без возврата и без отзыва.
Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...
Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.
17 июня 1923

«На назначенное свиданье...»
На назначенное свиданье

Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высоко назначил!
Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.
Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьею
Лик Офелии в горьких травах.
Той, что страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щебень!
Я тебя высоко любила:
Я себя схоронила в небе!
18 июня 1923

«Рано еще – не быть...»
Рано еще – не быть!
Рано еще – не жечь!
Нежность! жестокий бич
Потусторонних встреч.
Как глубоко ни льни –
Небо – бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще – без ран!
Ревностью жизнь жива!
Кровь вожделеет течь
В землю. Отдаст вдова
Право свое – на меч?
Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое – на серп?
Тайная жажда трав...
Каждый росток: «сломи»...
До лоскута раздав,
Раны еще – мои!
И пока общий шов
– Льюсь! – не наложишь Сам –
Рано еще для льдов
Потусторонних стран!
19 июня 1923

Луна – лунатику
Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не прозрей.
Я – глаза твои. Совиное
Око крыш.
Буду звать тебя по имени –
Не расслышь.
Я – душа твоя: Урания:
В боги – дверь.
В час последнего слияния
Не проверь!
20 июня 1923

Занавес
Водопадами занавеса, как пеной –
Хвоей – пламенем – прошумя.
Нет у тайны у занавеса от сцены:
(Сцена – ты, занавес – я).

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале – оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия – и – час.
Водопадными радугами, обвалом
Лавра (вверился же! знал!)
я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю – зал!)
Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии – как – шторм!)
Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес – как – парус,
Ходит занавес – как – грудь.
Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю. – Взрыв!
Над ужá – ленною – Федрой
Взвился занавес – как – гриф.
Нате! Рвите! Смотрите! Течет, не так ли?
Заготавливайте – чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян).
И тогда, сострадательным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса – от зала.
(Зала – жизнь, занавес – я).
23 июня 1923

«Строительница струн – приструню...»
Строительница струн – приструню
и эту. Обожди
Расстраиваться! (в сем июне
Ты плачешь, ты – дожди!)
и если гром у нас – на крышах,
Дождь – в доме, ливень – сплошь –
Так это ты письмо мне пишешь,
которого не шлешь.
Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящичков – не вместит!)
Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам – как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
дитя! Загубишь хлеб!)
30 июня 1923

Ночь («Когда друг другу лжем...»)
Когда друг другу лжем,
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим,
(Суть, прикрываясь словом)
Когда друг к другу льнем
в распластанности мнимой,
(Смоль, прикрываясь льном,
Огонь, прикрываясь дымом...)
Взойди ко мне в ночи
Так: майского жучка
Ложь – полуночным летом.
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...
Ты думаешь, робка
Ночь – и ушла с рассветом?
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...
Свет – это только плоть!

Столпником на распутье:
Свет: некая милóть,
Наброшенная сутью.
Подземная река –
Бог – так ночь под светом..
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком..
Ты думаешь – исчез
Взгляд? – Подыми! – Течет!
Свет, – это только вес,
Свет, – это только счет..
Свет – это только веко
Над хаосом..
Ты думаешь – робка
Ночь? –
Подземная река –
Ночь, – глубока под днем!
– Брось! Отпусти
В ночь в огневую реку.
Свет – это только веко
Над хаосом..
Когда друг другу льстим,
(Занавес слов над глубиью!)
Когда друг друга чтим,
Когда друг друга любим..
Июнь 1923

Сахара
Красавцы, не ездите!
Песками глуша,
Пропавшего без вести
Не скажет душа.
Напрасные поиски,
Красавцы, не лгу!
Пропаший покоится
В надежном гробу.
Стихами как странами
Чудес и огня,
Стихами – как странами
Он въехал в меня:
Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами – как странами
Он канул в меня.
Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы –
Песчаная сушь..
Адамова яблока
Взывающий вздрог..
Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.
Без имени – канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспамятны, –
В них тысячи спят!
Стиханье до кипени
Вскипающих волн. –
Песками засыпанный,
Сахара – твой холм.
3 июля 1923

Рельсы
В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь –
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!
Пушкинское: сколько их, куда их

Гонит! (Миновало – не поют!)
Это уезжают–покидают,
Это остывают–отстают.
Это – остаются. Боль как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыплю застывшие столбы..
Час, когда отчаяньем как свахой
Простыни разостланы. – Твоя!–
И обезголосившая Сафо
Плачет как последняя швея.
Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.
Растекись напрасною зарею
Красное напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.
10 июля 1923

Брат
Раскалена, как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой–то столь
Странною примесью
Смуты... (Откуда звук
ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг
Столькими солнцами!
Брат без других сестер:
Напрочь присвоенный!
По гробовой костер –
Брат, но с условием:
Вместе и в рай и в ад!
Раной – как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)
Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки. Назад – река...
Снова прошепчется
Где–то, вдоль звезд и шпал,
– Настежь, без третьего! –
Что по ночам шептал
Цезарь – Лукреции.
13 июля 1923

Час души
«В глубокий час души и ночи...»
В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах
Ничьих еще, двойной запрудой
– Без памяти и по края! –
Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.
Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим
Потерянностям... Все покровы
Сняв – выросшая из потерь! –
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дочь
Египетская...

«В глубокий час души...»
В глубокий час души,
в глубокий – но́чи...
(Гигантский шаг души,
души в ночи)
В тот час, душа, верши
миры, где хочешь
царить – чертог души,
душа, верши.
Ржавь губы, пороши
ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
души – в ночи...)
В тот час, душа, мрачи
глаза, где ВЕГОЙ
взойдешь... Сладчайший плод
душа, горчи.
Горчи и омрачай:
расти: верши.
8 августа 1923

«Есть час души, как час Луны...»
Есть час души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
час... Час души – как час струны
Давидовой сквозь сны
Сауловы... В тот час дрожи,
тщета, румяна смой!
Есть час души, как час грозы,
дитя, и час сей – мой.
Час сокровеннейших низов
грудных. – Плотины спуск!
всё вещи сорвались с пазов,
всё сокровенья – с уст!
С глаз – всё завесы! всё следы –
вспять! на линейках – нот –
нет! Час души, как час Беды,
дитя, и час сей – бьет.
Беда моя! – так будешь звать.
Так, лекарским ножом
истерзаные, дети – мать
корят: «Зачем живем?»
А та, ладонями свежа
горячку: «Надо. – ляг».
Да, час души, как час ножа,
дитя, и нож сей – благ.
14 августа 1923

Сок лотоса
божественно и детски-гол
лоб – сквозь тропическую темень.
в глазах, упорствующих в пол,
застенчивость хороших семей.
сквозь девственные письма
мне чудисься побегом рдяным,
чья девственность оплетена
воспитанностью, как лианой.
дли свою святость! Уст и глаз
блюди священные сосуды!
под тропиками родилась
любовь, и я к тебе оттуда:
из папоротников, хвощей,
стай тростниковых, троп бесследных...
где всё забвение вещей
в ладони лотосова стебля
покоится. наводит сон

Сок лотоса. Вино без пены
Сок лотоса... Детей и жен
Как обмороком сводит члены
Сок лотоса... Гляди, пуста
Ладонь. – Но в час луны с Востока
(Сок лотоса...) – из уст в уста
Вкуси – сон лотосова сока.
23 июля 1923

«Всё так же, так же в морскую синь...»
Всё так же, так же в морскую синь –
Глаза трагических героинь.
В сей зал, бесплатен и неоглядн,
Глазами заспанных Ариадн
Обманутых, очесами Федр
Отвергнутых, из последних недр
Вотще взывающими к ножу...
Так, в грудь, жива ли еще, гляжу.
24 июля 1923

Наклон
Материнское – сквозь сон – ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа – к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,
Дозирующего вер – ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба – к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,
Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовою к убеганью вех...
У меня к тебе наклон всех
Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) – тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо – гил.
У меня к тебе наклон крыл,
Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба, – годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст
К роднику...
28 июля 1923

Раковина
Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла
В зори! Из мертвого сна надгробий
В руки, вот в эти ладони, в обе,
Раковинные – расти, будь тих:
жемчугом станешь в ладонях сих!
О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх
Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,
Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод
Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,
Спи! Застилая моря и земли,
Раковинною тебя объемлю:
Справа и слева и лбом и дном –
Раковинный колыбельный дом.
Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,
Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые грома студя и нежа,
Нежа и множа... О, чай! О, зрей!

Жемчугом выйдешь из бездны сей.
– Выйдешь! – По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь
Раковинная. – О, настезь створы! –
Матери каждая пытка в пору,
В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!
31 июля 1923

Заочность
Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.
Заустно, заглазно
Как некое долгое Та
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...
Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон
В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь –
Не надо мне белым
По черному – мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски –
...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче – глухая стена!
4 августа 1923

Письмо
Так писем не ждут,
Так ждут – письма́.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастье. И это – всё.
Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это – всё.
Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.
(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!
Квадрата письма.
11 августа 1923

Минута
Минута: мину́щая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что́ завтра б – вырвано из рук!
Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,

Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж
Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел
Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» –
На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута: милостыня псам!
О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.
12 августа 1923

Клинок
Между нами – клинок двуострый
Присягнувши – и в мыслях класть...
Но бывают – страстные сестры!
Но бывает – братская страсть!
Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!
Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...
Двусторонний клинок – рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!
(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)
Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний – в себя вдвинем.
Это будет – лучшее лечь!
Это будет – братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!
18 августа 1923

Наука Фомы
Без рук не обнять!
Сгинь, выпренных душ
Небыль!
Не вижу – и гладь,
Не слышу – и глушь:
Не был.
Круги на воде.
Ушам и очам –
Камень.
Не здесь – так нигде.
В пространство, как в чан
Канул.
Руками держи!

Всей крепостью мышц
Ширься!
Что сны и псалмы!
Бог ради фомы
В мир сей
Пришел: укрепись
В неверье – как негр
В трюме.
Всю в рану – по кисть!
Бог ради таких
Умер.
24 августа 1923

Магдалина
«Меж нами – десять заповедей...»
Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне – чужая кровь.
Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)
К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась – светла
Мать! – очесами демонскими
Таясь, лила б маслá
И нá ноги бы, и пóд ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!
Пеню уст и накипями
Очес и пóтом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.
Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!
26 августа 1923

«Масти, плоченные втрое...»
Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, – сплошное
Иструение, а тот
В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
– Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!
31 августа 1923

«О путях твоих пытаться не буду...»
О путях твоих пытаться не буду,
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос –
И – слез.
Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены маслá.
Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.
Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.
В волосах своих мне яму вырой,

Спеленай меня без льна.

– Мироносица! К чему мне миро?

Ты меня омыла

Как волна.

31 августа 1923

«С этой горы, как с крыши...»

С этой горы, как с крыши

Мира, где в небо спуск.

Друг, я люблю тебя свыше

Мер – и чувств.

От очевидцев скрою

В тучу! С золою съем.

...С этой горы, как с Трои

Красных – стен.

Страсти: хвала убитым,

Сущим – срам.

Так же смотрел на битву

Царь-Приам.

Рухнули у – стои:

Зарево? Кровь? Нимб?

Так же смотрел на Трои

Весь О – лимп.

Нет, из прохладной ниши

Дева, воздевши длань...

Друг, я люблю тебя свыше.

Слышь – и – встань.

30 августа 1923

«Как бы дым твоих ни горек...»

Как бы дым твоих ни горек

Труб, глотать его – всё нега!

Оттого что ночью – город –

Опрокинутое небо.

Как бы дел твоих презренных

День ни гол, – в ночи ты – шах!

Звезды страсть свела – на землю!

Картою созвездий – прах.

Гектором иль Бонапартом

Звать тебя? Москва иль Троя?

Звездной и военной картой

Город лег...

Любовь? – Пустое!

Минет! Нищеты надземной

Ставленник, в ночи я – шах!

Небо сведено на землю:

Картою созвездий – прах

Рассыпается...

30 августа 1923

Овраг

«Дно – оврага...»

Дно – оврага.

Ночь – корягой

Шарящая. Встряски хвой.

Клятв – не надо.

Ляг – и лягу.

Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой

Ночь по каплям

Пить – закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен –

Мрак! Бесплатен –

Бог: как к пропасти припасть.

(Час – который?)

Ночь – сквозь штору

Знать – немного знать. Узнай

Ночь – как воры,

Ночь – как горы.
(Каждая из нас – Синай
Ночью...)
10 сентября 1923

«Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу...»
Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу
– Сердце перебой –
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.
Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь – следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.
О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёвая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут – от плеч!
О, не вглядывайся! Под листвой падучей
Сами – листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.
Ляг – и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне –
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может – неба на дне!)
В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то на смерть разбит.
Что победа твоя – поражение сонмов,
Знаешь, юный Давид?
11 сентября 1923

Ахилл на валу
Отлило – обдало – накатило –
– Навзничь! – умру.
Так Поликсена, узрев Ахилла
Там, на валу –
В красном – кровавая башня в плёсе
Тел, что простер.
Так Поликсена, всплеснувши: «кто сей?»
(Знала – костер!)
Соединенное чародейство
Страха, любви.
Так Поликсена, узрев ахейца
Ахнула – и –
Знаете этот отлив атлантский
Крови от щек?
Неодолимый – прострись, пространство! –
Крови толчок.
13 сентября 1923

Последний моряк
О, ты – из всех залинейных нот
Нижайшая! – Кончим распрю!
Как та чахоточная, что в ночь
Стонала: еще понравься!
Ломала руки, а рядом драк
Удары и клятв канаты.
(Спал разонравившийся моряк
И капала кровь на мя –
тую наволоку...)
А потом, вверх дном
Стакан, хрусталем и кровью
Смеясь... – и путала кровь с вином,
И путала смерть с любовью.
«Вам сон, мне – спех! Не присев, не спев –
И занавес! Завтра в лёжку!»
Как та чахоточная, что всех

Просила: еще немножко
Понравься!.. (Руки уже свежи,
Взор смутен, персты не гнутся...)
Как та с матросом – с тобой, о жизнь,
Торгуюсь: еще минутку
Понравься!..
15 сентября 1923

Крик станций
Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
«Надежду оставь!»
И крик паровозов.
Железом потряс
И громом волны океанской.
В окошечках касс,
Ты думал – торгуют пространством?
Морями и сушей?
Живейшим из мяс:
Мы мясо – не души!
Мы губы – не розы!
От нас? Нет – по нас
Колеса любимых увозят!
С такой и такую-то скоростью в час.
Окошечки касс.
Костяшечки страсти игорной.
Прав кто-то из нас,
Сказавши: любовь – живодерня!
«Жизнь – рельсы! Не плачь!»
Полотна – полотна – полотна...
(В глаза этих кляч
Владельцы глядят неохотно).
«Без рва и без шва
Нет счастья. Ведь с тем покупала?»
Та швейка права,
На это смолчавши: «Есть шпалы».
24 сентября 1923

Пражский рыцарь
Бледно – лицом
Страж над плеском века –
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.
(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка – ра – ульный
На посту разлук.
Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку
Нас-то – сколько
За четыре века!
В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесьть!
Бросил – брошусь!
Вот тебе и мечь!
Не устанем
Мы – доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,
Крылья! В тину,
В пену – как в парчу!
Мосто – вины
Нынче не плачу!
– «С рокового мосту
Вниз – отважься!»

я тебе по росту,
Рыцарь пражский.
Сласть ли, грусть ли
в ней – тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку – дней.
27 сентября 1923

«По набережным, где седые деревья...»
По набережным, где седые деревья
По следу Офелий... (Она ожерелья
сняла, – не наряженной же умирать!)
Но все же
(Раз смертного ложа – неможней
нам быть нежеланной!
Раз это несносно
и в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим
на сердце!..) – она все немногие вёсны
сплела – проплывать
Невестою – и венценосной.
Так – небескорыстною
жертвою миру:
Офелия – листья,
Орфей – свою лиру...
– А я? –
28 сентября 1923

Ночные места
Темнейшее из ночных
Мест: мост. – Устами в уста!
Неужели ж нам свой крест
тащить в дурные места,
туда: в веселящий газ
глаз, газа... В платный Содом?
на койку, где всё до нас!
на койку, где не вдвоем
никто... Никнет ночник.
Авось – совесть уснет!
(Вернейшее из ночных
мест – смерть!) Платных теснот
ночных – блаже вода!
вода – глаже простынь!
любить – блажь и беда!
туда – в хладную синь!
когда б в веры века
нам встать! Руки смежив!
(Река – телу легка,
и спать – лучше, чем жить!)
любовь: зноб до кости!
любовь: зной до белá!
вода – любит концы.
река – любит тела.
4 октября 1923

Подруга
«не расстанусь! – конца нет!» и льнет, и льнет...
а в груди – нарастание
грозных вод,
но... надёжное: как таинство
непреложное: рас – станемся!
5 октября 1923

Поезд жизни
не штык – так клык, так сугроб, так шквал, –
в бессмертье что час – то поезд!
пришла и знала одно: вокзал.
раскладываться не стоит.

На всех, на всё – равнодушьем глаз,
Которым конец – исконность.
О как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!
Где от котлет разогретых, щек
Остывших... – Нельзя ли дальше,
душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:
Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О – де – ко – лонов
Семейных, швейных
Счастий (klein wenig!)[6]
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
душности бонн, бань.
Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть – тоже вне класса!
В удаль, в одурь, в гармошку, в насад, в тщету!
– Эти нехристи и льнут же! –
чтоб какой-нибудь странник: «на тем свету»...
Не дождавшись скажу: лучше!
Площадка. – И шпалы. – И крайний куст
В руке. – Отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От стольких уст
Устала. – Гляжу на звезды.
Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.
6 октября 1923

«Древняя тщета течет по жилам...»
Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!
К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь
дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)
...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..
7 октября 1923

Побег
Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроясь,
– О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд
Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву
Дождя!) Не расправы страх,
Не... – Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона
Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь –
как об стену... (Под ногой
Подножка – или ни ног уж,
ни рук?) Верстовая снасть
Столба... фонари из бреда...

О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду
В Бессмертье...
14 октября 1923

«Брожу – не дом же плотничать...»
Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням
Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми
Фонарными кронштейнами –
Краем плаща... За стойками –
Краем стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах – зачем качаешься?
По набережным – клятв озноб,
По загородам – рифм обвал.
Сжимают ли – «я б жарче сгреб»,
Внимают ли – «я б чище внял».
Все ты один, во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими вздохами – снастят!
Моими клятвами – мостят!
Такая власть над сбивчивым
Числом у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь – в будущее!
16 октября 1923

Око
Фонари, горящие газом,
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще – в чем? – вина,
Фонари, глядящие наземь:
На младенцев и на меня.
23 октября 1923

«Люблю – но мука еще жива...»
Люблю – но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:
Дождливые, – расточившие всё
Сам выдумай, чтобы в их листве
Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,
На гроб стекал, чтобы лоб – светал,
Озноб – стихал, чтобы кто-то спал
И спал...
Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня – сожгут).
Баюкай же – но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:
Уютами...
24 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!
Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Истина в пяти словах.
12 декабря 1923

«Оставленного зала тронного...»
Оставленного зала тронного
Столбы. (Оставленного – в срок!)
Крутые улицы наклонные
Стремительные как поток.
Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обеспамятевший зов.
– Так я с груди твоей низринулась
в бушующее море строф.
декабрь 1923

Двое
«Есть рифмы в мире сём...»
Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных.
Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?
Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит – и горящей Тройей!
Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире том
Подобренные. Рухнет
Сей – разведешь. Чтó нужд
в рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!
Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».
30 июня 1924

«Не суждено, чтобы сильный с сильным...»
Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.
В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною – спала.
Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!
Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев –
Так разминулись: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес
С Пенфезилеей.
О вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее – все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный – с равным...

.

Так разминовываемся – мы.

3 июля 1924

«В мире, где всяк...»

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,

Знаю – один

Мне равносилен.

В мире, где столь

Многого хотим,

Знаю – один

Мне равномогуч.

В мире, где всё –

Плесень и плющ,

Знаю: один

Ты – равносущ

Мне.

3 июля 1924

Остров

Остров есть. Толчком подземным

Выхвачен у Нереид.

Девственник. Еще никем не

Выслежен и не открыт.

Папоротником бьет и в пене

прячется. – Маршрут? Тариф?

Знаю лишь: еще нигде не

числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:

явственно! – Пропали. – Взмах

Кондора...

(В вагоне спальном

– Полноте! – об островах!)

Час, а может быть – неделя

Плавания (упрусь – так год!)

Знаю лишь: еще нигде не

числится, кроме широт

Будущего...

5 июля 1924

Под шалью

«Над колыбелью твоею – где ты...»

Над колыбелью твоею – где ты? –

Много, ох много же, будет пето.

Где за работой швея и мать –

Басен и песен не занимать!

Над колыбелью твоею нищей

Многое, многое с Бога взыщем:

Сроков и соков и лет и зим –

Много! а больше еще – простим.

Над колыбелью твоей бесправной

Многое, многое станет явным,

Гласным: прошедшая сквозь тела

. – чем стала и чем была!

Над колыбелью твоею скромной

Многое, многое Богу вспомним!

– Повести, спящие под замком, –

Много! а больше еще – сглотнем.

Лишь бы дожидаться тебя, да лишь бы...

Многое, многое станет лишним,

выветрившимся – чумацкий дым!

.

Всё недавшее – моим!

5 августа 1924

«Запечатленный, как рот оракула...»
Запечатленный, как рот оракула –
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что от дозору спрятала
Меж языком и небом?
Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?
Располагающий ста кумирнями
Идол – не столь заносчив.
Женщина, что у пожара вырвала
Нег и страстей двунощных?
Женщина, в тайнах, как в шаях, ширишься,
В шаях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная – как счастливица –
Ель на вершине мглистой.
Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую..
Женщина, что у тебя под шалью?
– Будущее!
8 ноября 1924

«Так – только Елена глядит над кровлями...»
Так – только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнаджено сто веков.
Так – только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззено
И обезжемчужено пять морей.
Так только Елена – не жди заломленных
Рук! – диву дается на этот рой
Престолонаследников бездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.
Так только Елена – не жди взывания
Уст! – диву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.
Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрчена
Тобю, что в очи нам смотришь – так,
Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. – «Чужеземкою безмуженный
Край! Всё еще гусеницей – к ногам!»
11 ноября 1924

«Пела как стрелы и как морены...»
Пела как стрелы и как морены,
Мчащие из-под ног
С звуком рвущегося атласа.
– Пела! – и целой стеной матрасной
Остановить не мог
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!
Пела как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!
8 ноября 1924

Попытка ревности
Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –

Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(По небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),
Как живется вам – хлопчется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!
Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?
Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!
Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шести́х
Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?
19 ноября 1924

«Вьюга намедает в полы...»
Вьюга намедает в полы.
Всё разрывы да расколы! –
И на шарф цветной веселый –
Слезы острого рассола,
Жемчуг крупного размола.
19 ноября 1924

Сон
«Врылась, забылась – и вот как с тысяче...»
Врылась, забылась – и вот как с тысяче –
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Всё мои тайны – сон перерыл.
Сопки – казалось бы прочно замерли –
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко – как следователь по камере
Сердца – расхаживает Морфей.
Вы! собирательное убожество!

Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как на перинах лёжачи
Преображаешься и паришь!
Рухаешь! Как скорлупою треснувшей –
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко как летчик над вражьей местностью
Спящую – над душою сон.
Тело, что все свои двери заперло –
Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Все мои раны – сон перерыл!
Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все мои тайны – сон перетряс!
24 ноября 1924

«В мозгу ухаб пролёжан...»
В мозгу ухаб пролёжан, –
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны:
Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, – стен не видеть!
В постель иду – затем.
Разведены с Мартыном
Задекою – не всё!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!
Занежат, – лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного заспят.
Спать! Потолок как короб
Снять! Синевою запить!
В постель иду как в прорубь:
Вас, – не себя топить!
Заокеанских тропик
Прель, Индостана – ил..
В постель иду как в пропасть:
Перины – без перил!
26 ноября 1924

Приметы
Точно гору несла в подоле –
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.
Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль
Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеаясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!
29 ноября 1924

«Ятаган? Огонь...»
ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка.
1 декабря 1924

«Живу – не трогаю...»
живу – не трогаю.
Горы не срыть.
Спроси безногого,
Ответит: жить.
Не наша – Богова
Гора – Егובהва!
Котел да логово, –
Живем без многого.
1 декабря 1924

Полотерская
Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.
Что Степан у вас, что Осип –
Ни приметы, ни следа.
– Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.
Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем.
По паркетам вз'ахивая,
Мы молей вымахиваем.
Кулик краснопер,
Пляши, полотер!
Колотилы-громыхалы,
Нам всё комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало –
Полотеры унесли.
Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!
С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаёк!»
Не мастикой ясенева
Вам полы намасливаем.
Пóтом-кровью ясенева
Вам полы наласниваем:
Вощи до-белá!
Трещи, мебели!
Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом –
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.
Та богиня – мраморная,
Нарядить – от Ламановой,
Не гляди, что мраморная –
Всем бока наламываем!
Гол, бос.
Чтоб жглось!
Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.
Ногой пишем,
Ногой пашем.

Кто повыше –
Тому пляшем.
О пяти корявых пальцах –
Как и барская нога!
Из прихожей – через зальце –
Вот и вся вам недолга!
Знай, откалывай
До колá в груди!
...Шестипалого
Полотера жди.
Нам балы давать не внове!
Двери – всё ли на ключе?
А кумач затем – что крови
Не видать на кумаче!
Нашей ли, вашей ли –
Ляжь да не спрашивай.
Как господско дело грязью
Следить, лоску не жалеть –
Полотерско дело – мазью
Те следочки затереть.
А уж мазь хороша!
– Занялась пороша! –
Полодёры-полодралы,
Полотёры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,
Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая –
Мы господ вышаркиваем!
Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!
* * *

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.
Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.
18 декабря 1924

«Ёмче органа и звонче бубна...»
Ёмче органа и звонче бубна
Молвь – и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается – эх!
Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.
Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью –
Ахнувший Соломон.
Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес – вдруг – разверстый.
Ох: ломовой хомут.
Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок – как ахал
В ночь половецкий стан!
И пригибался, и зверем прядал..
В мхах, в звуковом меху:
Ах – да ведь это ж цыганский табор
– весь! – и с луной вверху!
Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,

Песнь заказал Олег –
Пушкину. И – раскалясь в полете –
В прабогатырских тьмах –
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! – эх! – ах!
23 декабря 1924

Жизни

«Не возьмешь моего румянца...»
Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!
Та́к, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.
25 декабря 1924

«Не возьмешь мою душу живу...»
Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!
Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.
Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.
– Заждалась ножа!
28 декабря 1924

«Пела рана в груди у князя...»
Пела рана в груди у князя.
Или в ране его – стрела
Пела? – к милому не поспеть мол,
Пела, милого не отпеть –
Пела. Та, что летела степью
Сизою. – Или просто степь
Пела, белое омывая
Тело... «Лебедь мой дикий гусь»,
Пела... Та, что с синя-Дуная
К Дону тянется...
Или Русь
Пела?
30 декабря 1924

Крестины

Воды не перетеплил
В чану, зазнобил – как надобно –
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном
Вина не пересластил –
Душа да не шутит брашнями!
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:
Тот поп, что меня венчал.
(Ожжась, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике
Вкусила...)
– На вечный пыл
В печи смоляной поэтовой
Крестил – кто меня крестил

Водю неподогретую
Речною, – на свыше сил
Дела, не вершимы женами –
Крестил – кто меня крестил
Бедю неподслащенною:
Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь – напомните!
Каким опалюсь огнем?
Всё страсти водю комнатной
Мне кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды – водой отварною
Мне чудятся. Чтó мне рок
С его родовыми страхами –
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы – водю сахарной!
А ты, что меня крестил
Водю исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) –
Молись, чтоб тебя простил –
Бог.
1 января 1925

«Жив, а не умер...»
Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.
Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена»,
Лепечет актер).
И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе.
В теле – как в тоге.
Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В кости – как во лжи!)
Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.
Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле.
В себе – как в котле.
Бренных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе,
В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!
В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках
Маски железной.
5 января 1925

«Существования котловиною...»
Существования котловиною
Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней – как каторгу избываю жизнь.
Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста-красны –

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.
11 января 1925

«Что, Муза моя! Жива ли еще...»
Что, Муза моя! Жива ли еще?
Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную
– Что Муза моя? Надолго ли ей?
Соседки, сердцами спутанные.
Тюремное перестукивание.
Что Муза моя? Жива ли еще?
Глазами не зная желаящими,
Усмешкою правду кроющими,
Соседскими, справа-кочными
– Что, братец? Часочек выиграла?
Больничное перемигивание.
Эх, дело мое! Эх, марлевое!
Так небо боев над Армиями,
Зарницами вкось исчерканное,
Ресничное пересвёркивание.
В воронке дымка рассеянного –
Солдатское пересмеивание.
Ну, Муза моя! Хоть рифму еще!
Щекой – Илионом вспыхнувшей
К щеке: «Не крушись! Расковывает
Смерть – узы мои! До скорого ведь?»
Предсмертного ложа свадебного –
Последнее перетрагивание.
15 января 1925

«Не колесо громовое...»
Не колесо громовое –
Взглядами перекинулись двое.
Не Вавилон обрушен –
Силою переведались души.
Не ураган на Тихом –
Стрелами перекинулись скифы.
16 января 1925

«Дней сползающие слизни...»
Дней сползающие слизни,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.
И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.
январь 1925

«В седину – висок...»
В седину – висок,
В колею – солдат,
– Небо! – морем в тебя окрашиваюсь.
Как на каждый слог –
Что на тайный взгляд
Оборачиваюсь,
Охорашиваюсь.
В перестрелку – скиф,
В христопляску – хлыст,
– Море! – небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих –
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.
В каждой строчке: стой!
В каждой точке – клад.

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Око! – светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.
Не в пуху – в пере
Лебедином – брак!
Браки розные есть, разные есть!
Как на знак тире –
Что на тайный знак
Брови вздрагивают –
Заподозриваешь?
Не в чаю спитом
Славы – дух мой креп.
И казна моя – немалая есть!
Под твоим перстом
Что Господень хлеб
Перемалываюсь,
Переламываюсь.
22 января 1925

«Променявши на стремя...»
Променявши на стремя –
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена
Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни
Весен... собственным пенем
Опьяняясь как ночь – соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем
Гейне пел, – брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна как Рейна
Сновиденный убийственный клад.
Чиста-злата – нержавый,
Чиста-серебра – Вагнер? – нырни!
Невозвратна как слава
Наша русская...
19 февраля 1925

«Рас – стояние: версты, мили...»
Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.
Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассборили – рассорили,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас как орлов –
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По тущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.
Который уж, ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!
24 марта 1925

«Русской ржи от меня поклон...»
Русской ржи от меня поклон,

Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер – в гекзаметре,
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.
Прага, 7 мая 1925

«Высокомерье – каста...»
Высокомерье – каста.
Чем недостаток – отказ.
Что говорить: не часто!
В тысячелетье – раз.
Всё, что сказала – крайний
Крик морякам знаком!
А остальное – тайна:
Вырежут с языком.
16 мая 1925

«Слава падает так, как слива...»
Слава падает так, как слива:
На голову, в подол.
Быть красивой и быть счастливой!
(А не плохой глагол –
Быть? Без всякого приставного –
Быть и точка. За ней простор.)
Слава падает так, как слово
Милости на топор
Плахи, или же как на плиты
Храма – полдень сухим дождем.
Быть счастливой и знаменитой?
Меньшего обождем
Часа. Или же так, как целый
Рим – на розовые кусты.
– Слава! – я тебя не хотела:
я б тебя не сумела нести.
17 мая 1925

«От родимых сёл, сёл...»
От родимых сёл, сёл!
– Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шел, шел,
Чтоб нигде не останавливался,
Никуда не приходил.
В вековое! Незастроенное!
Чтобы ветер бил, бил,
Выбивалкою соломенную
Просвежил бы мозг, мозг
– всё осевшее и плесенное! –
чтобы поезд нес, нес,
Быстрее лебедя, как в песенке...
Сухопутный шквал, шквал!
Низвержений! Невоздержанностей!
Чтобы поезд мчал, мчал,
чтобы только не задерживался.
чтобы только не срастись!
Не поклясться! не насытиться бы!
чтобы только – свист, свист
над проклятою действительностью.
феодалных нив! Глыб
Первозданных! незахватанностей!
чтобы поезд шиб, шиб,
чтобы только не засматривался
На родимых мест, мест
Августейшие засушенности!
Всё едино: Пешт, – Брест –
чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний, неоправданнейший..
Птиц, летящих вспять, вспять
По пятам деревьев падающих!
Чтоб не ночь, не две! – две?! –
Еще дальше царства некоего –
Этим поездом к тебе
Все бы ехала и ехала бы.
Конец мая 1925

«Брат по песенной беде...»
Брат по песенной беде –
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
– Помереть в отдельной комнате! –
Скольких лет моих? лет ста?
Каждодневная мечта.
* * *

И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил – кто в наши жил
Дни: всё дал, – кто песню дал.
Жить (конечно не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть –
Потолочные крюки.
Начало января 1926

«Тише, хвала...»
Тише, хвала!
Дверью не хлопать,
Слава!
Стола
Угол – и локоть.
Сутоlochь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть – и лоб.
Локоть – и мысль.
Юность – любить,
Старость – погреться:
Некогда – быть,
Некуда деться.
Хоть бы закут –
Только без прочих!
Краны – текут,
Стулья – грохочут,
Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
«За красоту».
Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне –
Бога в орде!
Степь – каземат –
Рай – это где
Не говорят!
Юбочник – скот –
Лавочник – частность!
Богом мне – тот
Будет, кто даст мне
– Не времени!
Дни сочтены! –
Для тишины –
Четыре стены.
Париж, 26 января 1926

«Кто – мы? Потонул в медведях...»
Кто – мы? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто – мы? Не из тех, что ездят –
Вот – мы! А из тех, что возят:
Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые – за везучесть.
Везло! Через Дон – так голым
Льдом. Хвать – так всегда патроном
Последним. Привар – несолон.
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!
Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.
Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь, выхаркнуты народом!
Кто мы? да по всем вокзалам!
Кто мы? да по всем заводам!
По всем гнойникам гаремным[7] –
Мы, вставшие за деревню,
За – дерево...
С шестерней, как с бабой, сладившие –
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князя да с Бронной-то –
Мы-то – золотопогонники?
Гробокопы, клополовы –
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
Хорошо! хорошо!
Судомой, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! хороша –
Русь!
Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили –
Мы, ребятами.
– История.
Баррикады, а нынче – троны.
Но все тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.
Мрем от них. Под шинелью драной –
Мрем, наган наставляя в бред...
Перестраивайте Бедламы:
Все – малы для российских бед!
Бредит шпорой костыль – острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья –
Ледяного похода знак.
Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.
St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Апрель 1926

Юноше в уста
Юноше в уста
– Богу на алтарь –
Моря и песка
Пену и янтарь
Влагаю.
Солгали,
Что мать и сын!
Младая
Седая

Морская

Синь.

Крив их словоряд.

День их словарю!

Пенка говорят.

Пена говорю –

Знак – по синю бел!

Вопль – по белу бей!

Что перекипел

Сливочник морей.

Бой или «баю»,

Сон или... а всё ж –

Мать, коли пою,

Сын, коли сосешь –

Соси же!

Не хижин

Российских – царь:

Рожок плаксивый.

Руси – янтарь.

Старая любовь –

Море не Руси!

Старую любовь

Заново всоси:

Ту ее – давно!

Ту ее – шатра,

Всю ее – от до

Кия – до Петра.

Пей, не обессудь!

С бездною кутеж!

Больше нежель грудь –

Суть мою сосешь:

Лоно – смену –

Оно – вновь:

Моря пену,

Бора кровь.

Пей, женоупруг!

Пей, моя тоска!

Пенковый мундштук

женского соска

Стоит.

Сто их,

Игр и мод!

Мать – кто поит

И поет.

29 мая 1928

Медон

Разговор с гением

Глыбами – лбу

Лавры похвал.

«Петь не могу!»

– «Будешь!» – «Пропал,

(На толокно

Переводи!)

Как молоко –

Звук из груди.

Пусто. Суха.

В полную веснь –

Чувство сука».

– «Старая песнь!

Брось, не морочь!»

«Лучше мне впредь –

Камень толочь!»

– «Тут-то и петь!»

«Что я, снегирь,

Чтоб день-деньской

петь?»

– «Не моги,
Пташка, а пой!
На зло врагу!»
«Коли двух строк
Свесть не могу?»
– «Кто когда – мог?!» –
«Пытка!» – «Терпи!»
«Скошенный луг –
Глотка!» – «Хрипи:
Тоже ведь – звук!»
«Львов, а не жен
дело». – «Детей:
Распотрошен –
Пел же – Орфей!»
«Так и в гробу?»
– «И под доской».
«Петь не могу!»
– «Это воспой!»
Медон, 4 июня 1928

«Чем – не боги же – поэты...»
Чем – не боги же – поэты!
Отблагодарю за это
– Длещееся с Рождества –
Лето слуха и ответа,
Сплошь из звука и из света,
Без единственного шва
Ткань, наброшенную свыше:
С высоты – не верь, что вышла
вся – на надобы реклам! –
Всей души твоей мальчишьей –
На плечи – моим грехам
И годам...
Июнь 1928

«Всю меня – с зеленью...»
Всю меня – с зеленью –
Тех – дрём –
Тихо и медленно
Съел – дом.
Ту, что с созвездиями
Росла –
Просто заездили
Как осла.
Ту, что дриадою
Лес – знал.
Июнь 1928

«Лес: сплошная маслобойня...»
Н.П.Г. – в память наших лесов

Лес: сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся, как Ваграм.
Погляди, как в час приборя
Лес играет сам с собою!
Так и ты со мной играл.
1928

Наяда
Проходи стороной,
Тело вольное, рыбье!
Между мной и волной,
Между грудью и зыбью –
Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:
Стопудовая дань
Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море – ткань, в поле – тын,
Вечный третий в любви!
Мало – злобе людской
Права каменных камер?
Мало – деве морской
Моря трепетной ткани?
Океана-Отца
Неизбывных достатков –
Пены – чудо-чепца?
Вала – чудо-палатки?
Узнаю тебя, гад,
Как тебя ни зови:
В море – ткань, в горе – взгляд, –
Вечный третий в любви!
Как приму тебя, бой,
Мне даваемый глубию,
Раз меж мной – и волной,
Между грудью – и грудью..
– Нереида! – Волна!
Ничего нам не надо,
Что не я, не она,
Не волна, не наяда!
Узнаю тебя, гроб,
Как тебя ни зови:
В вере – храм, в храме – поп, –
Вечный третий в любви!
Хлебопек, кочегар, –
Брак без третьего между!
Прячут жир (горе бар!)
Чистым – нету одежды!
Черноморских чубов:
– Братцы, голые топай! –
Голым в хлябь и в любовь,
Как бойцы Перекопа –
В бой..
Матросских сосков
Рябь. – «Товарищ, живи!»
..в пулю – шлем, в бурю – кров:
Вечный третий в любви!
Побережья бродяг,
Клятвы без аналогов!
Как вступлю в тебя, брак,
Раз меж мною – и мною ж –
Что? Да нос на тени,
Соглядатай извечный –
(Свой же). Всё, что бы ни –
Что? Да всё, если нечто!
Узнаю тебя, бис, [8]
Как тебя ни зови:
Нынче – нос, завтра – мыс, –
Вечный третий в любви!
Горделивая мать
Над цветущим отростком,
Торопись умирать!
Завтра – третий вотрется!
Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне – рост, в сливе – червь:
Вечный третий в любви.
Понтайяк, 1 августа 1928

Плач матери по новобранцу
Уж вы, батальоны –
Эскадроны!
Сынок пороженный,
Бе – ре – женый!

Уж ты по младенцу –
Новобранцу –
Слеза деревенска,
Океанска!
В который раз вспóрот
Живот – мало!
Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала –
Мало! Мои сучья!
Крóвь чья? Сóль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!
Хоша б целый город
Склала – живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила –
В землю. Большеротый,
Башка – вербой
Вьется. Людям – сотый,
А мне – первый!
Теки, мои соки,
Брегá – через!
Сосцы пересохли –
Очам – чéред!
Ревя, долговласа,
По армейцу!
Млецом отлилася –
Слезой лейся!
1928

Маяковскому

«Чтобы край земной не вымер...»
Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дядей,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!
«Литературная – не в ней...»
Литературная – не в ней
Суть, а вот – кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший – раз в столетье
Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще – передовицы?
Ведь это, милые, у нас,
Черновец – милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте
Ходил»...
Эх кровь–твоя–кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь – на второй странице
(Известий.)

«В сапогах, подкованных железом...»

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».

(«Одnodневная газета», 24 апреля 1920 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал –
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал –
Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.

В сапогах – двуstopная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел –
В сапогах и до и без отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах – почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:
В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)
Миллионного... – В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору – вот.
Так вот в этих – про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих.
«И полушки не поставишь...»
Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?
В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –
Лучше с бытом совладал.
Эко новшество – лекарство
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь – а что твой пан!
Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб – кровь, а не рассвет! –
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.
Вроде юнкера, на Тоске
Выстрелившего – с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.
Фуражечку б на бровишки
И – прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.
То-то же, как на поверку
Выйдем – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.
Только раньше – в околодок,
Нынче ж...
– Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых – нету под луной.
«Выстрел – в самую душу...»
Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.
Еще раз не осекся,
И, в точку попав – усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.
(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?

И с той же, что и у нас?»)
Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбривши – с женой в постель.)
Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.
Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.
Кабы в правую – свёрк бы
Ланцетик – и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропев!
«Советским вельможей...»
Зерна огненного цвета

Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света

Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа!
– Здорово, Володя!
Умаялся? – Малость.
– По общим? – По личным.
– Стрелялось? – Привычно.
– Горелось? – Отлично.
– Так стало быть пожил?
– Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!
А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище – меня-то
Обкладывал? – Ладно
Уж... – Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
– Хужей из-за водки.
Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
– Негоже, Володя.
А впрочем – не бритва –
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? – Сочится.
– Приложь подорожник.
– Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя.
А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.
Родители – рódят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут.
Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.

Все то же, Сережа!
– Все то же, Володя.
А певчая стая?
– Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых
Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.
Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя!
Еще тебе кланяется...
– А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
– Вон – ангелом! – Федор
Кузьмич? – На канале:
По красные щеки
Пошел. – Гумилев Николай?
– На Востоке.
(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
– Все то же, Сережа.
– Все то же, Володя.
А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.
– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!
И на раствороженном
Нами восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!
«Много храмов разрушил...»
Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.
Савойя, август 1930

Лучина
До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»
Июнь 1931

Стихи к Пушкину
«Бич жандармов, бог студентов...»
Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,
Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?
Критик – ноя, нытик – вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство – моря
Позабыли – о гранит

Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин – в роли лексикона?
Две ноги свои – погреться –
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце
Африканский самовол –
Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?
Чёрного не переокрасить
В белого – не исправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший, невское – проклятым!
– Пушкин – в роли русопята?
Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с душой рифмовал,
А «Европы Вестник» – с...
Пушкин – в роли гробокопа?
К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,
Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?
То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям
Слова, соколам полета!
– Пушкин – в роли пулемета!
Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали – бунт
Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!
Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!
Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...
Поскакал бы, всадник Медный,
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – не трусоват.
Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?
Что вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеив
Низостию двуединой
Золота и середины?
«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань
Площадную – попугай.
– Пушкин? Очень испугали!
25 июня 1931

Петр и Пушкин
Не флотом, не потом, не задом
В заплатках, не Шведом у ног,

Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок,
Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).
И бóльшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привез Ганнибала –
Арапа на белую Русь.
Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука –
то негрского – свет на Руси!
Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я – машкерадный король!»
Поняв, что ни пеной, ни пемзой –
Той Африки, – царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я – цензор
Твоих африканских страстей».
И дав бы ему по загровку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!
Плыви – ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабуди!
Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И- виршами нам описать».
И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или над?
Сей не по снегам смуглолицый
Российским – снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!
Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже – метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!
Уж он бы с тобою – поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный – Николаем,
Пожалованный бы – Петром!
Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе – василиска
Взгляд! – не замораживал уст.
Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком –
Подонком – опенком Петра
Был сослан в румынскую область,
Да ею б – пожалован был
Сим – так ненавидевшим робость
Мужскую, – что сына убил
Сробевшего. – «Эта мякина –
я? – вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – ты
Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух

Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.
И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра.
2 июля 1931

(Станок)

Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.
Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.
Вольному – под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём – открытой скобки
Ведающей – вес,
Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!
Пелось как – поется
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,
Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...
И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!
Перья на востроты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!
А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч
Голых, от бокалов
Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!
В битву без злодейства:
Самого – с самим!
– Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас – им!
1931

«Преодоление...»
Преодоление
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул
На кашалотье
Туше судьбы –
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.
С утренней негой
Бившийся – бодро!
Ровного бега,

Долгого хода –
Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.
Не онедужен
Русскою кровью –
О, не верблюжья
И не воловья
Жила (усердство
Из-под ремня!) –
Конского сердца
Мышца – моя!
Больше балласту –
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,
Что на канате
Собственных жил
Из каземата –
Соколом взмыл!
Пушкин – с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Насмерть – как бьется
(Мощь – прибывала,
Сила – росла)
С мускулом вала
Мускул весла.
Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»
То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.
10 июля 1931

(Поэт и царь)
«Потусторонним...»
Потусторонним
Залом царей.
– А непреклонный
Мраморный сей?
Столь величавый
В золоте барм.
– Пушкинской славы
Жалкий жандарм.
Автора – хаял,
Рукопись – стриг.
Польского края –
Зверский мясник.
Зорче взглядыся!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.
12 июля 1931

«Нет, бил барабан перед смутным полком...»
Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.
Такой уж почет, что ближайшим друзьям –
Нет места. В изглавы, в изножья,
И справа, и слева – ручищи по швам –

Жандармские груди и рожи.
Не диво ли – и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно – да слишком!
Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно – почетно – почетно – архи –
Почетно, – почетно – до черту!
Кого ж это так – точно воры ворá
Пристреленного – выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора –
Умнейшего мужа России.
Медон, 19 июля 1931

«Народоправству, свалившему трон...»
Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему – тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам – погребенья
Пушкиных. В непредуказанный срок,
В предотвращение смуты.
Не увозить под (великий!) шумок
По воровскому маршруту –
Не обрекать на последний мрак,
Полную глухонемость
Тела, обкарнанного и так
Ножницами – в поэмах.
19 июля 1933

Страна
С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте –
Нет, в пространстве – нет.
Выпита как с блюдца, –
Донышко блеснит.
Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?
Заново родися –
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На спину коню
Сбросившему! Кости
Целы-то – хотя?
Эдакому гостю
Булочник – ломтя
Ломаного, плотник –
Гроба не продаст!
Той ее – несчетных
Верст, небесных царств,
Той, где на монетах –
Молодость моя,
Той России – нету.
– Как и той меня.
Конец июня 1931

Ода пешему ходу
1
В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!
Всёутёсно, всёорочно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы – порог,
Дерзко попранный веком.

(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)

...Но и мстящей же вам
За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
– Нет, безногое племя,
Даль – ногами добудь!
Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам –
Божествам в сапогах!
Если есть в мире – ода
Богу сил, богу гор –
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.
Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается!
Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст –
Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
– Случай?
– Дури собственной – столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту – как насильник
С ног сшибающий: лечь!
Не ответит и ляжет –
Как могила – как пласт, –
Но лица не покажет
И души не отдаст...
Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, –
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!
Между Зюдом и Нордом –
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),
Ваши Рольсы и Ройсы –
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего – бресть.
Драгоценные куклы
С Опера́ и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы – взамен
Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!
Слава Господу в небе –
Богу сил, Богу царств –
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,
Чистоганную сдачу
Под копытом – кремня...
И за то, что – ходячим
Чудом – создал меня!

3

Дармоедством пресытятся,
С шины – спешится внук.

Пешеходы! Держитесь –
Ног, как праотцы – рук.
Где предел для резины –
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздыху – хватит в груди!
Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет – трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!
По ручьям, по моррэнам,
Дальше – нет! дальше – стой!
Чтобы Альпы – коленом
Знал, саванны – ступней.
Я костыми, други, лягу –
За раскрытие школ!
Чтоб от первого шага
До последнего – шел
Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков –
На своих – на двоих!
Медон, 26 августа 1931 – Кламар, 30 марта 1933

«Тише, тише, тише, век мой громкий...»
Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки – и потомки.
1931

Дом
Из-под нахмуренных бровей
Дом – будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: – Здравствуй, я!
Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.
Недаром я – грузи! вези! –
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона – лбом
Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни –
Как за ветвями бузины.
Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий – сто пятьдесят.
Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.
Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерцалами самих себя.
Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...
Меж обступающих громад –
Дом – пережиток, дом – магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип
Души моей...
6 сентября 1931

Бузина

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!
А потом – через ночь – костром
Ростопчинским! – в очах краснó
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь
Бузины – до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада –
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.
Бузина казнена, казнена!
Бузина – целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей..
А потом – водопад зерна,
А потом – бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.
Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст..
Новосёлы моей страны!
Из-за ягоды – бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день – ночьюми...),
Яда – всосанного очьми..
Бузина багрова, багрова!
Бузина – целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь – бузиной
Назвала...

11 сентября 1931, Медон – 21 мая 1935, Ванв

«Не нужен твой стих...»
– Не нужен твой стих –
Как бабушкин сон.
– А мы для иных
Сновидим времен.
– Докучен твой стих –
Как дедушкин вздох.
– А мы для иных
Дозóрим эпох.
– В пять лет – целый свет –
Вот сон наш каков!
– Ваш – на пять лишь лет.
Мой – на пять веков.
– Иди, куда дни!
– Дни мимо идут...

– Иди, куда мы.
– Слепые ведут.
А быть или нет
Стихам на Руси –
Потоки спроси,
Потомков спроси.
14 сентября 1931

«Насмарку твой стих...»
– Насмарку твой стих!
На стройку твой лес
Столетний!
– Не верь, сын!
И вместо земных
Насильных небес –
Небесных земель
Синь.
14 сентября 1931

Стихи к сыну
«Ни к городу и ни к селу...»
Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот! –
Куда назад идти – вперед
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее
Дитя мое... Мое? Ее –
Дитя! То самое былье,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь – этот прах, чти – этот прах!»
От неиспытанных утрат –
Иди – куда глаза глядят!
Всех стран – глаза, со всей земли –
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.
Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.
Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В наш-час – страну! в сей-час – страну!
В на-Марс – страну! в без-нас – страну!
январь 1932

«Наша совесть – не ваша совесть...»
Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.
Соляное семейство Лота –
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –
Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
Наш грех, наш крест, наш спор, наш –
Гнев. В сиротские пелеринки

Облаченные отродясь –
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас
Не было! по плодам – и видом
Не видали! Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб
Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.
Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань
Дней своих.
январь 1932

«Не быть тебе нулем...»
Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным
Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –
В сём полагая цель.
Ибо в любую щель –
Я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.
Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –
Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист
Достался от отцов!
С той стороны весов
Я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.
Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – поручкой –
Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.
22 января 1932

Родина
О неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
– Россия, родина моя!
Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!
Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль – всю ее с собой несусь!
Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
Со всех – до горних звезд –
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.
Ты! Сей руки своей лишусь, –
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля –
Гордыня, родина моя!
12 мая 1932

«Дом, с зеленою гущей...»
Дом, с зеленою гущей:
Куц зеленою кровью...
Где покончила – пуще
Чем с собою: с любовью.
14 июня 1932

«Закрыв глаза – раз иначе нельзя...»
Закрыв глаза – раз иначе нельзя –
(А иначе – нельзя!) закрыв глаза
На бывшее (чем топтаннее травка –
Тем гуще лишь!), но ждущее – до завтра ж!
Не ждущее уже: смерть, у меня
Не ждущая до завтрашнего дня...
Так, опустив глубокую завесу,
Закрыв глаза, как занавес над пьесой:
Над местом, по которому – метла...
(А голова, как комната – светла!)
На голову свою –
– да попросту – от света
Закрыв глаза, и не закрыв, а сжав –
Всем существом в ребро, в плечо, в рукав
– Как скрипачу вовек не разучиться! –
В знакомую, глубокую ключицу –
В тот жаркий ключ, изустный и живой –
Что нам воды – дороже – ключевой.
Сентябрь 1932

Ісі – Haut[9]
«Товарищи, как нравится...»
Товарищи, как нравится
Вам в проходном дворе
Всеравенства – перст главенства:
– Заройте на горе!
В век распевай, как хочется
Нам – либо упрядним,
В век скопищ – одиночества
– Хочу лежать один –
Вздых.
17 октября 1932

«Ветхозаветная тишина...»
Ветхозаветная тишина,
Сирой полыни крестик.
Похоронили поэта на
Самом высоком месте.
Так и во гробе еще – подъем
Он даровал – несущим.
...Стало быть, именно на своем
Месте, ему присущем.
Выше которого только вздох,
Мой из моей неволи.
Выше которого – только Бог!
Бог – и ни вещи боле.
Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта – под
Небом и над землю.
После России, где меньше он
Был, чем последний смазчик –

Равным в ряду – всех из ряда вон
Равенства – выходящих.
В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду,
Орльих, по всем утесам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году –
Стал рядовым, был способ!
Уединенный вошедший в круг –
Горе? – Нет, радость в доме!
На сорок верст высоты вокруг –
Солнечного да кроме
Лунного – ни одного лица,
Ибо соседей – нету.
Место откуплено до конца
Памяти и планеты.
«В стране, которая – одна...»
В стране, которая – одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня
На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. «Леонтьем
Крещеный – просит о таком –
то прозвище». – Извольте!
А впрочем, что ему с холма,
Как звать такую малость?
Я гору знаю, что сама
Переименовалась.
Среди казарм, и шахт, и школ:
Чтобы душа не билась! –
Я гору знаю, что в престол
Души преобразилась.
В котлов и общего котла,
Всеобщей котловины
Век – гору знаю, что светла
Тем, что на ней единый
Спит – на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображенье на горе?
Горы – преображенье.
Гора, как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит –
Вожатому – душ, а не масс!
Не двести лет, не двадцать,
Гора та – как бы ни звалась –
До веку будет зваться
Волошинской.
23 октября 1932

«Переименовать! Приказ...»
– «Переименовать!» Приказ –
Одно, народный глас – другое.
Так, погребенья через час,
Пошла «Волошинскою горою»
Гора, название Янычар
Носившая – четыре века.
А у почтительных татар:
– Гора Большого Человека.
22 мая 1935

«Над вороным утесом...»
Над вороным утесом –
Белой зари рукав.
Ногу – уже с заносом
Бега – с трудом вкопав
В землю, смеясь, что первой
Встала, в зари венце –

Макс! мне было – так верно
Ждать на твоём крыльце!
Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С восхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утес –
По трехсаженным креслам:
– Тронам иных эпох! –
Макс! мне было – так лестно
Лезть за тобою – Бог
Знает куда! Да, виды
Видящим – путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы – на обелиск...
Ну, а потом, на плоской
Вышке – орлы вокруг –
Макс! мне было – так просто
Есть у тебя из рук,
Божьих или медвежьих,
Опережавших «дай»,
Рук неизменно-брежных,
За воспаленный край
Раны умевших браться
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так братски
Спать на твоём плече!
(Горы... Себе на горе
Видится мне одно
Место: с него два моря
Были видны по дно
Бездны... два моря сразу!
Дщери иной поры,
Кто вам свои два глаза
Преподнесет с горы?)
...Только теперь, в подполье,
Вижу, когда потух
Свет – до чего мне вольно
Было в охвате двух
Рук твоих... В первых встречных
Царстве – о сам суди,
Макс, до чего мне вечно
Было в твоей груди!
* * *
Пусть ни единой травки,
Площе, чем на столе –
Макс! мне будет – так мягко
Спать на твоей скале!
28 октября 1932

«Темная сила...»
Темная сила!
Мра-ремесло!
Скольких сгубило,
Как малых – спасло.
<1932>

«Никуда не уехали – ты да я...»
Никуда не уехали – ты да я –
Обернулись прорехами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны не по карману!
Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!
С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:

Людоеды в парижских модах!
Нами – лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот
Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой
Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, –
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через все вам лицо – автограф!
1932–1935

Стол
«Мой письменный верный стол Спасибо за то, что шел...»
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.
Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,
Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему.
Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большал, ширел,
Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как шtrand!
К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –
Беглянку.
– Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал – как маг –
Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!
Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!
Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь ввевшийся – край стола!
июль 1933

«Тридцатая годовщина Союза – верней любви...»
Тридцатая годовщина
Союза – верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты – мои,
Которых – не ты ли – автор?
Съедавший за дестью десть,

Учивший, что нету – завтра,
что только сегодня – есть.
И деньги, и письма с почты –
Стол – сбрасывавший – в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня – последний срок.
Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
что завтра меня положат –
дурищу – да на тебя ж!
«Тридцатая годовщина Союза – держись, злецы...»
Тридцатая годовщина
Союза – держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы –
Малейшую из зазубрин!
(Зубами – коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был – стол
Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берёг карел!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг – через ночь – старел,
Разумнел – так школьник дерзость
Сдаёт под мужской нажим.
Сажусь – еле доску держит,
Побьюсь – точно век дружим!
Ты – стоя, в упор, я – спину
Согнувши – пиши! пиши! –
которую десятину
Вспахали, версту – прошли,
Покрыли: письмом – красивей
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!
Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый – всякий,
Лишь бы не на трех ногах!
Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тёзка – тот!
Бильярдный, базарный – всякий –
Лишь бы не сдавал высот
Заветных. Когда ж подастся
железный – под локтевым
Напором, столов – богатство!
Вот пень: не обнять двоим!
А паперть? А край колодца?
А старой могилы – пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: – даст
Бог! Есть Бог! Поэт – устроичив:
всё – стол ему, всё – престол!
Но лучше всего, всех стойче –
Ты, – мой наколенный стол!
около 15 июля 1933 – 29–30 октября 1935

«Обидел и обошел...»
Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол – на четырех ногах
Упорства. Скорей – скалу
Своротись! И лоб – к столу
Подстатный, и локоть под –
чтоб лоб свой держать, как свод.
– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,

Просторный, – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век!
Спасибо тебе, Столяр,
За доску – во весь мой дар,
За ножки – прочней химер
Парижских, за вещь – в размер.
«Мой письменный верный стол Спасибо за то, что ствол...»
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!
С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!
17 июля 1933

«Квиты: вами я объедена...»
Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.
Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.
Всяк на выбранном заранее –
<Много до рождения! – >
Месте своего деяния,
Своего радения:
Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.
В головах – свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!
Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!
А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,
Вытряхнут <вас всех со скатерти:>
С крошками, с огрызками.
Каплуном-то вместо голубя
– Порох! душа – при вскрытии.
А меня положат – голуя:
Два крыла прикрытием.
Конец июля 1933

«Вскрыла жилы: неостановимо...»
Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской,
Через край – и мимо –
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.
6 января 1934

«Тоска по родине! Давно...»
Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –

Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...
3 мая 1934

«А БОГ С ВАМИ...»
А БОГ С ВАМИ!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину
Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки.
23 июня 1934

«Это жизнь моя пропела – провыла...»
Это жизнь моя пропела – провыла –
Прогудела – как осенний прибой –
И заплакала сама над собой.
Июнь 1934

Куст
1
Что́ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечесьей, кляня
Которую – голову прячу
В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плечи, и гущи –
Что́ нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!
А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел

Мне прямо в разверстую душу,
что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
что, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пуста?
Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?
Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
да разве я то говорю,
что знала, пока не раскрыла
рта, знала еще на черте
губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.

2

А мне от куста – не шуми
минуточку, мир человеческий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью.
Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.
Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.
Той – до всего, после всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Все соединилось в котором.
Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.
Около 20 августа 1934

«Уединение: уйди...»

Уединение: уйди
в себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.
Чтоб ни души, чтоб ни ноги –
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.
Кто победил на площади –
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди –
Справляй и погребай победу
Уединения в груди.
Уединение: уйди,
Жизнь!
Сентябрь 1934

«О поэте не подумал...»

О поэте не подумал
Век – и мне не до него.
Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом
Времени не моего!
Если веку не до предков –

Не до правнуков мне: стад.
Век мой – яд мой, век мой – вред мой,
Век мой – враг мой, век мой – ад.
Сентябрь 1934

Сад
За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...
На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-душка!
Без ни-души!
Скажи: довольно мўки – нá
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий, как ты Сам.
Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.
1 октября 1934

Челюскинцы
Челюскинцы! Звук –
Как сжатые челюсти.
Мороз их них прет,
Медведь из них щерится.
И впрямь челюстями
– На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!
На льдине (не то
что – чёрт его – Нобиле!)
Родили – дитё
И псов не угробили –
На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
– На льдов произвол
Ни пса не оставили!
И спасши – мечта
Для младшего возраста! –
И псов и дитя
Умчали по воздуху.
– «Европа, глядишь?»
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый – полюсом!
А рядом – сердит
На грóмы виктории –

Второй уже Шмидт
В российской истории:
Седыми бровями
Стесненная ласковость...
Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!
3 октября 1934

«Человека защищать не надо...»
Человека защищать не надо
Перед Богом, Бога – от него.
Человек заслуживает ада.
Но и сада
Семиверстного – для одного.
Человек заслуживает – танка!
Но и замка
Феодального – для одного.
Осень 1934

«Стройте и пойте стройку...»
Стройте и пойте стройку!
.
Столпнику ж дайте стойко
Спать на своем столбу!
Стройте и пойте выше
Благополучье толп
Кройте стеклянной крышей
Мой деревянный столп.
Октябрь 1934

(Отголоски стола)
Плоска – доска, а всё впитывает,
Слепа – доска, а всё считывает,
(Пустым – доска: и ящика нет!)
Сухим – доска, а всё возвращает!
* * *
Нема – доска, а всё сказывает!
* * *
Не было друга,
Кроме доски!
* * *
...На сём плоту –
Спасусь, спасусь, спасусь!
* * *
...На сей доске –
Спасусь! спасусь! спасусь!
1934

«Есть счастливицы и счастливицы...»
Есть счастливицы и счастливицы,
Петь не могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!
Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.
Пел же над другом своим Давид.
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему

Как по канату вышла...
Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.
Ноябрь–декабрь 1934

«Рябину...»
Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.
1934

Надгробие
«Иду на несколько минут...»
– «Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул – куда ушел?
Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа – куда ушла?
В шкафу – двустворчатом, как храм, –
Гляди: все книги по местам.
В строке – все буквы налицо.
Твое лицо – куда ушло?

* * *
Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо –
Куда ушло?
3 января 1935

«Напрасно глазом – как гвоздем...»
Напрасно глазом – как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании – верней гвоздя:
Здесь нет тебя – и нет тебя.
Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
– Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя – и нет тебя.
Нет, некоторое из двух:
Кость слишком – кость, дух слишком – дух.
Где – ты? где – тот? где – сам? где – весь?
Там – слишком там, здесь – слишком здесь.
Не подменю тебя песком
И паром. Взявшего – родством
За труп и призрак не отдам.
Здесь – слишком здесь, там – слишком там.
Не ты – не ты – не ты – не ты.
Что бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, –
Бог – слишком Бог, червь – слишком червь.
На труп и призрак – неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы

Могил.

И если где-нибудь ты есть –
Так – в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие – презреть раскол:
Совсем ушел. Со всем – ушел.
5–7 января 1935

«За то, что некогда, юн и смел...»
За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен –
Не дам тебе – умереть совсем!
За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист –
Вязанками приносил мне в дом! –
Не дам тебе – порости быльем!
За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил – чин,
Ребячьей радостью встретил – страх, –
Не дам тебе – поседеть в сердцах!
7–8 января 1935

«Удар, заглушенный годами забвенья...»
Удар, заглушенный годами забвенья,
Годами незнанья.
Удар, доходящий – как женское пенье,
Как конское ржанье,
Как страстное пенье сквозь <косное> зданье
Удар – доходящий.
Удар, заглушенный забвенья, незнанья
Беззвучною чащей.
Грех памяти нашей – безгласой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
Землею наносной
Удар – заглушенный, замщенный – как тиной.
Так плющ сердцевину
Съедает и жизнь обращает в руину...
– Как нож сквозь перину!
..Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:
Снегами – годами – <пудами> бездушья
Удар – заглушенный...
А что если вдруг
.
А что если вдруг
А что если – вспомню?
Начало января 1935

«Оползающая глыба...»
Оползающая глыба –
Из последних сил спасибо
– Рвущееся – умолчу –
Дуба юному плечу.
Издающаяся рыба,
Из последних сил спасибо
Близящемуся – прости! –
Сияющемуся спасти
Валу первому прилива.
Иссыхающая нива –
Божескому, нелюдску.
Бури чудному персту.
Как добры – в час без спасенья –
Силы первые – к последним!
Пока рот не пересох –
Спаси – боги! Спаси – Бог!
Лето 1928

«Уж если кораллы на шее...»
Уж если кораллы на шее –
Нагрузка, так что же – страна?
Тишаю, дичаю, волчею,
Как мне все – равны, всем – равна.
И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко – так сына, –
Волчонка – еще поволчей!
9 января 1935

«Никому не отмстила и не отмщу...»
Никому не отмстила и не отмщу –
Одному не простила и не прощу
С дня как очи раскрыла – по гроб дубов
Ничего не спустила – и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
– Но достоин ли человек?..
– Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
Одному не простила: всем.
26 января 1935

«Жизни с краю...»
Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожая
Дорогу железную.
Века с краю
В запретные зоны
Провожая
Кверх лбом – авионы.
Почему же,
О люди в полете!
Я – «отстала»,
А вы – отстаете,
Остаетесь.
Крылом – с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю –
я?
Февраль 1935

«Черные стены...»
Черные стены
С подножием пены
Это – Святая Елена.
Май 1935

«Небо – синей знамени...»
Небо – синей знамени!
Пальмы – пучки пламени!
Море – полней вымени!
Но своего имени
Не сопрягу с берегом сим.
Лира – завет бедности:
Горы – редей темени.
Море – седей времени.
Июль 1935

«Окно раскрыло створки...»
Окно раскрыло створки –
Как руки. Но скрестив
Свои – взирает с форта:
На мыс – отвес – залив
Глядит – с такою силой,
Так вглубь, так сверх всего –
Что море сохранило
Навек глаза его.

Отцам

«В мире, ревушем...»

В мире, ревушем:

– Слава грядущим!

Что во мне шепчет:

– Слава прошедшим!

Вам, проходящим,

В счет не идущим,

Чад не родящим,

Мне – предыдущим.

С клавишем, с кистью ль

Спорили, с дестью ль

Писчего – чисто

Прожили, с честью.

Белые – краше

Снега сокровищ! –

Волосы – вашей

Совести – повесть.

14–15 сентября 1935

«Поколенью с сиренью...»

Поколенью с сиренью

И с Пасхой в Кремле,

Мой привет поколенью

По колено в земле,

А сединами – в звездах!

Вам, слышней камыша,

– Чуть зазыблется воздух –

Говорящим: ду – ша!

Только душу и спасшим

Из фамильных богатств,

Современникам старшим –

Вам, без равенств и братств,

Руку веры и дружбы,

Как кавказец – кувшин

С виноградным! – врагу же –

Две – протягивавшим!

Не Сиреной – сиренью

Заключенное в грот,

Поколение – с пареньем!

С тяготением – от

Земли, над землей, прочь от

И червя и зерна!

Поколение – без почвы,

Но с такою – до дна,

Днища – узренной бездной,

Что из впалых орбит

Ликом девы любезной –

Как живая глядит.

Поколение, где краше

Был – кто жарче страдал!

Поколение! Я – ваша!

Продолжение зеркал.

Ваша – сутью и статью,

И почтением к уму,

И презрением к плоть

Плоти – временному!

Вы – ребенку, поэтом

Обреченному быть,

Кроме звонкой монеты

Всё – внушившие – чтить:

Кроме бога Ваала!

Всех богов – всех времен – и племен...

Поколенью – с провалом –

Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом

Умудрившимся – быть,
Вам, среди шумного бала
Так умевшим – любить!
До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!
16 октября 1935

«Ударило в виноградник...»
Ударило в виноградник –
Такое сквозь мглу седú –
Что каждый кусток, как всадник,
Копьем пригвожден к седлу.
Из туч с золотым обрезом –
Такое – на краснозем,
Что весь световым железом
Пронизан – пробит – пронзен.
Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок – Господня
Величия – транспарант.
Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как царь Давид –
Пред Солнца Масонским Оком –
Куст служит: боготворит.
20–22 сентября 1935

«Двух станов не боец, а – если гость случайный...»
«Двух станов не боец, а только гость случайный...»

Двух станов не боец, а – если гость случайный –
То гость – как в глотке кость, гость –
как в подметке гвоздь.
Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: одних – корысть и прочих – злость.
Вы с этой головы – к создателю чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь –
Вы с этой головы – что требовали? – Блуда!
Дивясь на ответ упорный: обезглавь.
Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – что требовали? – Ряда.
Дивясь на ответ (безмолвный): обезножь!
Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...
– Нет, стой!
Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!
Дивясь на ответ безумный: – Лиры – строй.
И с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали: нас – люби! тѣх – ненавидь!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?
Бывают времена, когда голов – не надо.
Но слово низводить до свеклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!
– Ты царь: живи один... (Но у царей – наложниц
Минута.) Бог – один. Тот – в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник –
Двух – противубоец! Дух – противубоец.
25 октября 1935

Читатели газет
Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый – со своей
Газетой (со своей

Экземой!) Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.
Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни чёрт, ни лиц,
Ни лет. Скелет – раз нет
Лица: газетный лист!
Которым – весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь –
Читателя газет.
Кача – «живет с сестрой» –
ются – «убил отца!» –
Качаются – тщетою
Накачиваются.
Что́ для таких господ –
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!
Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...
О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!
– Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов пресс
Страшней, чем Шварцев прах!
Уж лучше на погост, –
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!
Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!
Вот, други, – и куда
Сильней, чем в сих строках! –
Что́ думаю, когда
С рукописью в руках
Стою перед лицом
– Пустее места – нет! –
Так значит – нелицом
Редактора газетной нечисти.
Ванв, 1 – 15 ноября 1935

Деревья
Мятущийся куст над обрывом –

Смятение уст под наплывом

Чувств...

Кварталом хорошего тона –
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились – не так – над обрывом!)
Пугливым, а может – брезгливым?
Мечтателя – перед богатым –
Наклоном. А может – отвратом
От улицы: всех и всего́ там –
Курчавых голов отворотом?
От девушек – сплошь без стыда,
От юношей – то ж – и без лба:

Чем меньше – тем выше заносят!
Безлобых, а завтра – безносых.
От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков – листьев новых
Не видящих из-за листовок,
Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смешаюся, –
Так и лисы не рвали мяса!
От гвалта, от мертвых лис –
На лисах (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна –
Как братья-поэты – в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою – о железо
Все руки себе порезав –
Деревья, как взломщики, лезут!
И выше! За крышу! За тучу!
Глядите – как собственных сучьев
Хроматикой – почек и птичек –
Деревья, как смертники, кличут!
(Был дуб. Под его листвою
Король восседал...)
– Святой
Людовик – чего глядишь?
Погиб – твой город Париж!
27 ноября 1935

Стихи сироте
Шел по улице малютка,

Посинел и весь дрожал.

Шла дорогой той старушка,

Пожалела сироту...

«Ледяная тиара гор...»
Ледяная тиара гор –
Только бренному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.
Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок.
16–17 августа 1936

«Обнимаю тебя кругозором...»
Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором –
Чтобы легче дышал, крепче спал.)
Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща –
Знаешь – плющ, обнимающий камень –
В сто четыре руки и ручья?
Но не жимолость я – и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен – а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!
...Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговую порукой сиротства, –
Одиночеством – круглым моим!
(Так вплелась в мои русые пряди –

Не одна серебристая прядь!)
...и рекой, разошедшейся на две –
Чтобы остров создать – и обнять.
Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И – немножко хребет надлома –
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым – и руками двумя!
21–24 августа 1936

(Пещера)

Могла бы – взяла бы
в утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В тущобу пантеры.
В пантерины – лапы –
– Могла бы – взяла бы.
Природы – на лоно, природы – на ложе.
Могла бы – свою же пантерину кожу
Сняла бы...
– Сдала бы тущобе – в учебу!
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, –
Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...
Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки –
Как ветви – и реки...
В пещеру без света, в тущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще – как в плаще бы...
Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве – как в родстве бы...
Чтоб в дверь – не стучалось,
В окно – не кричалось,
Чтоб впредь – не случалось,
Чтоб – ввек не кончалось!
Но мало – пещеры,
И мало – тущобы!
Могла бы – взяла бы
В пещеру – утробы.
Могла бы –
Взяла бы.
Савойя, 27 августа 1936

«На льдине...»
На льдине –
Любимый,
На мне –
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне – любимый.
В коросте – желанный,
С погоста – желанный:
Будь гостем! – лишь зубы да кости – желанный!
Тоской подколенной
До тьмы провалённой
Последнею схваткою чрева – жаленный.
И нет такой ямы, и нет такой бездны –
Любимый! желанный! жаленный! болезный!
5–6 сентября 1936

«Скороговоркой – ручья водой...»
Скороговоркой – ручья водой
Бьющей: – Любимый! больной! родной!
Речитативом – тоски протяжней:
– Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!
От зева до чрева – продольным разрезом:
– Любимый! желанный! жаленный! болезный!
9 сентября 1936

«Наконец-то встретила...»

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.
Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.
Это – шире ладоги
И горы верней –
Человека надоба
Ран – в руке моей.
И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!
11 сентября 1936

«В мыслях об ином, инаком...»
В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком –
Обезглавила весь сад.
Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову – мою.
5-6 сентября 1936

Савойские отрывки

<1>
В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: – Будет гроза!
На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: – Будет любовь!
Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: – Будут стихи!

<2>
Отрывки из Марфы
Проще, проще, проще, проще
За Учителем ходить,
Проще, проще, проще, проще
В очеса его глядеть –
В те озера голубые...
Трудно Марфой быть, Марией –
Просто...
И покамест
Услаждается сестра –
Подходит
– Равви! полдничать пора!
Что плоды ему земные?
Горько Марфой быть, Марией –
Сладко...
Вечен – из-под белой арки
Вдох, ожегший как ремнем:
Марфа! Марфа! Марфа! Марфа!
Не пекися о земном!

* * *
Стыдно Марфой быть, Марией –
Славно...

* * *
Бренно Марфой быть, Марией –
Вечно...
* * *

..Все-то мыла и варила..
Грязно Марфой быть, Марией –
Чисто..
* * *

<3>

Отрывки ручья
Подобье сердца моего!
Сопровождаем – кто кого?
Один и тот же жребий нам –
Мчать по бесчувственным камням,
Их омыwać, их опевать –
И так же с места не снимать.
Поэт,
Сопровождающий поток!
Или поток, плечом пловца
Сопровождающий певца?
* * *

.Где поток–
Там и поэт..
* * *

..Из нас обоих – пьют
И в нас обоих слезы льют
И воду мыльную
.В лицо не узнают.
Сентябрь 1936

«Когда я гляжу на летящие листья...»
Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые – как художника кистью,
Картину кончающего наконец,
Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине – забыт.
20-е числа октября 1936

«Были огромные очи...»
Были огромные очи:
Очи созвездья Весы,
Разве что Нила короче
Было две черных косы
Ну, а сама меньше возможного!
Всё, что имелось длины
В косы ушло – до подножия,
В очи – двойной ширины
Если сама – меньше возможного,
Не пожалеть красоты –
Были ей Богом положены
Брови в четыре версты:
Брови – зачесывать за уши
.
.За душу
Хату ресницами мечь..
Нет, не годится!
Страшно от стольких громад!
Нет, воспоем нашу девочку
На уменьшительный лад
За волосочек – по рублику!
Для довершенья всего –
Губки – крушенья Республики
Зубки – крушенья всего..
* * *

Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну – не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли –
Сонечку люди – сожгли!
Что же вы с пеплом содеяли?

В урну – такую – ее?
Что же с горы не развеяли
Огненный пепел ее?
30 сентября 1937

«Опустивши забрало...»
Опустивши забрало,
Со всем – в борьбе,
У меня уже – мало
Улыбок – себе...
Здравствуй, зелени новой
Зеленый дым!
У меня еще много
Улыбок другим...
22 марта 1938

«Ох, речи мои морочные...»
...Ох, речи мои морочные,
Обронные жемчуга!
Ох, реки мои молочные,
Кисельные берега!
<Май 1938>

«Так, не дано мне ничего...»
...Так, не дано мне ничего,
В ответ на праздник, мной даваем.
Так яблоня – до одного
Цветы раздаривает маем!
Стихи к Чехии
Сентябрь
«Полон и просторен...»
Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов – моря.
Стало чехам – море
Слез: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
Не бездельной, птичьей –
Божьей, человеческой.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий
Всех – на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы –
Всем. Огня и дома –
Всем. Игры, науки –
Всем. Труда – любому –
Лишь бы были руки.
На поле и в школе –
Глянь – какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось – всей горстью,
Строилось – всей честью.
Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.
Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
– Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
На орлиных скалах

Как орел рассевшись –
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?
Горы – откололи,
Оттянули – воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
В селах – счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что с тобою случилось,
Чешский лев двуххвостый?
Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!
Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава – слава.
Лишь на час – не боле –
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи
Белый день свободы!
12 ноября 1938

«Горы – турам поприще...»
Горы – турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы – в небеса.
Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы – родина
Сына моего.
Долы – ланям пастбище,
Не смутить зверья –
Хата крышей за́щитя,
А в лесу – ружья –
Сколько бы ни пройдено
Верст – ни одного.
Эти доли – родина
Сына моего.
Там растила сына я,
И текли – вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?
...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты – родина
Сына моего.
Было то рождение
В мир – рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!
Все дары природные,
Все – до одного!
Пощеднее родины
Сына – Моего!»
Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»
Всё было – безродного
Лишь ни одного
Не было на родине
Сына моего.
Прокляты – кто заняли
Тот смиренный рай

С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...
Трёкляты – кто продали,
Ввек не прощены! –
Вековую родину
Всех, – кто без страны!
Край мой, край мой, проданный
Весь живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,
С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
– Родина!
Родина моя!
Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими –
И опять подаст!
В клятве – руку подняли
Все твои сыны –
Умереть за родину
Всех – кто без страны!
Между 12 и 19 ноября 1938

«Есть на карте – место...»
Есть на карте – место:
Взглянешь – кровь в лицо!
Бьется в му́ке крестной
Каждое сельцо.
Поделил – секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!
От крыльца – до статных
Гор – до орльих гнезд –
В тысячи квадратных
Невозвратных верст –
Язва.
Лег на отдых –
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: наш убит!
Только край тот назван
Братский – дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.
Жир, Иуду – чествуй!
Мы ж – в ком сердце – есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.
19–22 ноября 1938

Один офицер
В Судетах, ни лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат
в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его
неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)
Чешский лесок –
Самый лесной.
Год – девятьсот
Тридцать восьмой.
День и месяц? – вершины, эхом:
– День, как немцы входили к чехам!
Лес – красноват,
День – сине-сер.
Двадцать солдат,

Один офицер.
Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.
Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой – этот дом.
Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,
Пяди не сдам!
Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?
Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой – этот край!
Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я – под ногой –
Камня не сдам!
Топот сапог.
– Немцы! – листок.
Грохот желёз.
– Немцы! – весь лес.
– Немцы! – раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один – офицер.
Из лесочку – живым манером
На громаду – да с револьвером!
Выстрела треск.
Треснул – весь лес!
Лес: рукоплёск!
Весь – рукоплёск!
Пока пулями в немца хлещет –
Целый лес ему рукоплещет!
Кленом, сосной,
Хвоей, листвою,
Всею сплошной
Чащей лесной –
Понесена
Добрая весть,
Что – спасена
Чешская честь!
Значит – страна
Так не сдана,
Значит – война
Всё же – была!
– Край мой, виват!
– Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.
октябрь 1938 – 17 апреля 1939

Родина радия
Можно ль, чтоб века
Бич слепоок
Родину света
Взял под сапог?
Взглянь на те горы!
В этих горах –
Лучшее найдено:
Родина – радия.
Странник, всем взором
Глаз и души

Взглянь на те горы!

В сердце впиши
Каждую впадину:
Родина – радия...
<1938–1939>

Март

Колыбельная («В оны дни певала дрема...»)

В оны дни певала дрема
По всем селам-деревням:
– Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!
Ночью черной, ночью лунной –
По Тюрингии холмам:
– Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!
Днесь – по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
– Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!
28 марта 1939

Пепелище

Налетевший на град Вацлава –
Так пожар пожирает траву...
Поигравший с богемской гранью! –
Так зола засыпает зданья,
Так метель заметает вехи...
От Эдема – скажите, чехи! –
Что осталось? – Пепелище.
– Так Чума веселит кладбище!
* * *

Налетевший на град Вацлава
– Так пожар пожирает траву –
Объявивший – последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.
Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями
Плачет, плачет двуххвостый львище...
– Так Чума веселит кладбище!
* * *

Налетевший на град Вацлава
– Так пожар пожирает траву –
Задушивший без содроганья –
Так зола засыпает зданья:
– Отзовитесь, живые души!
Стала Прага – Помпеи глуше:
Шага, звука – напрасно ищем...
– Так Чума веселит кладбище!
29 – 30 марта 1939

Барабан («По богемским городам...»)

По богемским городам
что бормочет барабан?
– Сдан – сдан – сдан
край – без славы, край – без бою.
Лбы – под серою золою
Дум – дум – дум...
– Бум!
Бум!
Бум!
По богемским городам –
или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских –
Гне – ва
Гром:
– Где

Мой
Дом?
По усопшим городам
Возвещает барабан:
– Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне – как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!
30 марта 1939

Германии («О, дева всех румянее...»)
О, дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь – сказками туманила,
Днесь – танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою –
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!
С объятьями удавшими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя – готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!
9-10 апреля 1939

Март
Атлас – что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет – каждый март:
– С краем, с паем с новым!
Тяжек мартовский оброк:
Земли – цепи горны –
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!
Полны руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных – валетов.
– Мне и кости, мне и жир!
Так играют – тигры!
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри – игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора –
Да скалой Тарпейской!)
Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага – что! и Вена – что!
На Москву – отважься!
Отольются – чешский дождь,
Пражская обида.
– Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, –
Мартовские Иды!
22 апреля 1939

Взяли...
Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)
Брали – скоро и брали – щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.
Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.
Вары – взяли и Татры – взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но – больнее, чем рай земной! –
Битву взяли – за край родной.
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна –
Вся страна вооружена!
9 мая 1939

Лес
Видал, как рубят? Руб –
Рубом! – за дубом – дуб.
Только убит – воскрес!
Не погибает – лес.
Так же, как мертвый лес
Зелен – минуто чрез! –
(Мох – что зеленый мех!)
Не погибает – чех.
9 мая 1939

«О слезы на глазах...»
О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!
О черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

«Не бесы – за иноком...»
Не бесы – за иноком,
Не горе – за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, –
Не красный пожар лесной,
Не заяц – по зарослям,
Не ветлы – под бурею, –
За фюрером – фурии!
15 мая 1939

Народ
Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
– Народ! Какой народ!
Народ – такой, что и поэт –
Глашатай всех широт, –
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит – такой народ!
Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, –
Измором взять такой народ?
Гранит – измором взять!
(Сидит – и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт – горит! –
Гранат, творит – магнит.)
...Что радий из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым – Европы посреди –
Зарыть такой народ?
Бог! Если ты и сам – такой,
Народ моей любви
Не со святыми упокой –
С живыми оживи!
20 мая 1939

«Не умрешь, народ...»
Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал – гранат,
Грудью дал – гранит.
Процветай, народ, –
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.
Париж, 21 мая 1939

«Молчи, богемец! Всему конец...»
Молчи, богемец! Всему конец!
Живите, другие страны!
По лестнице из живых сердец
Германец входит в Градчаны.
<Этой басне не верит сам:
– По ступеням как по головам.>
– Конным гунном в Господень храм! –
По ступеням, как по черепам...
<1939>

«Но больнее всего, о, памятной...»
Но больнее всего, о, памятной
И граната и хрусталя –
Всего более сердце ранят мне
Эти – маленькие! – поля
Те дороги – с большими сливами

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И большими шагами – вдоль
Слив и нив...
<1939>

Douce France[10]
Adieu, France!

Adieu, France!

Adieu, France!

Marie Stuart[11]
Мне Францией – нету
Нежнее страны –
На долгую память
Два перла даны.
Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплыть
Марии Стюарт
5 июня 1939

«Двух – жарче меха! рук – жарче пуха...»
Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!
Круг – вкруг головы.
Но и под мехом – неги, под пухом
Гаги – дрогнете вы!
Даже богиней тысячерукой
– В гнезд, в звезд черноте –
Как ни кружи вас, как ни баюкай
– Ах! – бодрствуете...
Вас и на ложе неверья гложет
Червь (бедные мы!).
Не народился еще, кто вложит
Перст – в рану Фомы.
7 января 1940

«Ушел – не ем...»
Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Всё – мел.
За чем ни потянусь.
...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.
23 января 1940

«Всем покадили и потрафили...»
Всем покадили и потрафили:
. – стране – родне –
Любовь не входит в биографию, –
Бродяга остается – вне...
* * *
Нахлынет, так перо отряхивай
.
Все даты, кроме тех, недознанных,
Все сроки, кроме тех, в глазах,
Все встречи, кроме тех, под звездами,
Все лица, кроме тех, в слезах...
* * *
О первые мои! Последние!
.
Вас за руку в Энциклопедию
Ввожу, невидимый мой сонм!
* * *
Многие мои! О, пьющие
Душу прямо у корней.

О, в рассеянии сущие
Спутники души моей!
Мучиться мне – не отмучиться
Вами,
О, в рассеянии участи –
Сущие души моей!
Многие мои! Несметные!
Мертвые мои (– живи!)
Дальние мои! Запретные!
Завтрашние не-мои!
Смертные мои! Бессмертные
Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
Небе – стаей журавлей...
О, в рассеянии участи
Сущие – души моей!
Вы, по гульбищам – по кладбищам –
По узилищам –
январь 1940

Голицыно

«Пора! для этого огня...»
– Пора! для этого огня –
Стара!
– Любовь – старей меня!
– Пятидесяти январей
Гора!
– Любовь – еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.
23 января 1940

«Годы твои – гора...»
– Годы твои – гора,
Время твое – <царей.>
Дура! любить – стара.
– Други! любовь – старей:
Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...
29 января 1940

«Не знаю, какая столица...»
Не знаю, какая столица:
Любая, где людям – не жить.
Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.
А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким – как он.
1 июля 1940

«Когда-то сверстнику...»
Когда-то сверстнику (о медь
Волос моих! Живая жила!)
Я поклялася не стареть,
Увы: не поседеть – забыла.
Не веря родины снегам –
.
Тот попросту махнул к богам:
Где не стареют, не седеют...
.

.старо
я воспевала – серебро,
Оно меня – посеребрило.
декабрь 1940

«Так ясно сиявшие...»

Так ясно сиявшие
До самой зари –
Кого провожаете,
Мои фонари?
Кого охраняете,
Кого одобряете,
Кого озаряете,
Мои фонари?
* * *

...Небесные персики
Садов Гесперид...
декабрь 1940

«Пора снимать янтарь...»

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...
Февраль 1941

«Всё повторяю первый стих...»
«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...
Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.
Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?
Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!
Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,
(Своими)...
Робкая как вор,
О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Раз! – опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.
И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.
...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и всё же укоряю:

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.
6 марта 1941

Поэтические переводы
Из австрийской поэзии
Райнер Мария Рильке
«Кто нам сказал, что всё исчезает...»
Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
кто знает? – не останется ли ее полет?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву.
Длится не жест,
Но жест облакает вас в латы,
Золотые – от груди до колен.
И так чиста была битва,
что ангел несет ее вслед.

Из английской поэзии
Вильям Шекспир
Песня Стефано
(из второго акта драмы «Буря»)
Капитан, пушкарь и боцман –
Штурман тоже, хоть и сед, –
Мэгги, Мод, Марион и Молли –
Всех любили, – кроме Кэт.
Не почтят сию девицу
Ни улыбкой, ни хулой, –
Ибо дегтем тяготится,
Черной брезгует смолой.
Потерявши равновесье,
Штурман к ней направил ход.
А она в ответ: «Повесься!»
Но давно уж толк идет,
что хромой портняжка потный –
В чем душа еще сидит! –
Там ей чешет, где щекотно,
Там щекочет, где зудит.
Кэт же за его услуги
Платит лучшей из монет...
– В море, в море, в море, други!
И на виселицу – Кэт!

Народные баллады
Робин Гуд спасает трех стрелков
Двенадцать месяцев в году.
Не веришь – посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.
Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, –
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.
– Что нового, старуха? – Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.
– Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?
– Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.
– За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?
– С оленем встретились в лесу...
Лес королевским был.

– Однажды я в твоём доме
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль.
Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, –
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз..
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.
– Какие новости, старик?
– О сэр, грустнее нет:
Сегодня трех младых стрелков
Казнят во цвете лет.
– Старик, сьмай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром.
– Ваш – мая месяца новей,
Сему же много зим..
О сэр! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!
– Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!
Надел он шляпу старика, –
Чуть-чуть пониже крыш.
– Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!
И стариков он плащ надел,
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!
Влез в стариковы он штаны.
– Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!
Влез в стариковы он чулки.
– Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!
Два башмака надел: один –
Чуть жив, другой – дыряв.
– «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я – граф!
Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп! –
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.
– О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?
– Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще – тринадцать пенсов дам
И званьё палача.
Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень – прыг!
– Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!
– Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду –
И все для палачей!
Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том – мясо, в том – муку, –
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди – горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.
– Труби, труби, Робин Гуд,
Труби в Робин Гуд рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!
Был рога первый зов, как гром!
И – молнией к нему –
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.
Был следующий зов – то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.
– Но кто же вы? – спросил шериф,
чуть жив. – Отколь взялись?
– Они – мои, а я Робин,
А ты, шериф, молись!
На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.
Робин Гуд и Маленький Джон
Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд, –
Бич епископов и богачей, –
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?
Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом – что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину, –
Было в парне на что поглядеть!
Как с малюточкой этим спознался Робин,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: вот и труд тебе весь! –
Лучше знаешь – так сам расскажи.
Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам:
– Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще древес, по лощинкам – чудес,
А настанет беда – протрублю.
Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу – побеждает Робин,
А услышите рог – будьте в срок.
Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселея на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду – мосток,
Незнакомец – на том берегу.
– Дай дорогу, медведь! – Сам дорогу мне дашь! –
Тесен мост, тесен лес для двоих.
– Коль осталась невеста, медведь, у тебя, –
Знай – пропал у невесты жених!
Из колчана стрелу достает Робин Гуд:
– Что сказать завещаешь родным?
– Только тронь тетиву, – незнакомец ему, –
Вмиг знакомство сведешь с водяным!
– Говоришь, как болван, – незнакомцу Робин, –
Говоришь, как безмозглый кабан!
Ты еще и руки не успеешь занести,
Как к чертям отошлю тебя в клан!
– Угрожаешь, как трус, – незнакомец в ответ, –
У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего, кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!
– Мне и лука не надо – тебя одолеть,
И дубинкой простой обойдусь.
Но, оружием сравнявшись с тобой, посмотрю,

Как со мною сравняешься, трус!
Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издалече крича:
– Ну-ка, твой или мой будет мост?
Так, с моста не сходя, естества не щадя,
Будем драться, хотя б до утра.
Кто упал – проиграл, уцелел – одолел,
Такова в Ноттингэме игра.
– Разобью тебя в прах! – незнакомец в сердцах, –
Посмеются тебе – зайцы роц!
Посередке моста сшиблись два молодца,
Зачастили дубинки, как дождь.
Словно грома удар был Робина удар:
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: – Мне не нужен твой дар,
Отродясь никому не должал!
Словно лома удар был чужого удар, –
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: – Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!
Разошелся чужой – так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин – дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить – что овес на гумне!
Был Робина удар – с липы лист облетел!
Был чужого удар – звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.
Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пошли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.
Через мост наклонясь: – Где ты, храбрый боец?
Не стряслась ли с тобою беда?
– Я в холодной воде, – отвечает Робин, –
И плыву – сам не знаю куда!
Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху – одолел, кто внизу – проиграл,
Вот и кончилась наша игра.
Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез – мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил – так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!
Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов – лес стрелков-молодцов,
В одеяньи – травы зеленой.
– Что здесь делается? – молвил Статли Вильям
Почему на тебе чешуя?
– Потому чешуя, что сей добрый отец
Сочетал меня с Девой Ручья.
– Человек этот мертв! – грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
– Человек этот – мой! – грозно крикнул Робин,
И мизинцем не троньте его!
Познакомься, земляк! Эти парни – стрелки
Робингудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.
У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?
– Видит Бог, я готов! – удалец, просияв. –
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прозвали меня,

Но я знаю, где север, где юг.
– Джоном Маленьким – эдакого молодца?!
Перезвать! – молвил Статли Вильям. –
Робингудова рать – вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом – буду сам.
Притащили стрелки двух жирных-оленух,
Пива выкатили – не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.
Было семь только футов в малютке длины,
А зубов – полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил –
Был бы самый обычный малыш!
До сих пор говорок у дубов, у рябин,
Не забыла лесная тропа,
Пень – и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа.
Ту молитву за ним, ноттингэмцы за ним,
Повторили за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям
Окрестил его тут эдак вот:
– Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону – помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.
Громогласным ура – раздалась бы гора! –
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
– Постарайся, наш Маленький Джон!
Взял усердный Робин малыша-крепыша.
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет – так и лорд не одет! –
И вручил ему лук-самострел:
– Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.
Хоть ни фута у нас – всей шотландской земли,
Ни кирпичика – кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? – Мы!
Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых раки
К тем пещерным жильям, за Робинотом – Вильям...
Спят... И Маленький Джон с ними спит.
Так под именем сим по тущобам лесным
Жил и жил, и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: – Маленький Джон!
Из испанской поэзии
Фредерико Гарсиа Лорка
Гитара
Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья,
Не проси у нее
Молчанья!
Гитара плачет,
Как вода по наклонам – плачет,
Как ветра над снегами – плачет,
Не моли ее
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,

Так плачет стрела без цели,
Так песок раскаленный плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!
Фредерико Гарсиа Лорка
Пейзаж
Масличная равнина
Распахивает веер.
Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И льются темным ливнем
Холодные светила.
На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий – серый ветер.
Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.
Фредерико Гарсиа Лорка
Селенье
На темени горном,
На темени голом –
Часовня.
В жемчужные воды
Столетие никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,
А на башне
Вращается флюгер,
Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной...
Фредерико Гарсиа Лорка
Пустыня
Прорытые временем
Лабиринты –
Исчезли.
Пустыня –
Осталась.
Несмолчное сердце –
Источник желаний –
Иссякло.
Пустыня –
Осталась.
Закатное марево
И поцелуи
Пропали.
Пустыня –
Осталась.
Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло,
Исчезло.
Пустыня –
Осталась.
Фредерико Гарсиа Лорка
Пещера
Из пещеры – вздох за вздохом,
Сотни вздохов, сонмы вздохов,
Фиолетовых на красном.

Глот цыгана воскрешает
Страны, канувшие в вечность,
Башни, врезанные в небо,
Чужеземцев, полных тайны...
В прерывающемся стоне
Голоса, и под высокой
Бровью – черное на красном.
Известковую пещеру
Дрожь берет. Дрожит пещера
Золотом. Лежит пещера –
В блеске – белая на красном –
Павою...
– Струит пещера
Слезы: белое на красном...
Из немецкой поэзии
Иоганн Вольфганг Гёте
«Кто с плачем хлеба не вкушал...»
Кто с плачем хлеба не вкушал,
Кто, плачем проводив светило,
Его слезами не встречал,
Тот вас не знал, небесные силы!
Вы увлекаете нас в сад,
Где обольщения и чары;
Затем ввергаете нас в ад:
Нет прегрешения без кары!
Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей вселенной!
Народные песни
«Что ты любовь моя...»
Что ты любовь моя –
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.
Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать – с тобой.
Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
– Еловый сук!
И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.
Что ты любовь моя –
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.
«Как распознаю я твой дом...»
– Как распознаю я твой дом,
Скажи, разумница моя!
– Ходи по улочкам кругом,
Так и узнаешь, где мой дом.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
– Как мимо пса я проскользну,
Скажи, разумница моя!
– Псу ласковое слово брось,
И снова примется за кость.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
– Как я по лесенке взберусь,
Скажи, разумница моя!
– Сапожки на руки надень –
Не скрипнет ни одна ступень.

Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
– Как двёрочку твою найду,
Скажи, разумница моя!
– Нашупай на двери кольцо..
Подумают, что деревцо
Стучит... Молчок!
Попридержи-ка язычок!
– Как в горенку твою взойду,
Скажи, разумница моя!
– Рукою стеночку обшарь,
И будешь ты с ключом – ключарь.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
– Как попаду к тебе в кровать,
Скажи, разумница моя!
– Там ларь высокий под окном,
Я в том ларе сплю чутким сном..
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
– А что мне делать поутру,
Скажи, разумница моя!
– Надень – что снял, забудь – что знал..
Свет всюду бел, а мир – не мал!
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!
Орешина
Гуляла девушка в лесу,
По кустикам плясала.
Зеленая ей на пути
Орешина предстала.
– Орешина! Сударыня!
С чего так зелена ты?
– Ах, девушка-красавица,
С чего так хороша ты?
– Коли и вправду хороша –
Ответ мой будет краток:
Ем белый хлеб и пью вино –
С того и хороша так.
– Что белый хлеб твоей красе –
С него и хороша так, –
То для моей листвы – роса:
С нее и зелена так.
Ешь белый хлеб и пьешь вино?
И спишь ты, видно, сладко!
Где твой девический венок?
У милого в кроватке!
– Орешина! Сударыня!
Твой сказ тебя загубит!
Три рослых брата у меня,
Они тебя порубят.
– Сруби орешину зимой –
Весной опять ростки даст.
Утратит девушка венок –
До гробовой доски уж!
«Мне белый день чернее ночи...»
Мне белый день чернее ночи, –
Ушла любимая с другим!
Мне думалось, что я – любим!
Увы, увы, увы, увы!
Не я любим – ушла с другим!
Что толку мне в саду прекрасном,
Что мне жасмин и розмарин,
Раз их срываю не один –
Цветы – которым, цветы – которым
Лишь я – законный господин!
Что толку мне в устах румяных, –
Будь то коралл, будь то рубин, –

Раз их целую не один –
Уста – которым, уста – которым
Лишь я – законный господин!
Придут клубучники-монахи,
Заплачет колокол: динь-динь!
Поволокут меня с перин
С прощальным хором – в тот сад, в котором
Лишь червь – законный господин!
Жениховы частушки
Пляшут зайцы на лужайке,
Пляшут мошки на лозе.
Хочешь разума в хозяйстве –
Не женись на егозе!
Вся-то в лентах, вся-то в блестках,
Всему свету госпожа!
Мне крестьяночку подайте,
Что как булочка свежа!
Мама, во мгновенье ока
Сшей мне с напуском штаны!
Чтобы, как у герра Шмидта,
Были икры в них стройны!
Как на всех зубами лязгал –
Не приласкан был ни разу.
Прекратил собачий лязг –
Нет отбою мне от ласк!
Рвал им косы, рвал им юбки –
Все девчонки дули губки.
Обуздал свой норов-груб –
Нет отбою мне от губ!
Хочешь в старости почета –
Раньше старших не садись!
Хочешь красного потомства –
С красной девицей сходишь!
За свекровьиной кроватью
– Точно ближе не могли! –
Преогромный куль с рублями –
Сплю и вижу те рубли.
А за тестевой конторкой –
До чего сердца грубы –
Преогромная дубина.
Для чего в лесах – дубы?!
Доныне о бедных детях
Доныне о бедных детях
Есть толк у подводных трав.
Друг к другу рвались напрасно:
Их рознил морской рукав.
– Мил-друзе! Плыви – отважься!
Мил-друзе! Седлай волну!
Тебе засвечу три свечки –
Вовек не пойдешь ко дну.
Подслушала их монашка,
Раздула щеку-бледну,
Задула монашка свечки,
Мил-друзе пошел ко дну.
А день наступал – воскресный,
Всем людям хотелось петь,
Одна только королевна
На свет не могла глядеть.
– О, мати, – молвила, – мати!
Никак не раскрою век.
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый брег!
– Ах, дочка, – молвила, – дочка!
Неладно гулять одной.
Поди разбуди меньшую
Сестрицу – пойдет с тобой.
– Моя меньшая сестрица –
Резвушка, дитя-мало:

На каждый цветочек льстится –
А сколько их расцвело!
– О, матери, – молвила, – матери!
В очах – все вещи слились...
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый мыс!
– Ах, дочка, – молвила, – дочка!
Неладно гулять одной.
Поди, разбуди-ка братца
Меньшого – пойдет с тобой.
– Ах, матери, меньшей мой братец
До спутника не дорос:
Он в каждую чайку целит, –
А сколько их развелось!
– О, матери, – молвила, – матери!
Мне сердце – мука сожгла!
Пусть люди идут к обедне,
Пойду – где пена бела.
Отправилась мать к обедне,
А дочь – где пена бела.
Гуляла она, гуляла –
На рыбаля набрела.
– Ах, рыбаля, любезный рыбаля!
Глянь – с перстнем моя рука!
Закинь свои сети в море
И вылови мне дружка!
Забросил он сети в море,
Забрасывал их стократ,
Сто раз опускал, в сто первый
Несут его сети – клад.
Сняла королевна с пальца
Кольцо драгоценных руд.
– Возьми его, милый рыбаля!
Спасибо тебе за труд.
Сняла королевна, плача,
С макушки венец зубчат.
– Возьми его, милый рыбаля!
Спасибо тебе за клад.
Как водоросль морская,
Любимого обвила...
– Забудьте, отец и матери,
Что дочка у вас была!
Девическая могила
(стихи неустановленного поэта)
Никому я не открою,
А тебя на свете – нет,
Как сроднился я с тобою
За семь юношеских лет.
Ну и годы! – Семь – не мене! –
Илиад и Одиссей.
И мгновенье за мгновеньем
Был я твой – душою всей.
Но пока от дома к дому
Я шагал, тобою полн,
Год седьмой ушел к шестому,
А любимая – под холм.
Почему ты так спешила?
Почему так медлил я?
Почему ты мне светила,
Мнилась, брэнная моя?
И осталось мне, под хвои
Шум – нашептывать холму,
Как томился тот, спокойный,
Друг – по сердцу твоему!..
Из французской поэзии
Шарль Бодлер
Плаванье
Максиму дю Кан

1

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом – даль, за каждой далью – вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах – как бесконечно мал!
В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.
Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага, еще иных – в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни, –
Надежда отстоять оставшиеся дни.
В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененьи чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.
Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие – чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!
На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку – любовь, как рекруту – картечь,
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет – как тот Архангел злобный
Невидимым бичом стегающий миры.
О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть – везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде..
Душа наша – корабль, идущий в Эльдорадо.
В блаженную страну ведет – какой пролив?
Вдруг, среди гор и бездн и гидр морского ада –
Крик вахтенного: – Рай! Любовь! Блаженство – Риф.
Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазоревой водой и с изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам заря.
О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыбям, иль в цепи заковать, –
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.
Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидет въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

3

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз – бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.
Умчите нас вперед – без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару)
Видения свои, обрамленные в синь.
Что видели вы, что?

4

– Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесь,
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, –
Ах, нечего скрывать! – скучали мы, как здесь.
Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей

Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы – сей.
Стройнейшие мосты, славнейшие строенья,
Увы, хотя бы раз сравнились с градом – тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.
От сладостей земных – Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.
Докуда дорастешь, о древо – кипариса
Живучее?.. Для вас мы привезли с морей
Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, –
Всем вам, которым вещь чем дальше – тем милей!
Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфиристых столпов вззирающих на мир.
Резьбы такой – дворцы, такого взлету – камень,
Что от одной мечты – банкротом бы – банкир...
Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну – до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада...

5

– И что, и что – еще?

6

– О, детские мозги!..

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
От пальмовой лозы до ледяного мха,
Везде – везде – везде – на всем земном пространстве
Мы видели всё ту ж комедию греха:
Ее, рабу одра, с ребячливостью самки
Встающую пятой на мыслящие лбы,
Его, раба рабы: что в хижине, что в замке
Наследственном – всегда – везде – раба рабы!
Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов, –
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.
С десяток или два – единственных религий,
Все сплошь ведущих в рай – и сплошь вводящих
Подвижничество, так носящее вериги,
Как сибаритство – шелк и сладострастье – мех.
Болтливый род людской, двухдневными делами
Кичащийся. Борец, усиленный в борьбе,
Бросающий Творцу сквозь преисподни пламя:
– Мой равный! Мой Господь! Проклятие тебе!
И несколько умов, любовников Безумья,
Решивших сократить докучный жизни день
И в опия морей нырнувших без раздумья, –
Вот Матери-Земли извечный бюллетень!

7

Бесплодна и горька наука дальних странствий:
Сегодня, как вчера, до гробовой доски –
Всё наше же лицо встречает нас в пространстве:
Оазис ужаса в песчаности тоски.
Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя –
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца – Время.
Есть племя бегунов. Оно – как Вечный Жид.
И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится. Убить зовущееся днем –
Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырех стенах справляются с врагом.
В тот миг, когда злодей настигнет нас – вся вера
Вернется нам, и вновь воскликнем мы: – вперед!
Как на заре веков мы отплывали в Перу,
Авророю лица приветствуя восход.
Чернильною водой – морями глаже лака –
Мы весело пойдем между подземных скал.

О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: – К нам! – О, каждый, кто взалкал
Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где круглый год – день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.
О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!
К нам руки тянет друг – чрез черный водоем.
– Чтоб сердце освежить – плыви к своей Электре! –
Нам некая поет – нас жегшая огнем.

8

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода – куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!
Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обзрев под солнцем все, что есть,
На дно твоё нырнуть – Ад или Рай – едино! –
В неведомого глубь – чтоб новое обрести!

Бретонские народные песни

«Милую целую, я сорвал цветок...»

Милую целую, я сорвал цветок.

Милая – красotka, рот – вишневый сок.

Милую целую, я сорвал цветок.

Грудь – волне досада, стан – стволу – упрек.

Милую целую, я сорвал цветок.

С ямкой – подбородок, с ямкой – локоток.

Милую целую, я сорвал цветок.

Ножка – так с ладошку, а подъем – высок.

Милую целую, я сорвал цветок.

Млеют городские, думают: дай срок...

Милую целую, я сорвал цветок.

Но, могу поклясться, – их обман жесток.

Милую целую, я сорвал цветок.

«Вскочила утречком с зарей...»

Вскочила утречком с зарей.

Пошла в зеленый садик свой.

Пошла в зеленый садик свой

За розмариновой листвою.

За розмариновой листвою.

Чуть сорвала листок-другой,

Чуть сорвала листок-другой –

Глянь – соловей летит лесной!

Глянь – соловей летит лесной.

Мне говорит на лад на свой,

Мне говорит на лад на свой:

– Девушка, береги покой!

Девушка, береги покой!

Цена мальчишкам – свищ пустой.

Цена мальчишкам – свищ пустой,

Цена мужчинам – меньше той!

Всего леса вдоль...

Всего леса вдоль

я ласкал Жанетту.

Целовал Жанетту

Всего леса вдоль.

Был бы дольше лес,

я б свою Жанетту,

я б свою Жанетту –

Дольше целовал.

Вел бы дальше лес,

я б свою Жанетту,

я б свою Жанетту –

Дальше целовал.

Всего края б вдоль

Целовал Жанетту,

Целовал Жанетту –

Всего б рая вдоль!

Хороводная

– Барышня, прекрасней нету,
Цвет сирени с розы цветом,
Вам по нраву ли сосед?

Розы цвет, сирени цвет.

– Барышня, пляшите с нами!

Барышня, решайте сами:

С кем пропляшете весь век?

Цвет сирени, розы цвет.

Торопливая невеста

– Мама, долго ль?

Мама, скоро ль?

Мама, время

Замуж – мне!

– Голубка, в доме – ни гроша!

– Зато пшеница хороша:

Ее продавай,

Меня выдавай!

Мама, долго ль?

Мама, скоро ль?

Мама, время

Замуж – мне!

– Голубушка, где ж платье взять?

– Из льна-то – платье не соткать?

Тки, шей, расшивай,

Меня – выдавай!

Мама, душно!

Мама, скушно!

Мама, время

Замуж – мне!

– Где жить-то будешь с муженьком?

– Есть каменщики – будет дом!

Домок воздвигай,

Меня – выдавай!

Мама, тесно,

Мама, тошно,

Мама, время

Замуж – мне!

– Голубка, нет у нас вина!

– Чай, в винограде вся стена!

Скорей отжимай,

Меня выдавай!

Мама, тошно,

Мама, томно,

Мама, время

Замуж – мне!

– Нет, дочка, милого у нас!

– Есть толстый Жак: он в самый раз!

Лови – не зевай,

Скорей выдавай!

Мама, завтра ж!

Мама, нынче ж!

Мама, время

Замуж – мне!

Из болгарской поэзии

Елисавета Багряна

Правнучка

Нет ни прародительских портретов,

Ни фамильных книг в моем роду.

Я не знаю песен, ими петьх,

И не их дорогами иду.

Но стучит в моих висках – лихая,

Темная, повстанческая кровь.

То она меня толкает к краю

Пропасти, которая – любовь.

Юная прабабка жаркой масти,

В шелковом тюрбане ниже глаз,

С чужеземцем, тающим от страсти,

Не бежала ли в полночный час?
Молнию–коня, чернее врана,
Помнят придунайские сады!
И обоих спас от ятагана
Ветер, заметающий следы..
Потому, быть может, и люблю я
Над полями лебединый клич,
Голубую даль береговую,
Конский бег под хлопающий бич..
Пропаду ли, нет, – сама не знаю!
Только знаю, что и мертвой я
Восхваляю тебя, моя родная,
Древняя болгарская земля!
Никола Ланков

Исповедь

На этой земле я невольный жилец,
Зато самовольно ее не оставлю!
Единственный долг мой – прожить как боец
И мир целовать огневными устами.
Как жизнь ни черна – не страшусь ее туч,
Тоска тяжела – отрясу ее бремя.
Кипит в моем сердце серебряный ключ,
Надежда на лучшее близкое время.
Одно лишь сокровище есть у меня:
То – сердце, которое все возлюбило!
Чтоб вольною стала родная земля,
Его я с размаху бросаю в горнило.
Я жить не просился, я вынужден жить,
Зато самовольно земли не оставлю!
Единственный долг человека – творить
И мир целовать огневными устами.

Людмил Стоянов

Гуслярская

Едва лишь сел я вином упиться,
Вином упиться – друзьям на здоровье,
Друзьям на здоровье, врагам на гибель –
Над ровным полем взвились птицы,
Что было грезой – то стало явью,
От страшной яви – волосья дыбом.
Глашатай кличет по Будим–Граду,
По Будим–Граду, Демир–Капии,
По всем–то стогнам, путям и селам,
Его я слышу, и горше яда
Вино, и думы, что тучи злые,
Застлали мраком мой пир веселый.
Соленой влагой полны колодцы.
Рыдают нивы, рыдают хаты,
Всему народу – лихая туча!
– С торгов Афон–гора продается!
Мчат богатеи в Солунь треклятый,
Не повторится счастливый случай!
Гора, где каждый–то камень – подвиг!
Здоровье хворых, свобода пленных,
Защита сирых, опора слабых!
На райских пастбищах овцы бродят,
В святых обителях белостенных
Монахи черные Бога славят.
Меня в колыске качало Худо,
Качало Худо у мерзлой печки,
За мною Худо ходило тенью.
Как не скучать мне в ночи без свечки,
Коль ничего мне и ниоткуда,
Ни в будний день мне, ни в воскресенье!
Каб богатеем глядел на солнце,
Все откупил бы долины–горы,
Златые нивы, златые руды..
Эх, потекли бы мои червонцы
На радость здоровым, на здоровье хворым,

На сласть и радость простому люду...

Из польской поэзии

Юлиан Пшибось

Бегство

Позади горизонты валились пластами, как пашня под плугом,

Ввысь взлетали мосты наподобие огненных птиц,

И наш дом – для последнего разу – мне брызнул звездой.

Я над телом лежащим помедлил.

На широких равнинах – их пули со свистом сшивали

тесней и тесней, –

Как восторгом, охваченный ужасом,

Брат!

Я укрыл тебя ветвью.

Сжала жница тебя не серпом, не серпом тебя сжала, а саблей...

В землю торопится кровь.

В поле останется тело.

И погрузился я в ночь, у которой ни дна нет, ни сна нет.

...И необъятная – вся –

Стала земля мне одним

Местом, запавшим

На объем человека.

Юлиан Пшибось

Материк

Только глянул – пространство со взгляда,

как с якоря, сорвалось!

Эти вспышки зеленого дыма – зеленого пыла –

Как помыслию листвою?

Вместо тени – дичайшая темень.

Ввысь скакнула земля.

Материк – в небосвод провожаю?

Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий –

Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью, и жизнью.

...Будто гром его только что ранил.

Ничего – только волн начинающихся береговая кривая.

Юлиан Пшибось

Горизонт

Может, туча из недр морских вынесет на горизонт

Эту землю – как бурю, задержанную в полете.

Жду, покамест два вала ее двуединым ударом приблизят.

Здесь еще не ступала нога человека.

Эти лица – людей или глыб?

Ветер дует с начала творенья.

Этот остров возьму под стопы и руками его повторю,

Разрешу мирозданье по-новому,

Сразу.

О, поднять бы, руками поднять ту воздушную линию гор,

чтобы стали они,

чтобы стали те горы двумя

Запрокинутыми над головою руками.

Люциан Шенвальд

Рассвет

(Вступление к поэме «Сцена у ручья»)

Глинозема седым бурьяном,

желтым полем, звенящим вслед,

В глубь дубового океана

Боязливо бредет рассвет.

В темной гуще, где все заглохло,

Просыпается каждый листик.

В свежих листьях – тысячи вздохов,

Грачьих карков, иволжьих свистов.

Утирает лицо листвою

Яблонь дикая в чаще сонной.

Жемчугами плеснул в лицо ей

Говорливый ручей влюбленный

И красавицу камышами

Обнял нежно и многоруко,

Белой пеной одел, как шалью,

Быстрой песнею убаюкал.

От корней до вершин – и выше –
Раздирается тьмы завеса.
Стисни сердце, чтоб билось тише,
И послушай сказанье леса.
Ухнул камень в лесную ночь.
В тишь дремучую вторгся глухо.
Пробужденная камнем ночь
Утра ход уловила ухом.
Пал тот камень из жарких рук,
В глубь дремучих ветвей врезаясь,
Развернулся в гудящий круг,
Затрещал в камышах, как аист.
Шли крестьяне за сухостоем
Сонной чащею, утром мглистым.
Оглашали жильё лесное
Невеселым мужицким свистом.
Шли травю сырою, глиной,
Не гуторя, да не толкуя,
Шли по сучья да по малину,
Шли то кучей, то врассыпную.
Вдруг – вся глушь загудела гудом!
Да никто, кроме белки быстрой,
Увидать не успел – откуда
Камень грянул, откуда – выстрел.
Снегирей и щеглов не спросят,
Кто и кем здесь уложен насмерть.
Долго выстрел стихал вдоль просек,
Долго дыма качалась проседь,
Долго реял над местом ястреб.
Ветер дым разнесет по рощам,
Ели в думу уйдут по-вдовьи.
Лес наместничий новой мощи
Наберется, напившись крови.
Только гончая на закате,
Чутким носом копнувши хвою,
Морду вскинет, белки закатыт
И зальется протяжным воем.
Да ребенок, глядящий дико,
Жарким полднем сбежав в канаву
За черникой и земляникой,
Подивится на след кровавый.
Таковы-то бои в лабиринте барсучьем,
В дикой чаще лесной, полной клычьев и сучьев.
Меньше струек в ручье, меньше хворосту в ямах,
Чем рубцов на хребте и на темени шрамов.
Столько в пении ландыша скрытого скрипа,
Сколько белых цветов под отцветшею липой.
И не так многочисленна погань грибная,
Как железные цепи на страждущем крае.
А чем больше мужицких загубленных жизней –
Тем щедрее калина кораллами брызнет.
А чем больше под елями крови мужицкой –
Тем сочнее трава и жирнее земляца.
А чем больше камней унесется потоком –
Тем мудрее дубы на откосе высоком.
Адам Важик
Радость советская
Мало радостных слов нам оставило прошлое наше
Отдадимте ж уста настоящего радостным гудам
Жаждет радость советская звуков как полная чаша
Да пробьется на свет красота
что в забитых народах веками лежала под спудом
Извлекайте ж народы
ваших пашен слова трудовые
ваших песен слова хоровые
молодые слова
оды
развернувшейся долгим о!

Песни юношей в море
Да участвует в хоре
бодрой юности торжество
Есть прекрасные звуки
Сколько зим они втайне
простояли в гортани
жен под черной чадрой
В море сброшены чадры
и не высохли руки!
Лижет львом прирученным
вольным вольные руки
вал впервые зеленый
пенной белой впервой
Но тех звуков прекрасней
звук дыхания: ах!
в час как счастья избыток
проступает в слезах...
Из чехословацкой поэзии
Ондра Лысогорский
Маме

О ты, которой не хватало суток!
Ты в первый раз сегодня заспалась!
Чтоб накормить девятерых малюток,
Одеть раздетых и обуть разутых, –
Ты до рассвета начинала утро,
А ночью шила, не смыкая глаз.
Усердная, ты говорила мало,
Ты только пела, бедный соловей!
Под песни ты растила сыновей.
А Лысая Гора, как страж, стояла, –
И песни те, которых нет грустней,
Как разыгрались в крови моей!
Лежишь в гробу. Я продолжаю петь...
Спи, труженица! Отдохни, певица!
Ты – оттрудилась. Мой черед потеть...
В полях, в горах, на синей Островице.
Ты – оттерпела, мой черед – терпеть,
Устами сына продолжаешь петь.

Ондра Лысогорский
Баллада о кривой хате
Под ивой хата приткнулась криво.
В той хате бабка варила пиво.
Входили парни в лохматых шапках,
Хвалили пиво, хвалили бабку.
Но деньги сплыли, и парни сплыли.
Одна калорка среди бутылей.
Согнулась бабка прениже ивы:
Куда как страшен налог на пиво!
Пять долгих дней не пила, не ела –
Все на налоговый лист глядела!
Прошел день пятый, настал день платы:
Осталась бабке пустая хата.
– Пивные втулки – и те прихватим! –
Осталась бабка одна с распятем.
У бабки дыбом встают волосья!
Глаза – что угли – у переносья!
Срывает бабка из сил последних
С гвоздя распятье, с себя – передник.
Рвет на полоски передник старый,
Из тех лоскутьев – веревка стала!
И на гвозде – какова обновка?
Где раньше крест воззирал, – веревка.
Крестьяне едут с суда, чуть живы.
Залить обиду решили пивом.
– Простите, друзья, за сказ мой грубый, –
висит калорка и скалит зубы.
Ондра Лысогорский
Песня о работнице

За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Мы в пекле, мы в саже – и так до кончины!
Мы света не видим, мы только – машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота – смолоду глохнем!
За винтиком винтик, шуруп за шурупом..
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
– За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
– За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Янтарный ячмень, золотая пшеница..
А люди, как псы, подышают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня – колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем – кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколение,
С детьми на руках и с детьми на коленях..
Работает время. Шуруп за шурупом.

Ондра Лысогорский

На Советской Украине
О, волны золота живого!
Краса, которой нету слова,
Живого золота равнина, –
Подсолнечники Украины!
О, край, в котором счастье – дома!
О, красные по чернозему
Платки! О, красною малиной
Повязанная Украина!
Нигде не зрел я в мире этом,
Чтоб цвет был – плод, а плод был – цветом!
Подсолнечники на равнине:
Красавицы на Украине!

Ондра Лысогорский

Сон вагонов

1
Были вагоны, стали – могилы..
Крытые снегом, битые вьюгой.
Встали – вагоны. Цугом уклоны
В ряд друг за другом, в ряд друг за другом.
Нет о нас вести в братственных странах.
Ржавчина кровью кроет колеса..
Пусты и немые угольных кранов
Пасти и глотки... Зов безголосый.
Белые – трубы, белые – груды
Шлака: одел их саваном иней.
Где-то гудки гудят смерти гудом:
Хлеба спросонья просят равнины.

2
В ряд – по край глаза! В ряд – по край света!
Были вагоны, – стали гробницы..
Вдруг (не забудьте: снится нам это!)
Настежь – просторы! Пали границы!
Наши составы движутся ходко,
Наши составы движутся шибко.
И затевают пасти и глотки
Жаркую топку, черную ссыпку.
Толпы в заводы рвутся с разгону!
– Победоносно! – Многоголосо! –
Уж не гробы мы – снова вагоны!
И торжествуют наши колеса.

3

Нет! не гробы мы! Требуем пара!

Требуем ходу! требуем гуду!
Ждут не дождутся нашего дара
Целые толпы бедного люда!
Уголь, что парень жилистый вырыл,
Станет он жаром, станет он блеском!
Каждому краю, целому миру
Свет поставляет – край наш силезский!
Пало господство! Кончено рабство!
С тысячеруким братским приветом –
Уголь везем мы, чтобы по-братски
Всех обеспечить счастьем и светом!
Из грузинской поэзии
Важа Пшавела
Гоготур и Апшина
(Старинная быль)

1

Говорят, хевсур Апшина,
Воин из селенья Бло,
Из Миндодаури рода,
Что добро забыл, что – зло.
Грабит верных и неверных,
Рубит мужа и жену,
Дом сокровищами полнит,
Словно царскую казну.
Говорят еще – Апшины
Есть сильнейший: Гоготур.
От мизинца Гоготура
Навзничь грохнется хевсур.
Да и царь про Гоготура
Рек: «Он тысячи сильней!
Стоит тысячи друзей он,
Стоит тысячи мужей!
Сердце у него – железо,
И железная рука.
Сколько раз под нею стлался
Враг, бесчисленной песка!
Он в бою подобен смерти,
Он, как смерть, неуязвим.
С Гоготуром биться – биться
С смерти ангелом самим.
Как волна играет лодкой –
Так играет он врагом.
Нет сомнения: сей воин
Бранным ангелом ведом».
Царь не раз просил: «Останься!
Ты мне друг – как ни один!»
Но ответ был неизменный:
«Царь! Не вынесу долин!
Если на меня не дует
Горным ветром – дел не жди!
Сердце плачет, и не хочет
Плоть ни хлеба, ни воды.
Рта и вовсе не открою!
Буду стыть и цепенеть.
Мне одна дорога – горцем
Жить и горцем умереть.
Есть печаль у Гоготура:
Стали недруги смиренны!
Но у истинного пшава
Дело есть и без войны!»
Говорит: «Одной породы
Меч с косою – что брат с сестрой!
Поработаем! Разбоем
Жив не будет род людской».
Ни единого упрека
В целой Грузии ему.
А не то, чтобы безлунной
Ночью – вырывать суму!

Ломит он платан столетний,
На плечи кладет, как трость,
И, попыхивая трубкой,
В дом несет – чтоб грелся гость.
Или, возвратясь с оленем,
– Сдался, леса властелин! –
Взяв пандури на колени,
Сумерничает один.
И звенит его пандури,
И дымит его табак,
Щиплет струны смуглый палец,
Сыплет золотом очаг.
Запоет – ей-ей на балках
Потолок не улежит!
А ногой еще притопнет –
Вся-то Пшавия дрожит!

2

Три у женщины приметы:
Говорок быстрее воды,
Пол-ума (и тот с безумьем
Схож) и страсти без узды.
Денно-ночно, ночью-денно
Мелет, мелет языком:
Просит подвигов у мужа –
Ими хвастаться потом.
Кроме «славы», нету слова
В малом доме между скал.
Будь супруг ее хоть вором –
Только бы мечом махал!
Только бы ружья не ржавил!
Жеребца не жарил зря.
Только бы жену забавил
Платьем красным, как заря!
Подступает к Гоготуру:
«Муж, на что тебе твой щит?
Раз к домашнему порогу
Хуже хворого пришит!»
И опять героя точит:
«Муж, на что тебе твой меч?
Погляди: слезами плачет!
Хочет голову отсечь!
Собирай оброк с хевсуров,
Грабь чеченца на горе!
Говорят, что у Апшины,
Конь – что рыба в серебре!» –
«Женщина, – ей муж, – что мелешь?
Худо с разумом твоим!
Ты с воителем венчалась,
Не с грабителем ночным.
Чем язык чесать о зубы –
Шерсть чеши да лен чеши!
Худородная, что можешь
Знать про ружья и мечи!
Чем безумствовать речами –
Хоть чулок вяжи с умом!
Лишь тогда рубиться свято,
Коли рубишься с врагом!
Царь пока не кинул клича:
– Враг напал! Пора в поход!
За плечами Гоготура
Сдвинься, Пшавии народ! –
До тех пор не будет крови
Гоготурову мечу.
Страшной кровью – братней кровью
Славного не омрачу!
Было ли, чтобы татарин
На скамье меня нашел?
Как гиена на джейранов,

На татарина я шел!
Я о вражеские спины
Семь мечей – восьмой визжал! –
Целых восемь иступил я,
А девятый был – кинжал.
Женщина, коль ты не демон,
Устыдись своих словес!» –
«Я о том скорблю, что дому
Пользы мало от чудес!
Слава – слабая одёжка,
Варево пустое – честь.
Сто порубленных татарских
Спин – их с солью будешь есть?
Ну-ка, кроме ран на теле,
Что домой принес с войны?
В добром имени – что проку,
Коли руки не полны?»
Сильно огорчился воин;
Меч берет (возьмет и щит),
Лыком липовым потуже
К поясу его крепит,
Щит налево взял, направо
Ружьецо – как есть бревно
Стопудовое! – и дуре
Молвил слово таково:
«Как сказала – так и будет!
Без добычи не вернусь!»
Может, видели, как ехал,
Чуть посмеиваясь в ус?
З
Мимо гор в зеленых шубах,
Мимо вод, бегущих в ширь,
По фиалковым глазочкам
Едет, едет богатырь.
Едет он землю пшавской,
Первой зеленью лесной,
Едет Пшавией весенней,
Едет Пшавии весной.
У лесного населенья
Точно сговор в этот день:
Древо клонится к оленю,
К дереву тянется олень.
Птицы так щебечут сладко,
Что растаял и ледник.
Только у одной Арагвы –
Грозный говор, черный лик.
Мчит, раздутая снегами,
Раздробившая броню,
Полными горстями брызжа
В очи горцу и огню.
Глянь, из-за Копала-камня
Богатырь – скалы облом! –
Словно оползень тяжелый,
Продвигается с конем.
А навстречу, глянь, на лурдже
Стройном: на коне – синей
Синей тучи! (всадник – лурджи,
Лурджа – всадника стройней.)
Богатырь другой в черкеске
Красной – что твоя заря!
Хороши на поле красном
Щит и меч богатыря!
Он поет – все горы вторят!
Знать, и впрямь непобедим!
Свищут конские подковы
По камням береговым.
Всадник видит Гоготура,
Устремляется – смотри! –

И уже вплотную стали
Кони и богатыри.
С руганью занесши меч свой,
Им всю местность осияв:
«Пшав, сдавай свое оружие!
Мирному без нужды, пшав!
я – Апшина! (И вторично
Выругавшись – что твой гром!)
Сказанному – покорися!
Либо повторю – мечом!»
Думает силач: «Прикинусь
Кротким, к братству воззову!
Как откликнется Апшина
На склоненную главу?» –
«Друг, одумайся! Иль впрямь я –
Грязь, ногам твоим – навоз?
Тоже женщиною вскормлен!
чай, не на навозе взрос!
Брат, одумайся! Коль впрямь ты –
Богатырь, как можешь, брат,
Мирного лишить оружия?
Или Бог тебе не свят?
Без меча – как покараю?
Без меча – как пощажу?
Родичеву ругань: – Тряпка! –
Без щита чем отражу?
Коли свят тебе, Апшина,
Бог – хоть шапку мне оставь!
Не пускай меня без шапки,
Сдавшегося не бесславь!
Человек ты громкой славы,
Муж, прославленный кругом.
Обойдись со мной по-братски –
Станет брат тебе рабом».
Закипел Апшина: «Много
Разговариваешь, пшав!
Меч снимай, снимай и шапку!
Кто сильнее – тот и прав!
Ты за целую неделю
Первый будешь мне барыш.
Щит давай, давай ружье мне, –
Не то землю обагришь!
Либо пнем слетишь в Арагву!
По весне вода черна.
Пусть бревном тебя сосновым
Мчит арагвская волна!»
Отдал Гоготур хевсуру
Щит-свой-звон и меч-свой-вес.
И уздечки на утеху
Не оставил живорез!
Вороного шпорой тронул,
Конь что молния взвился!
Тут у Гоготура лопнул
Гнев: «Глядите, небеса!
Гляньте, скалы, гляньте, горы,
Бурная, замедли течь! –
На грабителя, у брата
Вырвавшего щит и меч!
Гляньте, горы, гляньте, скалы –
Как с седельца сволоку, –
Как об этот самый камень
Этот череп истолку!»
Схвачен вор и опрокинут,
Богатырским боем бит,
Связан и, середь дороги
Кинут, идолом лежит.
Стал лежачему стоячий
Речь держать: «Презренный тать!

Как с купцом хевсурским, думал
С Гоготуром совладать?
На протянутую руку
– Вор – ответивший мечом,
Подавай сюда чеканный
Меч! – мой меч! и мой шелом!
Мой и конь! моя и сбруя!
Мой и щит! моя броня!
Кто мечом махал на брата –
Ниже праха для меня».
«Пощади! – ему Апшина,
От расправы побелев
Дозелена, а от гнева
Дочерна позеленев. –
Обознался я – помилуй!
Промахнулся я – прости!
Ты мне рухлядью помнился,
Глиною в моей горсти.
Мощи нет твоей превыше,
Грудь твоя – скалы ребро.
Побратаемся, могучий!
Выпьем дружбы серебро!
А потом, во имя дружбы,
– Стыдно мне, лежу в пыли! –
Брат, верни мое оружие
Или им же заколи!» –
«Что, легко (ему – каратель)
Проходимцу свой шелом
Отдавать? Кинжал и меч свой
Зреть на поясе чужом?»
«Либо возврати оружие,
Либо им же и убей!
Поумнел, во прахе лежа?
Образумился, злодей?
Чем от перса и от турка
Грузию оберегать –
Путника разоружаешь?
И тебя – грузином звать?
И чего ты, скверный, рыщешь,
Словно дух бесплотный, дом
Потерявший! Вор несытый
С уворованным кулем!
Голоден – сказал бы прямо,
Досыта бы накормил.
Но – чтоб мирного ограбить!
Или Бога позабыл?
А без Бога – хоть бы горы
Серебра – какой в них прок?
Если же подраться хочешь –
Меч на поясе высок.
Меньше щебня под ногами,
Чем у Грузии врагов!
На единого грузина –
Войско в тысячу голов!
Бей их справа, бей их слева!
Меч сломал – другой достань!
Правая изныла – левой!
Меч не стал – рукой достань!
Бей неверных, как баранов!
Рассыпай врагов, как вихрь!
Первый молвлю, что достоин
Ты доспехов боевых.
Но тому, кто мирных грабит,
Кому кротость не кротка –
Нет убора головного,
Кроме женского платка.
Грабил ты войны не знавших,
Грабил старцев и детей,

Не встречал ты рук железных
И железных челюстей!
Не хочу твоих доспехов –
Опозорился б мой кров!
Мало ли у Гоготура
В доме ружей и щитов?
И коня возьми обратно!
Будешь, муж непобедим,
Мужеством своим хвалиться –
Похвалился и моим.
Но тебя крестом Хахматским
И Копала-камнем – свят! –
Заклинаю: все, как было,
Говори, хевсурский брат!»
Развязал Апшине руки,
На ноги поставил, щит
Подает. Апшина – синий,
Весь заплаканный стоит.
«Горе, горе мне, Апшине,
Вору из селенья Бло!
Я, как зверь, уйду в пещеру!
Но за все твое добро
Дай тебя обლობызаю!»
Тут, словца не говоря,
Гоготур Апшину обнял,
Богатырь – богатыря.
Младший из сумы ковровой
Спешно достает бурдюк,
Сели наземь, сели рядом –
С младшим – старший, с другом – друг.
Тут Апшина рог наполнил,
Руку поднял, око взвел:
«Ты дотоль живи и здравствуй,
Пока небо поит дол,
Пока солнце греет землю,
Пока ночь идет за днем,
Пока лес весною зелен,
Пока высь дружит с орлом,
Пока разом пуда соли
Не притащит муравей...
Да умножит крест Лашарский
Подвиги руки твоей!»
«Да спасут тебя святые! –
Гоготур ему, с душой.
А что крепок ты – изведал
Нынче собственной рукой.
Злому демону не следуй,
Злого дела не твори,
И продлит Господь меж нами
Разговоры и пиры».
Настрогал хевсур кинжалом
Серебра в вино – залог
Верной службы, вечной дружбы –
Каждый осушил свой рог.
Славно пили, складно пели,
И, Арагвы на краю,
Разошлись побратимы
Каждый в сторону свою.
4
Тишь и темень. Спит грузинский
Край, Георгием храним.
Снеговые, ледяные
Горы бодрствуют над ним,
Не зеленые – от века,
Не зеленые – вовек.
По отвесам – турьи тропы:
Зверя вековечный бег.
Только шуму, что гневливой

Речки плеск, да треснет сук.
Вдруг вся спящая деревня
Вздрыгнула! – в ворота стук.
«Открывай, жена, не медля!
Муж пришел – жена встает!
Спать не время, вражье семя!
Сам Апшина у ворот!
Будет спать тебе, обуза!
Принимай коня и щит!
Не то крест тебя Хахматский
Милости своей лишит!
Уж мечом не опояшусь
И щита не подыму!
Кого первого завидишь –
Щит и меч отдай тому.
И коня отдай в придачу,
Только платы не взимай!
Кого первого завидишь –
И коня тому отдай!
Чем война была мне, хвату,
Стала хворому – постель.
Злая хворь во мне, хевсурам
Не знакомая досель».
Третий месяц на исходе,
Тверже мертвого лежит.
От его сердечных стонов
Дом дрожит, земля дрожит.
Утаить – обет нарушить,
Рассказать – живым зарыть.
Вот и мается, не в силах –
Рассказать, не в силах – скрыть.
Долго думал – скоро сделал:
Лег богатым – нищим встал,
Что содеял – то поведал,
Был неверным – верным стал.

5

Горный праздник у хевсуров:
Жарит вертел, льет бурдюк.
Вон богатые врагами.
Горцы: Минди и Мацук.
Вот и Хинча бесподобный.
Одаль женское родство
Смотрит скромными глазами –
Каждая на своего.
На земле – голов бараньих,
Что людских в войну голов!
Чу! Молельщика Апшины –
Хевисбери – слышен зов:
«Буди милостив, Георгий,
К царству древнему грузин!
Даруй мощь его народам!
Чтоб не счесть его дружин!
Буди милостив, Георгий,
К верной Грузии своей!
Чтобы не было под небом
Края – Грузии славней!»

* * *

Говорят, в последнем доме
Горного селенья Бло
Полнолунными ночами
Кто-то стонет тяжело.
Бесконечный, заунывный
Стон, пугающий зарю:
«Горе, горе мне! Увы мне,
Мертвому богатырю».

Важа Пшавела

Этери

1

Выше глаз уходят горы,
Дальше глаз уходит дол.
Ни жилья бы не увидел
Пешеход, кабы добрел.
Занавешена чинарой,
Тростником окружена,
На всю дальнюю долину –
Только хижина одна.
Тесной изгородью гладыш
С трех сторон ее обнес,
Частым лесом – можжевельник
Обступил и перерос.
Человеку не подвластна
Эта гордая страна;
Мощным голосом природы,
Песней гор оглашена.
Шелест листьев – словно шепот
Затаенной тишины.
Звери, ветры и обвалы –
Вот хозяева страны.
Только речи человеческой
Не услышит пешеход.
Всё здесь, кроме человека,
Говорит и вопиет.
То олень осенним ревом
Потрясет покой дерев.
Громким голосом обвала
Вдруг гора проявит гнев.
Серна вскрикнет, дятел стукнет,
Филин ухнет, каркнет вран,
Серебром на всю долину
Звякнет горлышком фазан...
Только звери эту траву
Мнут да девушка одна.
Как луна одна на небе –
Так она в лесу одна.
Сторожит ее жилище
Куст чилижника в цвету.
Соловей ему все ночи
Жалуется на тоску.
Ах, горька его потеря!
Нет бедному житья!
Бедной девушке Этери
Любо слушать соловья.
«Хорошо поешь ты, – молвит, –
Как бубенчиком звенишь!
В горле жемчугом играешь!
Хоть бы знать – что говоришь!
Только этим и страшна мне
Смерть, глубокая земля,
Что под камнем не слышна мне
Будет песня соловья.
Если б мне судьба судила
Быть пернатым соловьем, –
Знала б, знала б, не гадала б,
Соловьи поют о чем!
Соловьем была бы – ведра
Не таскала бы с трудом,
В серых перышках ходила б,
А не в платье худом.
Не катились бы, как слезы,
Дни сиротские мои,
Не страшилась бы сиротка
Старой мачехи-змеи».

2

Света первая победа,
Мира первая краса.
Хрусталями, жемчугами

На траве лежит роса.
Только старая старуха –
Что печная головня:
И черна-то, и страшна-то –
Омрачает чудо дня.
Мачеха

Ты вставай, вставай, лентяйка,
Выгоняй, злодейка, скот!
Солнце – час уже как встало:
Проспала ты, глянь, восход!
Берегись теперь расправы!
Наколи скорей дровец!
Накорми мою корову!
Не мори моих овец!
Хоть бы волк меня избавил
От ленивицы-слуги!
Вихрь тебя смети метлою!
Молния тебя сожги!
Этери

Как вода в котле не схожа
С речки светлую водой,
Так и падчерицы доля
С долей дочери родной.
Хоть бы образ свой сиротке
Мать оставила в помин!
Им как солнышком бы грелась
В хладном сумраке долин.
Хоть бы голос свой, голубка,
Завещала сироте!
Не плутала бы сиротка
В мокроте и черноте.
Хоть бы уст своих улыбку
Позабыла уходя!
Не промокла бы подушка
От соленого дождя.
Целый день проклятья, ругань
И во сне и наяву.
Обделенная судьбою,
Богом кинутая живу.
Хоть бы что-нибудь сиротке
Мать оставила в помин!
Хоть бы уст своих улыбку,
Взгляд очей своих один!
От зари до черной ночи
Спину гнуть да слезы лить,
Как ни гнись, раба, под ношей –
Клятой быть да битой быть!
Знать, под красною луною
В час недобрый родилась!
Заглянул к малютке в люльку
Лунный глаз – не в добрый час!
Поднялась Этери с ложа:
Тюфяком ей был тростник,
Плоский камень – изголовьем.
Подняла Этери лик, –
И всю землю озарила
Бедной девушки краса.
Подняла Этери очи –
Отразила небеса.
Погруженная в раздумье,
Поглядит Этери ниц –
Сонмы ангелов нисходят
По лучам ее ресниц.
Шеи горного джейрана
Шея девушки стройней.
Под дубленую овчиной

Стан – что лилия полей!
Только нет у ней нарядов.
В черном рубище, бедна..
Хоть бы бусинка цветная,
Иль застежка хоть одна!
Взяв корзинку через руку,
Вывела на волю скот.
За овечками – корова,
Следом – девушка идет.
Поясок на ней – богатый,
Ибо косами двумя,
Цвета черного агата,
Опоясана она.
Вдоль спины пустить вожжами –
Не управиться самой!
То в кустарнике застрянут,
То почудятся змеей.
Грех на эдакие косы
Призывать Господень гром!
Вот и странствует Этери
В поясе волосяном,
От рассвета до заката
Не встречая ни души.
Незабвенное виденье
Девушки в лесной глуши!
З
Бродят овцы и корова,
Щиплют свежие ростки.
Под чинарою Этери
Внемлет голосу реки.
Но другой ему на смену
Звук: охота! своры плач!
Мчит олень, круша орешник,
За оленем – конный вскачь,
Словно дождь лежачий – стрелы
С напряженной тетивы.
Не сносить тому оленю
Венценосной головы!
На голову пав, с откоса
Покатила кувырком.
Не отдышится Этери,
Спрятавшись за тростником.
Но тростник, неверный, выдал!
На две стороны тростник
Разошелся и увидел
Юноша Этери лик.
Точно дерево сухое,
Вспыхнул. И горящих глаз,
Как стрелой в того оленя,
Взглядом в девушку вперясь,
Пуще дерева сухого
Пышет: ест его огонь!
Как взглянули – не сморгнули,
Недохнули он и конь.
Ястреба на куропатку
Взгляд – железо бы прожег!
Тростника бы не зажгла бы
Девушка пожаром щек!
Лук и стрелы, бросил наземь,
Следом прыгивает сам;
К девушке подходит робко,
Телом статен, станом прям.
Лишь тростник вокруг высокий
Да зеленые леса.
К лбу прикладывает руку:
«Здравствуй, девушка–краса!
Кто ты, милая, откуда?
Кто твой отец и мать?»

Почему ты в рваном платье?
Как тебя дозволишь звать?»
Как скала, молчит Этери –
Впрямь ли потеряла речь?
Немотой ее разгневан,
Юноша заносит меч:
«Говори сейчас же: кто ты?
Я не зря тебя нашел.
Говори – не то не медля
Расщеплю тебя, как ствол!»
Этери

Только с птицами лесными
Я беседую в лесу.
А пугать меня железом –
Чести мало удальцу!
Годердзи

Хоть одно, голубка, слово!
Кто твои отец и мать?
Почему в таких лохмотьях
Странствуешь, хотел бы знать?
Этери

Всех война взяла, одну лишь
Матушку взяла земля.
Ест и пьет меня, сиротку,
Злая мачеха-змея.
Побредешь овечьим следом –
Будет хижина в лесу.
С мачехой живу, старухой,
Скот ее теперь пасу.
Годердзи

Почему глаза отводишь?
Мимо глаз моих глядишь?
Ведь и взглядом не обидел!
Допроси речной камыш.
Пусть луны небесной краше,
Чище снега на горах, –
Человек тебе я равный!
Что я – падаль или прах?
Нету умысла дурного
У плененного тобой.
Назови, голубка, имя!
Напои меня водой!
Этери

И ребенок незнакомцу
Не откроется – как звать!
Годердзи

Памятью твоих усопших –
Успокой их благодать
Господа! Могил их ради
И живой моей любви,
Утоли, голубка, жажду!
Имя, имя назови!
Этери

«День, Этери!» «Дров, Этери!»
«Выгоняй, Этери, скот!» –
Имя горькое – Этери –
Сладкого не принесет.
Годердзи

Видно, в Господа не верит,
С окаянными знаком,

Кто красавицу такую
Водит в рубище таком.
Накажи Господь злодея!
Тот на свете не жилец,
Кто красавицу такую
Шлет пасти стада овец.
Выслушай меня, Этери:
Хочешь быть моей женой?
Я Гургена сын – Годердзи,
Будешь царствовать со мной.
Осчастливь меня хоть взглядом,
Отними от глаз ладонь.
Молнию опережая,
Понесет нас черный конь...
Как прекрасна ты, Этери!
Ослеплен твоей красой!
Знай, что царства мне дороже
След ноги твоей босой.
Этери

Если девушка в лохмотьях –
Не спасет ее краса!
Смилуются ли колючки,
Коль красавица боса?
Годердзи

Милая! Одно лишь слово!
Оживи увядший куст!
Или слова недостойна
Искренняя просьба уст?
Этери

Царь! Сама я не достойна
Руки мыть тебе и в зной
Заслонять тебя от солнца.
Мне ли быть твоей женой?
Сирота в простой овчине, –
Что и нищему плоха, –
Я ли подданным – царица?
Повелителю – сноха?
Но еще одно, царевич,
И навеки – рознит нас:
Никогда не выйти замуж
Господу я поклялась.
От восхода до заката
Опекать своих ягнят,
Днем довольствоваться всяким,
Не ропща на жар и хлад.
Не гляди, что я сиротка –
Немала моя родня:
Лес, ветвями, как руками,
Обнимающий меня;
Месяц, мне растящий косы;
Чаща, прячущая в зной;
Ветер, мне свежащий щеки;
Дождик, плачущий со мной...
От овец своих – пастушка,
Верь, не разнится ничем.
С овцами одну и ту же
Воду пью и пищу ем!
Знаю я лишь то, что знает
Всякая лесная тварь.
Не томи меня! Будь братом!
Отпусти меня, о царь!
Жарко мне! Совсем сгораю!
Одолел меня озноб!
Тихо косами Этери
Вытирает влажный лоб

И глаза, с которых слезы –
Жемчугом в речной песок...
Если б их песок не выпил –
Был бы жемчугом поток!
Что слезинка – то росинка
Упадает на цветок,
Имя нежное Этери
Взял бы каждый стебелек.
Годердзи

Не рыдай, моя Этери!
Возвращусь в свою страну!
Поверну коня обратно –
Головы не оберну.
Но куда пойду, несчастный?
Некуда – раз не к тебе!
От тебя идет Годердзи,
Значит – к собственной беде!
Сам себя сражу кинжалом
Иль иссохну, как камыш.
Знай: царевича отвергнув,
Тысячи осиротишь!
Вся земля с ее дарами
Притекает к нам в лари.
Бог не трогает алмазов;
Звезд не трогают цари.
Но такая же – и пуще –
Власть над жизнями у нас.
Тысячи и сотни тысяч
Ринутся по взгляду глаз.
Грозные царевы брови:
Только бровью он повел –
Тысячи, как я, безусых
Спустятся в могильный дол.
Мы, цари, всему владыки,
Кто так властен и высок?
А царевича пастушка
Презирает, как песок.
Полно, девушка! Доколе
Воду лить на мой огонь?
Я возьму тебя с собою,
Понесет нас черный конь!
Ах, к груди тебя прижавши,
Молнию опережу!
Раньше тронного подножья
Я коня не осажу.
Все еще молчишь, гордячка?
Не проронишь ни словца?
Счастья мало? Сердца мало?
Мало брачного венца?
Или же другой милее?
Чем тебе не угодил?
Платьем – беден? Родом – скуден?
Ликом – бледен? Телом – хил?
Этери

Брат мой, нет тебя прекрасней!
Ты – что сокол на скале!
Нет двух солнц златых на небе,
Двух Годердзи на земле.
Но цветов в долине много,
Каждый свежестью хорош.
С этого цветка на встречный
Скоро взгляд переведешь.
И останусь я, печалью
Скошенная ниже трав,
Богу не сдержавши клятвы,
Милого не удержав.

Боязно судьбу пытаться мне,
Огорчать твою родню,
Не царица я – народу,
Не наездница – коню...
Годердзи

Не зови супруга братом,
Даром неба не гневи!
Годен ли, Этери, в братья,
кто сгорает от любви?
Да лишит меня всевидец
Света солнца своего,
Коль хоть взгляд один похищу
я у лика твоего.
Пусть вовеки не услышу
Крика серны молодой,
Коль хоть раз прельстится ухо
Смехом девушки другой.
Пусть костей моих не сыщут
По бездонным пропастям,
Коль хоть в помыслах приникну
Не к твоим, краса, устам.
Для того ль могучим родом
Щит мне дан и меч мне дан,
Чтобы льстивыми речами
Девушек вводить в обман?
Злое б на тебя замыслил –
Не сулил тебе венца б, –
Гнал тебя бы рукоятью
Вплоть до самого дворца,
Но, любя тебя, желаю,
Чтобы шла со мной – любя.
Милая! Любви, не страха
Жду и жажду от тебя!
И опять Этери плачет,
Голову склонивши ниц,
И опять Этери жемчуг
Нижет стрелами ресниц.
Ах, не в первый раз на свете
Над бегущею водой
С хладным разумом не сладит
Сердце девы молодой!

4

Где-то в трубы затрубили,
Свора лаем залилась.
То царевичева свита
Господина заждалась.
Откликается Годердзи.
Видит: с луками в руках
Мчат охотники в звериных
Островеших башлыках.
Чуть завидели Этери,
Так и ахнули они:
«Не земная это дева, –
Божьим ангелам сродни!» –
«Радуйтесь! – сказал Годердзи, –
Восхваляйте дар небес!
Видите, какую серну
Подарил мне нынче лес!
Солнцем Господа клянуся
И Господнею луной –
Будет вам она царицей,
Мне – любимую женой!»
Обнял девушку царевич –
что орел ширококрыл,
И с невестою в объятьях
Бога возблагодарил.
Но невеста и в объятьях

Молчалива и строга
И, посаженная на конь,
Плачет, катит жемчуга.
Разноцветными цветами
Забросали их рабы.
Молодым желают счастья,
Ладу, веку и судьбы.
Но царевичеву счастьем
Есть завистник, есть шакал.
Чуть завидел визирь шерэ
Девушку – затрепетал,
Как подстреленный, не может
Глаз на дивную поднять
А подымет, а посмотрит –
Глаз не может оторвать.
Мать родная не узнала б:
Ликом – темен, взором – дик.
Как гроза меняет местность –
Так любовь меняет лик.
Две змеи его снедают,
Две – высасывают кровь:
Злая ненависть к счастливцу,
К дивной девушке любовь.
Возблагодарила Бога
За счастливейший из дней.
Все настрелянное за день
Погрузили на коней.
Поредели, пострадали
Леса вольные стада!
Будет вертелу работа!
Будет женщинам страда!
Оперение фазанов
Так и светится во мгле.
Леса ж лучшая добыча –
У царевича в седле.
Весело поет царевич,
Весело поют рабы.
Вторят горы, вторят дали
Горные на все лады.
Лишь одна молчит – Этери.
Косы уронив на грудь,
Слез солеными ручьями
Орошает брачный путь.
Плачет, бедная, по стаду:
По ягнтям-сосунам,
По сестрицам и по братцам,
По телятам-скакунам.
Молится, чтобы спасла их
Вседержителя рука
От стервятничьего клюва
И от волчьего клыка.
На небе мерцают звезды,
Распростертая под ним
Спит земля, еще покоем
Не насытилась ночным...
Скоро ль небо приоткроет,
В жажде утренней земной,
Грудь, застегнутую солнца
Пуговицей огневой?

5

Встало солнце, озарило
Кругозор и небосвод.
Птицы хищные в долины
Устремляются с высот.
Запах падали почуяв,
Коршун коршуну кричит,
Ворон ворона торопит,
Старший стаю горячит.

Ах, недаром сокрушалась
Девушка по сосункам!
От Этериных любимцев –
Только шерстка по кустам.
Потревоженный зарею
Разбежался волчий сброд.
Волчья стая не доела –
Воронова доклюет.
Радуется рой проклятый,
Мчится, клювы наострив.
Сотрапезников незваных
Клекотом встречает гриф.
Вслед за барсом притазились
Два медведя-силача.
Гонит мачеха косматых,
Как медведица рыча.
Смотрит старая (ручьями
Слезы из-под красных вежд)
На растерзанное стадо:
Кладбище своих надежд.
По ветру пустивши космы,
Разъяренная, как рысь,
Хриплым зовом, черным словом
Оглашает даль и близь.
Все-то горы, все-то доли
Исходила, обошла,
Но пастушки нерадивой
Тени-следу не нашла.
Может, дух ее нечистый
В царство мрака заманил?
Знать, обвал ее сыпучий
Заживо похоронил!

6

Над лазурною пучиной,
На скалистом берегу
Встал дворец царя Гургена, –
Крепость, страшная врагу.
Но, от недруга сокрытый,
Есть у крепости тайник!
Между стен ее зубчатых
Укрывается цветник.
От фиалок синеглазых
Небом кажется земля,
С утра до ночи над розой
Рвется сердце соловья.
Всё подруге соловьиной
Поклоняется в саду.
А нарцисс к своей любимой
Клонит белую звезду.
Но невесел в это утро
Царь, – морщина меж бровей, –
Точно розы и не пышут
И не свищут соловей.
Неожиданною вестью
В утра неурочный час
Спасалар, склонив колено,
Душу царскую потряс:
«Царь! Не гневайся, могучий,
Что без зову предстаю.
Ибо радостью наполню
Грудь отцовскую твою:
Царский сын домой с добычей
Прибыл. Пир на всю страну!
Взял твой первенец Годердзи
В жены светлую луну.
Краше черт ее невинных
Я не видел ничего.
Свод покинула небесный

Ради сына твоего.
Сам Господь ее для отчей
Гордости твоей сберег.
Сладким именем Этери
Он дитя свое нарек.
Перед ней другие девы –
Перед жемчугом песок.
От одной ее улыбки
Озаряется восток.
Как луна она и солнце –
Недоступна похвале.
Девы не было подобной
И не будет на земле.
Если ж сердисься, что сами
Свадьбу сладили они, –
Бог сердца соединяет,
Значит, Господа вини!»
Потемнел Гурген, как туча,
Почернел Гурген, как ночь:
«Кто она? Откуда родом?
Княжья, царская ли дочь?»
Спасалар

Царь! Наследника престола
Кто б расспрашивать дерзнул?
Знаем только, что соломой
Загорелся – чуть взглянул!
Что нашел ее в приречных
Камышах на склоне дня,
Мигом суженою назвал,
Мигом поднял на коня.
Не гневись, отец, на сына,
Да и нас не осуди.
Ведь идти не могут люди
Против Бога и судьбы!
Царь

Лев, что молвишь ты? Ни слова!
К сыну моему ступай,
Отчий гнев и возмущенье
Неслуху ты передай.
Без отцовского согласия
Как же он посмел жениться?
С дочерью царя Левана
С колыбели обручен.
Я ли равному нарушу
Клятву радужной поры?
Слово, данное за чашей,
Тверже каменной горы.
Дочерью признав бродяжку,
Как на солнце и луну,
Как любезному Левану
В очи грозные взгляну?
Передай тому безумцу,
Что, поправ отцову власть,
Сам родителя заставил
Детище свое проклясть.
Древний род отцов и дедов
Он желает осквернить.
Сосунок он, жеребенок.
Я уйму шальную прыть!
Чтобы к отчему порогу
Не осмелилась нога!
Иль стрелой его привечу,
Как последнего врага!
Пусть узнает, своенравный,
Как наказан будет тот,
Кто неравною женою

Опозорил царский род.
Передай и сам запомни:
Больше не приму гонца.
Нет сына у Гургена,
У Годердзи – нет отца.
Твердым шагом удалился
Царь к советникам своим.
Спасалар, скорбя за сына,
Не последовал за ним.

7

Огорчил царевич добрых,
Насмешил царевич злых.
Одинокая вершина
Приютила молодых.
Все отверженца отвергли,
Всем – венец его померк.
Но, виновницы изгнанья,
Он Этери не отверг.
Хором проклиjali вельможи
Бедной девушки красу.
Но когда любовь страшилась
Одиночества в лесу?
Все от сына отступились,
Трепеща перед отцом,
Кроме матери-царицы,
Сжалившейся над птенцом.
Посетила, обласкала,
Поднесла, прося беречь,
Шитый золотом нагрудник –
Дочери, а сыну – меч.
Мать

Не корю тебя, любимый!
Гнева нет у матерей!
Чем труднее, чем больнее –
Тем милее, тем родней.
Одинокой, бессыновней
Старости не убоюсь,
Да благословит создатель
Твой очаг и твой союз.
Но одно запомни: слово
Есть святыня из святынь;
Сердцем избранной подруги
До могилы не отринь.
Горькое отцу содеял,
Огорчил седую мать,
Лет на старости заставив
Слово данное поправить.
Над родительскою славой,
Над сединами глумясь,
Утопил нас в грязной луже,
Кровь свою вмешал ты в грязь.
Годердзи

Не топил я славы в луже,
Не срамил седой главы.
За нарушенную клятву
Я в ответе, а не вы.
В чем проступок мой? Что
Мне дарованное – взял?
Тем преступник я, что деву
Сердца сам себе избрал?
Ежечасно, безвозвратно
Вырастаем из пелен!
Вы Годердзи сотворили,
Но живет и дышит – он!
Не сыновнею любовью
Вечен человеческий род!

Вы Годердзи сотворили,
Не пеняйте, что живет!
И прислужницы не стерпишь,
Если лик ее не мил!
Дочери царя Левана
Дня невестою не мнил!
В башенном окне один лишь
Миг узрел ее и к ней
Навсегда остался камня
Башенного холодней.
Если ж царь Леван, разгневан,
На отца пойдет войной –
Против мощного вторженца
Нам сражаться не впервой!
Вслед бесстрашному Гургену
Все примчимся на войну
И в который раз прославим
Нашу древнюю страну!

8

Царь Гурген скорбит о сыне.
Третий месяц царь, как крот,
Света белого не видит,
Третий месяц слезы льет
Над ослушником, что царство
На пастушку променял.
Но однажды в час полночный,
Визирей созвав, сказал:
«Визири мои, довольно
Знаете меня, чтоб знать, –
Не боязнь царя Левана
Мощному мешает спать.
Об ослушнике Годердзи
Естество мое скорбит.
Браком первенца с безродной
Повелитель ваш убит.
Браком первого – с последней,
Венценосного – с простой,
Отпрыска царей древнейших
Браком – с нищенкой босой.
Как земля не сотряслась,
Скал не рухнули столбы
От неслыханного брака
Господина и рабы?
Как светила не погасли,
Зря такую черноту?
Как обвалом не засыпал
Бог неравную чету?
Визири мои, молю вас,
Укажите мне пути,
Как наследника престола
С недостойной развести?
Как уста его и очи
От красы ее отвлечь?
Как любовь из сердца выжечь?
В сердце ненависть зажечь?»
Помолчавши, отвечали
Визири: «О царь и вождь!
Это дело – колдовское,
Превышает нашу мощь».
Тут коварный визирь Шерэ
Голос подал: «Царь, верна
Преданность моя, – хоть в пекле
Раздобуду колдуна!
Но одно мое желанье,
Царь, исполни. Не злодей
Я. И девушку жалею,
Выросшую без людей.
Разлучив ее с Годердзи,

Бедную не убивай!
Чем стервятникам на ужин –
Лучше мне ее отдай!» –
«Быть по-твоему, – промолвил
Царь. – Как только чародей
Разведет ее с Годердзи,
Будет девушка твоей».
Вышли визири. Последним
В летней ночи черноту
Шерэ вышел, в черном сердце
Нежа черную мечту.

9
За высокими горами,
За просторами морей
Угнезвился злой волшебник,
Видом – старец, сердцем – змей.
Каджам запродавши душу,
Приказует он воде,
Ветру, солнцу, стуже, зною,
Граду, ливню и грозе.
Чернотой превосходит
Уголь, деготь и смолу.
Словно тучи по утесу –
Злые мысли по челу.
В клеветах своих гнездится –
Что паук среди тенёт.
Низостью Искарюта
Смело за пояс заткнет.
Вместо глаз у старца угли,
Зубы – битое стекло,
Кости голые железо
Листовое облегло.
Уши – рыси, когти – грифа,
Чинной старости венца
Не ищи – седин почтенных!
Ибо – грива жеребца.
К этому-то старцу Шерэ
День и ночь спешил, пока
С горной выси не увидел
Тайной кельи ведьмака.
Шерэ

(с горы)

Здравствуй, старец досточтимый!
Здравствуй, мудрости родник!
Через горы, через доли –
Наконец, к тебе проник.
Трудным делом озабочен,
Попрошу я мудреца:
Попытайся образумить
Ты царевича-глупца.
Колдун

Что ты волком воешь сверху?
Знаю про твою беду.
В логово мое спускайся, –
Две недели Шерэ жду.
Шерэ

(спустившись)

Помоги, всесильный старец!
День мне стал черней, чем ночь!
Ты один во всей подлунной
Можешь скорбному помочь.
Страстную любовью болен,
Сна и разума лишен,

Как под камнем – под любовью
Заживо похоронен.
Колдун

Знаю, знаю, царский визирь,
Что пронзила, как стрела,
Завалила, как лавина,
И, как молния, сожгла
Красота лесной пастушки.
Но, словца не утая,
Все поведай мне – как если б
Ничего не ведал я.
Шерэ

Обессилевши от страсти,
Что скажу тебе, старик?
От любовного недуга
Еле движется язык.
Коченею и сгораю,
Притупились нюх и вкус,
Как поганюю змеюю,
Хлебом праведным давлюсь.
На постели, как на копьях,
До зари не знаю сна,
И, как узнику темница,
Грудь дыханию тесна.
Колдун

Не печалься, визирь Шерэ,
Знахарь – опытный паук!
Горделивая пастушка
Не уйдет из наших рук.
Снадобье тебе составлю:
Сеянное по ночам
Просо, политое кровью,
С женским млеком пополам.
Посолю его щепоткой
Праха ведьминского. Грязь
С рук Иудиных добавлю –
Будет каша, будет мазь!
Этой мазью, Шерэ, смажешь
Дома брачного порог, –
И такую дева станет –
Не отмоеет и поток!
Шея, мрамора белее,
Станет пищею червей,
Тысячами присосутся
Гады к яблокам грудей.
Гроздьями пойдут клубиться
Из ноздрей, ушей и губ.
Зачервивеет Этери,
Как в сырой могиле – труп.
Что на утро новый лекарь,
Над болящею согбен,
Оторвет червя, и целый
Клубень – снятому взамен!
И отступится Годердзи
От игралища червей.
Не кручинься, визирь Шерэ,
Будет женщина твоей!
Шерэ

В голом остове червивом
Сласти мало жениху!
Колдун

Раскрасавицу получишь, –
Не червивую труху!

Пресмыкающимся – гибель
Ведьмы жженые власы.
Чуть присыпешь – и ослепнешь
От Этериной красы!
Дал обещанное знахарь.
Положив его на грудь,
Мига не теряя, Шерэ
Поскакал в обратный путь.
Сеют звонкие подковы
Мириады жарких искр.
Провожают в путь-дорогу
Горных бесов вой и визг.
Зубы красные ощеря,
Лает дьявольская рать:
«Скоро ль, скоро ль, братец Шерэ,
К нам пожалуешь опять?»
10

Едет Шерэ по ущелью,
Едет шагом, тупит взгляд.
Разливается по жилам
Совести змеиный яд.
Видит Шерэ: под ногами,
Где река бежит, быстра,
Адским зраком, красным маком
Блеск бесовского костра.
И спустился визирь Шерэ
В бездну, красную, как медь,
У бесовского веселья
Душу черную погреть.
Уж и дэвы! Уж и хари!
Очи – бешеных котов,
Пасти пенистые – шире
Пивоваренных котлов.
Это скулы или скалы?
Это нос или утес?
Устрашился визирь Шерэ,
С камнем сросся, в землю врос.
Что-то лижут, что-то гложут.
Отвалившись от жратвы,
Человеческую хлещут
Кровь из мертвой головы.
Заприметивши пришельца,
Писком, лаем залились:
«Здравствуй, Шерэ тонкомозглый,
С нами ужинать садись!
Наш ты духом, наш и телом
Будь, и жилочками – наш!
Кровь – отменнейший напиток,
Череп – лучшая из чаш!»
Шерэ

Душу взявшие злодеи,
Что вам в падали моей?
Подарите, душегубы,
Несколько счастливых дней!
А потом бросайте в пекло,
В ада черную смолу!
Лишь о нескольких счастливых
Днях с любимой молю!
«Получай, влюбленный визирь,
Ровно пять счастливых лет,
После пятого – расплата!»
Дэвы каркнули в ответ.

11
После длительных скитаний
– Вся исхожена страна –
Входит Шерэ в край родимый,
Видит: движется война.

Войско грозное рекою
Катится за рядом ряд.
Бьются яркие знамена,
Трубы звонкие трубят.
Пыль от конницы несется,
Долетает до небес,
С небом вздумали сразиться
Копья частые, как лес.
Льдом отбрасывают латы
Солнца яркого лучи.
Руки в грубых рукавицах
Держат плети и мечи.
Переполнены колчаны.
Стрелы сами рвутся в бой.
Небо бранное виденье
Заливает синевою.
На коне чернее ночи
Впереди полков – Гурген.
Сосчитай листву у леса:
Полчища ведомых в плен!
Вслед за пленными – верблюды
Зыблются, отягчены.
Нагруженные добычей
Горы шествуют – слоны!
За обозом – вереница
Красноглазых палачей.
Изукрашены зубами
Рукояти их мечей.
Не разбил Леван Гургена,
Не склонил его знамен.
Сам, разбитый и кровавый,
С поля битвы унесен.
Смотрит Шерэ издалека
На Гургеновы войска,
Слезы льет на полы чохи, –
Горяча его тоска!
Ранит визирево ухо
Конский топот, трубный звон,
Ранит плачущее око
Полыхание знамен.
Тот, кто душу продал бесам,
В правой битве не боец,
И пошел душепродавец
Разрушать союз сердец.
12

Чары восторжествовали.
Просочился тайный яд.
Новобрачную Этери
Черви поедом едят.
Облака белее – щеки,
Губы – извести серей.
Все, что прелестью пленяло,
Стало пищею червей.
Заживо пришлось изведать
Сладостной – могильный плен!
Оторвешь червя, и целый
Клубень – снятому взамен!
И злосчастного Годердзи
Подточил бесовский яд!
Слезы катятся по скулам –
Что с утеса водопад.
Но хоть пищи не вкушает,
Солнцу Божьему не рад,
Веткой сохнет, свечкой тает –
Все ж Этери ищет взгляд.
Не отверг орел подруги,
Не порадовал врагов,
Держит в башне, под охраной

Верноподданных рабов.
Знать дает ему Этери:
«Отпусти меня домой!
Счастья нету и не будет
С зачумленную женой.
Чем пластом лежать – хоть воду
я б возила на осле!
Отпусти меня, Годердзи!
Не вернуся и во сне.
я одна тебе, любимый,
Жизни отравила сладсть!
Свет очей моих, Годердзи!
Прогони свою напасть!
Лучше б вовсе не родиться
мне, чем быть тебе бедой!
О, зачем в лесу пастушку
Встретил всадник молодой!
Не меня одну сгубили
Черные жильцы могил!
О, зачем взамен оленя
в грудь меня не поразил?
и останется меж нами
в струях слезного дождя
Слово первое – последним:
„Недостойна я тебя!“»

13

По Гургеновым владеньям
Весть лихая разнеслась!
Сыну царскому Годердзи
Наступил последний час.
Согревает, освежает
Мать, руками оплетья.
Но не этого объятья
Жаждет бедное дитя
«Мать любимая! Не тщися
С верной смертью воевать.
Отчего я умираю,
Знаешь, плачущая мать.
С солнцем нынешним спущуся
В царство вечной темноты.
Ничего уж не увижу
Из-под каменной плиты.
Но пока еще отверсты
Очи солнцу и луне,
Приведи сюда, родная,
Жизни стоившую мне.
Чтобы ей, моей любимой,
Мой последний взгляд и вздох!
Хоть и дорого мне стоит
Эта встреча, видит Бог!
Если скажешь мне, что к Богу
Отошли ее часы,
Принесите мне хоть волос,
Волос из ее косы!
Волосок один! Частицу
Тела, бывшего живым,
чтобы было чем согреться
Мне под камнем гробовым.
Хоть бы косточку сухую!
Полумесяц ноготка!
Хоть бы ниточку цветную
Из носильного платка!»
Побрела к царю царица,
Слезы катятся с лица,
Стала, в землю преклонившись,
Мать упрашивать отца.
Посылает царь за Шерэ,
вот он, весь как бы в золе,

С видом мертвого, неделю
Пролежавшего в земле.
Говорит Гурген: «Любимый
Визирь мой, орел вершин,
Помощь срочная нужна мне,
Ибо при смерти мой сын,
В вере выросший Христовой,
Богом посланный царить, –
Мне ль единственному сыну
Милому – могилу рыть?
Оттого Годердзи к гробу
Клонится, что черви жрут
Милую. Верни здоровье
Ей, и оба оживут!
Снадобью противоядьё
Раздобыв, верни стране
Сына царского, больному –
Жизнь, успокоенье – мне».
В землю тулится несчастный,
Бьется сердце о ребро.
Тот, кто кажду продал душу,
Может ли творить добро?
Медлит Шерэ, не находит
Слов, в раздумье погружен.
За него царю ответил
Тяжкий, похоронный звон.
Колоколу – двери вторят,
Толпы вторят у ворот,
Вместе с колоколом стонет
И рыдает весь народ.
Царь

Шерэ, что это за звуки?
Мрачное идет за ум...
Шерэ

Плач, быть может... Смех, быть может...
Может, пиршественный шум...
Отбыл Шерэ за вестями,
Но уж весть идет сама:
С головой, покрытой пеплом,
В потрясенности ума,
Окровавленностью лика
Изъявляя скорбь и страх,
Визирь внутренних покоев
Пред царем стоит в слезах.
«Да иссохнет царский недруг,
Иссуши его Господь,
Как от участи Годердзи
Сохнут кость моя и плоть.
К страшной вести приготовься,
Царь! В расцвете естества
Мертв твой первенец Годердзи,
И Этери с ним мертва.
Воевал я, царь, немало,
Очи – сытые мои,
Но ужаснее кончины
Не видал за все бои.
Привели к нему Этери,
Посадили на кровать,
Умирающий к болящей
Руки вытянул – обнять...
Обнял, и душа из тела
Вылетела, точно дым,
А несчастная кинжалом
Закололася над ним».
Побелел Гурген, как саван:
«О, злосчастная чета!

Всем ветрам теперь раскрыты
Царства древнего врата!
Сын, зачем оставил землю
Прежде срока своего?
Бог, зачем у старца вырвал
Посох старости его?»

14

Солнце миру улыбнулось
Из-под золота волос,
Но земля его улыбку
Встретила ручьями слез.
Толпы в траурных одеждах
Топчутся по площадям.
Отереть тоски потоки
Руки тянутся к глазам.
Реют черные знамена.
Скорбь до неба донести –
Задымили по столице
Поминальные костры.
Перед скорбными войсками –
Спасалар, вожатый сеч,
Встал, глаза потупив долу,
Руки положил на меч.
Смолкли трубы. Барабанов
Смолк победоносный гром.
На уста нейдет поэту
Стих о доблестном былом,
Чтобы не было под небом
Звуков неги и любви,
Соловьев снесли в подвалы,
И замолкли соловьи.
Пусто каждое жилище:
Провожают стар и млад,
Провожают прост и знатен,
Обездолен и богат.
Вслед за пастырями в ризах
Визири шагают в ряд.
Не явился только Шерэ,
Совести познавший ад.
По волнам людского моря,
Точно морем голубым,
Высоко плывут два гроба:
Медный – с нею, белый – с ним.
За ворота городские.
Вышли. В поле, над горой,
Место выбрали пустое,
Как наказывал больной,
И зарыли, друг от друга
Не вблизи и не вдали, –
Так, чтоб темными ночами
Взяться за руки могли.
И пошла кружить по царству
Изумительная весть:
Что цветам на их могилах
Круглый год угодно цвести.
Презирая расстоянье,
Призывает как рукой,
Роза с царственной могилы
Скромную фиалку – той.
Но еще одну приметку
Чудную скажу тебе:
От могильного подножья
Вдоль по золотой трубе
Ключ бессмертия струится,
Всё питая и поя.
Наклонись к нему – и канет
Всякая печаль твоя.
К небожителям причислен,

Кто нагнется над водой,
Кто бы ни был он – хоть зверем
Иль букашкой немой.

15

– Что же с визирем-злодеем?
Все ли царь к нему хорош?
– День и ночь он, ночь и день он
На дороге точит нож.
– Что затеял? Что задумал?
Нож зачем ему востер?
– Тени собственной боится
Лиходей с тех самых пор.
Больше визирем не хочет
Быть, до власти не охоч.
Плачем плачет, ножик точит
Ночь и день он, день и ночь.
Тело – в лыке, с видом диким
Ножик прячет в рукаве.
Бьют несчастного крестьяне
Палками по голове.
По оврагам, по ущельям,
Тощ, как собственная тень,
Волком рыщет, смерти ищет
День и ночь он, ночь и день.
Разучившись по-людскому,
Голосит в лесную дичь,
То как пес он, то как лис он,
То как бес он, то как сын.
То с пастушеской свирелью
Лесом бродит, как во сне,
То побед бывших оружие
Следом возит на осле.
Всех жильё его пугает,
Годное для воронья,
И лицо – еще темнее
Темного его жилья.
Понадеялся спастись,
Мертвой душу откупить:
Стал с монахами поститься,
Воду пить, поклоны бить.
Но ни бденье, ни раденье
Не смогли ему помочь.
– Для чего же ножик точит
Ночь и день он, день и ночь?
– Очи выколоть он хочет,
Ночи хочет! Об кремень
Оттого и ножик точит
День и ночь он, ночь и день.
Важа Пшавела
Раненый барс
Таял снег в горах суровых,
В доли оползни ползли.
Снежным оползням навстречу
Звери-туры в горы шли.
Шел за турами вожак их
С тихим криком: берегись!
Вволю нализавшись соли,
Стадо возвращалось ввысь.
Вот и крепости достигли.
Здесь, за каменным щитом,
Круторогому не страшен
Тот с ружьем и волк с клыком.
Но стрелку и горя мало –
Новую надеждой полн:
На утесе, глянь, олень
Стадо взобралось на холм.
И сокрылось. Сном сокрылось!
Как бы не сокрыла даль

И последнего оленя
С самкою! Рази, пицаль!
Выстрелил! Но мимо пуля!
Не достала, быстрая!
Только шибче поскакали
Быстрые от выстрела!
Звери вскачь, охотник следом,
Крупный пот кропит песок.
Трижды обходил в обход их
И обскакивал в обскок,
Но как стаду вслед ни прядал,
Сотрясая холм и дол,
Ближе чем на трижды выстрел
К мчащимся не подошел.
Эх, кабы не на просторе,
А в ущелье их застиг!
Был бы праздник в горной келье
И на вертеле – шашлык!
Пир бы длился, дым бы стлался...
Созерцая гордый рог,
Здорово бы посмеялся
В бороду свою стрелок!
С горы на гору, и снова
Под гору, и снова ввысь.
Целый день гонялся тщетно –
Руки, ноги отнялись.
Голоден. Качает усталъ.
Кости поскрипом скрипят.
Когтевидные цриапи
Ногу до крови когтят.
Пуще зверя изнемогши,
Точно сам он был олень,
Злу дивится, дню дивится,
Ну и зол, дивится, день!
А уж дню-то мало сроку.
Глянь на солнце: ввысь глядит,
Вниз идет. Уж скоро в долах
С волком волк заговорит.
Холм с холмом, тьма с тьмой смесится:
С горной мглой – долины мгла.
Скроет тура и оленя,
Скроет шкуру и рога.
«Матерь мощная! Царица
Векового рубежа,
Горной живности хозяйка,
Всей охоты госпожа,
Все охотники – сновидцы!
Род наш, испокон села,
Жив охотой был, охота ж
Вещим сном жива была:
Барс ли, страшен, орл ли, хищен,
Тур ли, спешен, хорь ли, мал, –
Что приснилось в сонной грезе –
То стрелок в руках держал.
Матерь вещая! Оленя
Мне явившая в крови,
Оживи того оленя,
Въяве, вживе мне яви!
Чтобы вырос мне воочью
Исполин с ветвистым лбом!
Чтобы снившееся ночью
Стало сбывшееся днем».
Помоляся, стал Мтварели
Хлеб жевать – зубам гранит!
Вдоль по берегу ущелья
Вверх глядит, вперед глядит.
Острроверхие там видит
Скалы статной вышины.

Можжевельником покрыты,
Папортом опущены.
С можжевеловой вершины
Мчит ручей хриплоголос,
Пеной моет – все ж не может
Дочиста отмыть утес.
Встал охотник, встал, как вкопан:
Вот оттуда-то, с высот,
Раздирающий, сердечный
Стон идет – то зверь зовет.
Погляди! На самой круче,
В яркой росписи пчелы,
На площадке барс могучий
Вытянулся вдоль скалы.
Лапу вытянул по гребню,
С лапы кровь течет в ручей,
И, с водой слиясь, несется,
В вечный сумрак пропастей.
Стонет он, как муж могучий
Под подошвою врага!
Стонет, как гора, что тучу
Сбрасывала – не смогла!
Стонет так, что скалы вторят,
Жилы стынут...
– Гей, не жди,
Бей, охотник! – «Нет! (охотник)
Бить не буду – не враги!
Он, как я, живет охотой,
Побратиму не злодей.
Пострадавшего собрата
Бить не буду – хоть убей!»
Но и зверь узнал Мтварели.
На трех лапах, кое-как,
Где вприхромку, где вприпрыжку,
Вот и снизился, земляк:
Смотрит в око человеку
Оком желтым, как смола,
И уж лапа на колено
Пострадавшая легла.
Осмотрел охотник рану,
Вытащил из-под когтей
Камень заостренным клювом
Беркута, царя ночей.
Снес обвал его сыпучий
На кремнистый перевал.
С той поры осколок злостный
Барса ждал да поджидал.
Пестрый неся, – злостный въелся.
Берегися, быстрогон!
Где пята земли не чует, –
Там и камень положён!
Выскоблил охотник рану,
(Лекарь резал, барс держал),
Пестротканым полосатым
Лоскутом перевязал.
Выздоровливай, приятель!
Не хворай теперь вовек!
Прянул барс, как сокол летом,
Горы-долы пересек.
Проводил стрелок глазами...
Подивились бы отцы!
Скоро лани станут львами,
Коли барс смиренней овцы.
Тут – что было в жилах крови –
Вся прихлынула к лицу:
Легкий – робкий – быстрый – близкий
Зверя топот сквозь листву.
Глянул: широковетвистый,

Лоб подъямля, как венец...
Грянул выстрел – и в ущелье
Скатывается самец.
Еще эхо не успело
Прозвонить олений час –
Где олень скакал, спасаясь,
Мощный барс стоит, кичась.
Прорычал разок и скрылся,
Обвалив песчаный пласт.
Там, где барс стоял, красуясь,
Дикий тур бежит, лобаст.
Грянул выстрел – и с утеса
В бездну грохается тур.
Там, где тур свалился, – барс встал,
Пестрохвост и пестрошкур.
Перевязанною лапой
Тычет в грудь себя: «Признал?
Я-де тура и оленя
Под ружье твое пригнал!»
Не успел охотник молвить:
«Бог тебя благослови!» –
Нету барса. Только глыбы
Позади да впереди.
Тьма ложится, мрак крадется,
Путь далек, а враг незрим.
Не луне – вдове – бороться
С черным мороком ночным.
Где-то плачется лисица, –
Худо ей, – недобр ей час!
Други милые, примите
Времени седого сказ.
Из еврейской поэзии
Ицхок Лейбуш Перец
Библейский мотив
Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.
Берет трубу,
Трубит во всю мочь.
Проснулась ночь.
Все граждане – прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.
И меч
Говорит
Всю ночь.
Бой в каждом дому,
У каждых ворот.
– За мать, за жену!
– За край, за народ!
За право и вольность – кровавый бой,
Бог весть – умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.
Не спавшему – честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому, –
Честь стражу тому!
Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому –
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму!
Ицхок Лейбуш Перец
Сердце
С сердцем чистым и горячим
Этот мальчик взрос.

У людей на это сердце
Непрерывный спрос.
За живой кусочек сердца,
Теплый, развесной,
Платят женщины – улыбкой,
Девушки – слезой,
Люд читательский – полушкой,
Богатей – грошом.
И растет поэту слава –
Сердце хорошо!
Так и шло, пока не вышло
Сердце, – ни крохи!
И пришлось поэту спешно
Прекратить стихи.
Ицхок Лейбуш Перец
Санки
– О чем, ну, о чем, мой цветочек?
Не жаль тебе розовых щечек?
Не жаль – голубого глазка?
– Тоска!
– Прогоним! Пусть тетушку точит!
А мы – позабавимся! Хочешь,
На санках тебя прокачу?
– Хочу!
– Теплее закутайся, птичка!
На ручки надень рукавички
И носика не заморозь!
– Небось!
– Назад не гляди – сделай милость!
Уже не одна закружилась
Головка от быстрой езды!
– Следи!
– Конь голубя бьет в полете!
А ну как на повороте
Нас вывалит из саней?
– Скорей!
– Уже городские башни
Пропали. Тебе не страшно,
Что сгинул родимый дом?
– Вдвоем?
Конь шалый, ямщик неловкий.
Легко потерять голову
От эдакой быстроты!
– Есть – ты!
– Конь – сокол ширококрылый!
Все веки запорошило –
Где Запад и где Восток?
– Восторг!
– Откуда в степи пригорок?
А ну, как с горы да в прорубь –
Что скажешь в последний миг?
– Шутник!
– А вдруг на Москву – дорога?
В тот город, где счастья – много,
Где каждый растет большим?
– Спешим!
– Все стихло. Мороз не колет...
Умаялся колоколец.
Нас двое не спит в ночи...
– Молчи!
Герш Вебер
Данте
Ты говоришь о Данта роке злобном
И о Мицкевича любившей мгле.
Как можешь говорить ты о подобном
Мне – горестнейшему на всей земле!
Ужели правды не подозреваешь
И так беды моей не видишь ты,

Что розы там с улыбкой собираешь,
Где кровь моя обрызгала шипы.

Герш Вебер

Тропы бытия

На трудных тропах бытия

Мой спутник – молодость моя.

Бегут как дети по бокам

Ум с глупостью, в середине – сам.

А впереди – крылатый взмах:

Любовь на золотых крылах.

А этот шелест за спиной –

То поступь Вечности за мной.

Ф. Корн

«О, кто бы нас направил...»

О, кто бы нас направил,

О, кто бы нам ответил?

Где край, который примет

Нас с нерожденным третьим?

Бредем и не находим

Для будущего яслей.

Где хлев, который впустит

Тебя со мной, меня с ним...

Уже девятый месяц

Груз у меня под сердцем,

Он скоро обернется

Ртом – ужасом разверстым.

Идем – который месяц –

Куда – не знаем сами.

Деревья по дорогам

Нам чудятся крестами.

Увы, одни деревья

Протягивают руки

Младенческому крику

И материнской муке.

Хоть листьями оденьте!

Хоть веточкой укройте!

Хоть щепочку на люльку!

Хоть досточку на койку!

Кто молится младенцу?

Кто мать величает?

Мир моего младенца

Предательством встречает.

Любой ему Иуда

И крест ему сосновый

На каждом перекрестке

Заране уготован.

Все, все ему готово:

Путь, крест, венец, гробница

Под стражею – да негде

Ему на свет родиться.

О, счастлива Мария,

В сенном благоуханье

Подставившая Сына

Воловьему дыханью!

Бреду тяжелым шагом,

Раздавленная ношей,

Которую надежду

Стирая под подошвой?

Кто мающихся примет,

Двух, с третьим нежеланным?

На всей земле им нету

Земли обетованной.

Бдят воины с мечами

На всех путях и тропах –

– кто вы? Куда – откуда?

Ложь! Подавайте пропуск!

Жгут очи, руют руки.

Рты ненавистью дышат.

– Вот истина! – Не видят.
– О, смилуйтесь! – Не слышат.
Все: обувь, косы, уши, мысли
С находчивостью злой
Обыскано. Но мало
Им, подавай утробу.
А ну, как это чрево,
По тропам каменистым
Влачимое, мессией
Взорвете – коммунистом?
Где край, который примет,
Очаг, который встретит,
Вертеп, который впустит
Нас – с нерожденным третьим?
Стихи неизвестных поэтов
Волк и коза
Отощав в густых лесах,
Вышел волк на снежный шлях,
И зубами волк –
Щелк!
Ишь, сугробы намело!
За сугробами – село.
С голоду и волк – лев.
Хлев.
По всем правилам подкоп.
Вмиг лазеечку прогреб,
К белым козам старый бес
Влез.
Так и светятся сквозь темь!
Было восемь – станет семь.
Волчий голод – козий гроб:
Сгреб.
Мчится, мчится через шлях
Серый с белою в зубах,
Предвкушает, седоус,
Вкус.
– Молода еще, Герр Вольф!
(Из-под морды – козья молвь.)
Одни косточки, небось!
Брось!
– Я до всяческой охочь!
– Я одна у мамы – дочь!
Почему из всех – меня?
Мя-я-я...
– Было время разбирать,
кто там дочь, а кто там мать!
Завтра матушку сожру.
Р-р-р-у!
– Злоумышленник! Бандит!
Где же совесть? Где же стыд?
Опозорю! В суд подам!
– Ам!
Моя песня и я
Еще я молод! Молод! Но меня:
Моей щеки румяной, крови алой –
Моложе – песня красная моя!
И эта песня от меня сбежала
На жизни зов, на времени призыв.
О как я мог – от мысли холодею! –
Без песни – мог? Ведь только ею жив!
И как я мог не побежать за нею!
О как я мог среди кровавых сеч
За справедливость и людское право,
Как инвалид, свои шаги беречь
И на подмостках красоваться павой?
О песнь моя, зовущая на бой!
Багряная, как зарево пожарищ!
На каждой демонстрации с тобой

Шагаю – как с товарищем товарищ.
Да, ты нужна, как воздух и как злак.
Еще нужней – моя живая сила.
Я рядовым пришел под красный флаг
За песней, что меня опередила.
Плотогон
В моей отчизне каждый
Багром и топором
Теперь работать волен,
Как я – своим пером.
Взгляни на плотогона!
Как бронзовый колосс
Стоит – расставив ноги!
Такой – доставит тес!
Работает шестом
Он – что скрипач смычком!
Когда в своем затворе
Сижу над словарем,
И бьюсь – и еле-еле
Уже вожу пером –
Я знаю: на реке
Есть те: с шестом в руке!
И если над строкою
Я слеп, и сох, и чах –
То лишь затем, чтоб пели
Меня – на всех плотях!
(Дитя и собака)
Ребенок – великое счастье в доме,
Сокровище! Праздник! Звезда во мгле!
Ведь выжил твой сын, не зачах, не помер, –
Чего ж ты толкуешь о горе и зле?
– Ни денег, ни времени нет, соседка!
Унять его нужно, – а бьешь за плач,
Сказать ему нужно, – не дом, а клетка.
Играть ему нужно, – из тряпки – мяч.
Сокровище, да не по жизни нашей.
С утра до полуночи крик да рев,
Ему опостылела наша каша
С приправой из ругани и пинков.
Всё вместе: столовая, кухня, спальня.
Обои облуплены, шкаф опух,
Скамейка расслаблена, печь печальна.
В окно никогда не поет петух.
Восход ли, закат ли – все та же темень
Прорехи, и крохи, и смрад и пот –
Вот счастье, сужденное бедным семьям.
Все прочие радости – для господ!
Вот был бы ты песиком, на собачку
Охотников много меж праздных бар.
Забыл бы трущобу и маму-прачку...
Но нету купца на такой товар.
Стихи белорусских евреев
Песня про собаку и ребенка
Тихо-смирно лежи в своей торбочке, пес,
Не скребись, не возись, мой щенок.
От кондукторских глаз спрячь и ушки и нос, –
Безбилетного дело – молчок.
Я продам тебя в городе господам
На хорошую жизнь, – сыть да гладь, –
Хоть и жалость, и горечь, и просто срам
Мне за деньги тебя продавать.
Блохи выведутся. Будешь чесан и мыт
– Позабудешь село и поля.
Поболит, поболит – а потом отболит,
Позабудешь ты скоро меня.
Облаченный в суконное пальтецо,
Отречешься от брата-пса.
Каковы богачи – таковы их псы:

Будешь нищего гнать с крыльца.
Позабудешь кличку свою – Буян,
Будешь зваться как барский сын.
Будет песик мой зваться как мальчуган,
А питаться – как господин.
Попрощаться – мне лапу подашь. Любя –
С расставанием поспешу.
А на деньги за проданного тебя
Башмаки куплю малышу.
Февраль 1941

Мельница
И снова над струей тяжелой
В зеленой ивовой тени
Та мельница, что в оны дни
Баллады для меня молола.
Молола демонов сердитых,
Гнездившихся в моей груди,
А ныне только шум воды
Промалывает запах жита.
Весна на Сороти. Отпетых
Буянов шайка топит пса.
О чем, скажи, твоя слеза
Над глубиною сельской Леты?
Но псу не хочется в могилу.
Смотри – как зелено кругом!
Пыль, сыпемая колесом,
Совсем глаза запорошила.
Стою на искрящейся травке,
Под небом, пахнущем землей.
У ветхой мельницы гнилой...
Зачем ребята топят шавку?
Бросается в речную заводь
Зеленая лесная мгла.
Но с дна дремучего – всплыла,
И долго ей придется плавать.
Ночами, назло человеку,
Здесь водят рыбы хоровод.
Мечтаю, юный сумасброд,
Что мельница смолола – реку...
Тот хлеб, который пекарь выпек,
Рожден из пыли водяной...
И, многое поняв, – домой
По раковинам от улиток.
Из украинской поэзии
Иван Франко
«Сыплет, сыплет, сыплет снег...»
Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Над равниною бесплодной
Мириадами летят
Мотыльки зимы холодной.
Одноцветны, как тоска,
Холодны, как злая доля,
Засыпают все пути,
Всю красу лугов и поля.
Белый саван забытья,
Равнодушья, безучастья
Совладал с любым ростком
И с любой живую страстью.
Сыплет, сыплет, сыплет снег,
Все тяжеле нависает...
Молодой огонь в душе
Меркнет, глохнет, угасает.
Иван Франко
Христос и крест
Среди поля у дороги
Стародавний крест стоит,
А на нем Христос распятый

Тоже с давних лет висит.
Время расшатало гвозди,
Долго ветер крест качал,
И Христос, вверху распятый,
С древа на землю упал.
Тотчас же трава степная,
Что росла вокруг креста,
В свежие свои объятья
Нежно приняла Христа.
Незабудка и фиалка,
Что синели меж травы,
Обвились венцом любовно
Вкруг Христовой головы.
На живом природы лоне,
Отдохнуть от ран и слез,
Меж цветочных благовоний
Мирно опочил Христос.
Но недолго почивал он,
Пустовал сосновый шест, –
Чьи-то руки Иисуса
Снова подняли на крест.
Но, как видно, не сыскали
Для Распятого гвоздей:
Ко кресту жгутом соломы
Был привязан Назарей.
Так ханжи и суеверы,
Видя с ужасом в глазах,
Как с гнилого древа смерти –
С алтарей, несущих страх,
Из церковных песнопений,
Из обмана, крови, слез, –
Словом, как с креста бывшего
Сходит на землю Христос.
И как, ставши человеком,
Человечностью своей
В царство света и свободы
Увлекает нас, людей, –
Все стараются над миром
Вознести опять Христа,
И хоть лжи соломой – снова
Пригвождают у креста.
Иван Франко
Письмо любви
Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные низостью людской,
Порву все путы – будь они канаты!
Постыдного смиренья сброшу крест!
И докажу, что наше чувство – золото,
Которого и ржавчина не съест.
Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятья снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты – моя! что ты навек моя!
Моя – навек! Все исхищенья ада
Церковного нас не разделят вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!
Все путы, все тенёта, все оковы, –
Настанет миг, – любимая, порвем!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навек сотрем
Малейший след убийственных обид,
Которые, как черви, нас точили.
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливицев – тенью вороновых крылий!
Настанет день, когда, подобно нам,

Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснивший их, освобожденной грудью
Прижмутся к другу – друг и к брату – брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

Иван Франко

«Отступились сердца от меня...»

Отступились сердца от меня!

Отвернулись друзья и родня!

Опустела живому земля...

Иль боятся те люди меня?

Лучше в дебрях бродить без тропы,

Чем отверженцем в сонме людей.

Почему среди этой толпы

Я один заклеймен, как злодей?

Одиноко брожу по земле,

Никому не желанен, не мил...

В целом мире не встретился мне,

Кто бы горе мое разделил.

Если б в слезы кровавые вновь

Мог я все свое горе излить,

Я бы выплакал всю свою кровь,

Чтоб с людьми ничего не делить.

Иван Франко

«Не разлучай меня с горючей болью...»

Не разлучай меня с горючей болью,

Не покидай меня, о дума-мука

Над братским горем, над людским бездоьем!

Рви сердце мне, о призрак бледнорукий!

Не дай заснуть в убийственном бесстрастии –

Не отпускай меня, змея-гадюка!

Еще туман моих очей не застит –

Не дай забыться хоть на миг единый

Мечтой о собственном, презренном счастье,

Пока вокруг рабы сгибают спины

И валяются, как стебли под косою,

И с колыбели вплоть до домовины

Живут с бедою, точно брат с сестрою.

Покамест жизнь победной колесницей

Проносится, смеясь над нищетою,

Покамест золотая небылица

Для миллионов – топленая хата,

Покамест слезы бороздят нам лица,

Покамест тружеников казематы

Глотают, и отчаявшимся стадом

Мрут с голоду бездомные ребята,

Покамест небо оскорбляет смрадом

Вместилища разврата и обмана,

Покамест идола с бесстрастным взглядом

Тлетворным ядом отравляют раны

Народные, и на костях народных

Победу торжествуют Тамерланы, –

Не отпускай меня, о ртах голодных

Глухая дума! Лютыми клещами

Сжимай мне сердце, коли лечь на отдых

Задумаю! И днями и ночами

Тверди над ухом: «Ты им брат! Люби их!

Трудись для них словами и руками

Без сладких грез, без дум себялюбивых!»

Примечания

1

Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На – берегу – реки
(прим. автора)

Том 2. Стихотворения 1921–1941. Переводы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде (прим. автора)

3

Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности (прим. автора)

4

Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности (прим. автора)

5

Сердечная волна не вздымалась бы столь высоко и не становилась бы Духом, когда бы на ее пути не вставала старая немая скала – Судьба (нем.)

6

Немножко, чуточку (нем.)

7

Дансёры в дансингах (прим. автора)

8

Черт (укр.)

9

Здесь – в поднебесье (фр.)

10

Нежная Франция (фр.)

11 Прощай, Франция! Мария Стюарт (фр.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!